

ОООП «Литературный фонд России»
Ростовское региональное отделение
Союз писателей России
Ростовское региональное отделение
Союз российских писателей
Ростовское региональное отделение

Литературно-художественный альманах
Юга России

«ДОН и КУБАНЬ»
№3 (13) ноябрь 2011 г

Главный редактор Г. В. Студеникина

Редакционная коллегия:

А. Г. Береговой, Ростов-на-Дону
В. А. Воронов, Ростов-на-Дону
Н. И. Дорошенко, Москва
Н. А. Зиновьев, Кореновск Краснодарского края
Х. Х. Кауфов, Нальчик
И. Н. Кудрявцев, Ростов-на-Дону
В. И. Лихонос, Краснодар
А. Н. Можаяев, х. Можаяевка Ростовской области
Н. В. Переяслов, Москва
Н. М. Скрёбов, Ростов-на-Дону
Б. М. Стариков, г. Тихорецк, Краснодарского края
Г. Н. Ужegov, Тихорецк Краснодарского края

Редакционная коллегия благодарит члена Попечительского Совета Старикова Бориса Михайловича за оказанную материальную помощь в издании альманаха «Дон и Кубань».

Адреса обязательной рассылки альманаха: Литературный Фонд России
Союз писателей России
Союз российских писателей
Ростовское региональное отделение ЛФР
Ростовское региональное отделение СПР
Ростовское региональное отделение СРП
Краснодарское региональное отделение СПР
Краснодарское региональное отделение СРП
Министерство культуры Ростовской области
Министерство культуры Краснодарского края
Донская публичная библиотека
Кубанская публичная библиотека
Районные и городские библиотеки Ростовской области и Краснодарского края

Содержание:

Мемориал

Фёдоров Михайлович Достоевскому – 190 лет. 3

Проза

Николай Дорошенко. Друг. Рассказ. 7

Николай Бусленко. Интервью в новогоднюю ночь. Рассказ. 31

Иса Капаев. Хота и Мария. Повесть. 41

Владимир Беляев. Диагностика. Литейка. Рассказы. 69

Людмила Хлыстова. Юла. Рассказ. 106

Надежда Васильева. Жили-были. Рассказ. 124

Вячеслав Зименко. Рыбацкое счастье. Рассказы. 133

Вячеслав Сулакшин. Сынок. Рассказ. 144

Тамара Колесникова. Помидор. Рассказ. 155

Поэзия

Николай Переяслов. Поэма памяти. 14

Игорь Кудрявцев. Птица мелькнула в окне... Стихи. 26

Игорь Тюленев. Апрельские свирели. Стихи. 36

Владимир Романенко. Время зреет — новое. Стихи. 64

Борис Стариков. С другим не убегай. Стихи. 83

Валерий Калмацуй. Всё в порядке! Стихи. 101

Дмитрий Ханин. Найду себя чуть-чуть другим. Стихи. 114

Елена Пиетилайнен. Стучит во Вселенную сердце. Стихи. 119

Леонид Авксентьев. Что-то есть у нас в буфете. Стихи. 129

Елена Петровская. Ошалело сердце. Стихи. 142

Юрий Иванов. Не для дам. Стихи. 148

Михаил Колмыков. Стремлюсь... Стихи. 159

Публицистика

Михаил Астапенко. Пётр Великий на земле Донской. Историческое исследование. 19

Галина Астапенко. Атаманской усадьба. Исторический очерк. 88

ББК 98(2Рос-Рус)96

А-78

ISBN 978-5-87612-047-2

Альманах «Дон и Кубань» № 3 (13) ноябрь 2011 г.

Издатель: Ростовское РО ОООП «Литературный фонд России»

ООО «Издательство «Донской писатель».

Над выпуском работали:

редакторы Атланова Н. С., Студеникина Г. В.

Художник Коновалова Н.Я.

Директор издательства Береговой А.Г.

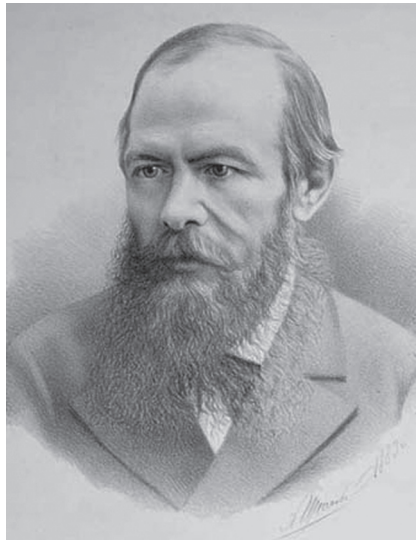
Тираж 900 экз.

т.ф. 8-(863)262-03-88; т. 8-(863)262-08-12; 8-988-567-43-95; 8-918-854-80-59

Альманах распространяется бесплатно по всей территории России и стран СНГ

Мемориал

Фёдор Михайлович Достоевскому 190 лет

Фёдор Михайлович Достоевский родился 11 ноября 1821 года в Москве в семье отставного военного лекаря Михаила Андреевича, участника Отечественной войны 1812 года, и Марии Фёдоровны (в девичестве Нечаевой). Первым ребёнком в семье был Михаил, а Фёдор – вторым. Всю жизнь два старших брата оставались самыми близкими людьми. В семье Достоевских росло ещё пятеро детей – Варенька, Андрей, Верочка, Николай, и Александра.

Отец семейства был строгим человеком. Но была добрая и ласковая мама. Была ещё няня, взятая из московских мещанок по найму, Алёна Фроловна. Достоевский вспоминал её с такой же нежностью, как Пушкин – Арину Родионовну. Именно от неё он услышал первые сказки: про Жар-птицу, Алёшу Поповича, Синюю птицу и т. д.

Часто по вечерам в семье Достоевских проходили семейные чтения. Читались Карамзин, Державин, Лажечников, Загоскин, Жуковский и конечно же Пушкин.

С 1834 года юных Фёдора и Михаила определили в пансион Л.И. Чермака, который располагался на Басманной улице, где они учились до 1837 года. О Достоевском-пансионере рассказывал его соученик В.М. Каченовский: «...это был серьёзный, задумчивый мальчик, белокурый, с бледным лицом. Его мало занимали игры: во время рекреаций он не оставлял почти книг, проводя остальную часть свободного времени в разговорах со старшими воспитанниками пансиона...»

Зимой 1837 года умерла мать Фёдора Михайловича, и этот период принято считать окончанием детства писателя. А ровно через год он вместе с братом Михаилом едет в Санкт-Петербург, поступать в Инженерное училище. Но Михаила туда не могли зачислить по состоянию здоровья, и он вынужден был поступить в инженерные юнкера в Ревеле.

В начале лета 1839 года умер отец. Будущий писатель очень тяжело перенёс эту

трагедию. Именно со смертью отца связан первый приступ эпилепсии, которая преследовала Фёдора Михайловича до конца жизни.

Годы, проведённые в училище, можно считать годами становления писателя. Вот что писал Д.В. Григорович, друг Достоевского, который учился вместе с ним: «Фёдор Михайлович уже тогда выказывал черты необщительности, сторонился, не принимал участия в играх, сидел, углубившись в книгу, и искал уединённого места...»

Достоевский читал в то время Шиллера и Шекспира, Гёте и Бальзака. И именно в годы учёбы он научился понимать Гоголя, вернее, подмечать те жизненные ситуации, которые так здорово умел воплощать на бумаге Гоголь. В дальнейшем, Достоевский в этом плане не уступал Гоголю.

После окончания училища, в 1843 году, Достоевский был зачислен на службу в чертёжную инженерного департамента, но через год он добивается увольнения с военной службы и вместе с Д.В. Григоровичем (уже известным в определённых кругах писателем) снимает квартиру. В мае 1845 года Достоевским написано первое произведение, которое он назвал «Бедные люди». Но первой пробой пера был перевод романа Бальзака «Евгения Гранде», опубликованный в 1844 году.

Достоевский прочитал роман «Бедные люди» Григоровичу, который, в свою очередь, показал Н.А. Некрасову, а тот со словами: «Новый Гоголь явился!» отнёс книгу В.Г. Белинскому. Восхищённый Виссарион Григорьевич позвал к себе автора и сказал: «Да вы понимаете ли сами-то... что вы такое написали! Не может быть, чтобы вы, в ваши двадцать лет, уже это понимали... Вам правда открыта и возвещена как художнику, досталась как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным, и будете великим писателем!» Достоевский остался верен своему дару.

Роман «Бедные люди» был напечатан в «Петербургском сборнике», после чего писатель стал широко известен. И, так же как Некрасов, многие считали его продолжателем традиций Гоголя. Но в отличие от Гоголя, Достоевский описывает своих героев глубже с психологической стороны.

После «Бедных людей» у Достоевского открывается целый цикл произведений, показывающих жизнь различных слоёв общества. Он пишет повести «Двойник», «Хозяйка», «Роман в девяти письмах», «Господин Прохарчин», «Ползунков» и, к радости многих, несколько повестей о «мечтателях». Появлению произведений о «мечтателях» предшествовала публикация Достоевским ряда фельетонов под общим названием «Петербургская летопись» (1847), в которых он объяснил причину появления «мечтателей» в жизни. Не чувствуя в себе сил для борьбы, они уходят в свой вымышленный мир, мир фантазий и мечтаний.

Затем Достоевский начинает писать роман «Неточка Незванова». Но не успевает дописать его.

Рано утром, в 4 часа, 23 апреля 1849 года к Фёдору Михайловичу Достоевскому по личному приказу Николая I пришли жандармы, арестовали его и заключили в Петропавловскую крепость. Вместе с ним было арестовано ещё несколько десятков петрашевцев.

Этому аресту предшествовало знакомство с бывшим служащим министерства иностранных дел М.В. Буташевичем-Петрашевским. Начиная с весны 1847 года писатель становится постоянным членом кружка петрашевцев. Достоевский был сторонником отмены крепостного права и цензуры над литературой. Но в отличие от остальных петрашевцев он был ярким противником насильственного свержения существующей власти.

На одной из петрашевских «пятниц» писатель читал знаменитое письмо Белинского к Гоголю с резкой критикой «Выбранных мест из переписки с друзьями». Чтение этого «преступного» письма и стало одним из главных пунктов обвинения Достоевского.

По решению суда Достоевский и девять других членов кружка были лишены дво-

рянских титулов, чинов и заключены в Петропавловскую крепость. За девять месяцев ожидания суда Фёдор Михайлович написал один рассказ – «Маленький герой».

Военный суд признал Достоевского «одним из важнейших преступников» и приговорил его к смертной казни. Император Николай I добавил: «Объявить о помиловании лишь в ту минуту, когда всё будет готово к исполнению казни». Инсценировка смертной казни состоялась 22 декабря 1849 года. Через два дня Достоевского заковали в кандалы и отправили в Омский острог, в котором он содержался до февраля 1854 года.

В январе 1854 года, по окончании срока каторжных работ, он был зачислен рядовым Сибирского линейного батальона в Семипалатинске и смог возобновить переписку с братом Михаилом и А. Майковым. В ноябре 1855 года Достоевский произведён в унтер-офицеры, а 1 октября 1856 года – в прапорщики. Весной 1857 года писателю было возвращено потомственное дворянство и право печататься, но полицейский надзор над ним сохранялся до 1875 года. Изменилась и семейная жизнь писателя. 6 февраля 1857 года состоялось венчание Достоевского с М.Д. Исаевой. Брак этот оказался несчастливым.

В 1858 году Достоевский подаёт прошение об отставке «по совершенно расстроенному на службе здоровью». В марте следующего года он уволен в чине подпоручика и получает разрешение жить в Твери. С июля 1859 года с женой и пасынком писатель проживает в Твери.

В декабре 1859 года Достоевский с семьёй приехал в Петербург и совместно с братом Михаилом стал издавать журнал «Время», затем – «Эпоха», сочетая редакторскую работу с авторской: писал публицистические статьи, заметки, художественные произведения. В сентябре 1860 года началось печатание «Записок из Мёртвого дома» в начале 1861 г. печатается роман «Униженные и оскорблённые». Тогда же выходит двухтомное собрание сочинений Достоевского. Летом 1862 года Достоевский впервые выехал за границу; посетил Германию, Францию, Швейцарию, Италию, Англию, встретился с А.И. Герценом, с которым был знаком с 1846 года. В августе 1863 года писатель вторично выехал за границу. В Париже он познакомился с Аполлинарией Суловой, драматические взаимоотношения с которой в 1861 – 1866 годах получили отражение в романах «Игрок», «Идиот» и других произведениях. В Баден-Бадене, увлечённый игрой в рулетку, проигрывается «весь, совершенно дотла»; это многолетнее увлечение Достоевского – проявление одного из качеств его страстной, азартной натуры. В октябре 1863 года он возвратился в Россию. До середины ноября жил с больной женой во Владимире, а в конце 1863 – апреле 1864 года – в Москве, наезжая по делам в Петербург.

10 июня внезапно скончался брат писателя, Михаил Достоевский. В августе после двухмесячной задержки вышел июньский номер «Эпохи» с некрологом «Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском», написанным Фёдором Михайловичем.

В 1866 году истекающий срок контракта с издателем вынудил писателя одновременно работать над двумя романами – «Игрок» и «Преступление и наказание». Всё лето 1866 года Достоевский жил и работал на даче под Москвой. Он катастрофически не успевал, отправлял новые главы «Игрока» прямо в набор и по совету друзей решил прибегнуть к необычному способу работы: 4 октября 1866 года его посетила молодая стенографистка Анна Григорьевна Сниткина, которая легко справилась с работой. В тот же день писатель начал диктовать ей роман «Игрок». 31 октября, менее чем за месяц, роман был закончен и переписан, в конце 1866 года Достоевский диктует последние главы романа «Преступление и наказание». После окончания романа, 15 февраля 1867 года, состоялось венчание Достоевского и А.Г. Сниткиной.

С апреля 1867 и до июля 1871 года, более четырёх лет он с женой живёт в Берлине, Дрездене, Баден-Бадене, Женеве, Милане, Флоренции. Впервые в жизни писателю

действительно по-настоящему повезло. Эта женщина устроила ему нормальную жизнь, взяла на свои плечи все экономические заботы. Во Флоренции 22 февраля 1868 года у Достоевских родилась дочь Софья, внезапную смерть которой 12 мая того же года Достоевский тяжело переживал. В Дрездене 14 сентября 1869 года родилась дочь Любовь, позже в России, 16 июля 1871 года – сын Фёдор, а 12 августа 1875 года – сын Алексей, умерший в трёхлетнем возрасте от припадка эпилепсии.

В сентябре 1867 года писатель начинает роман «Идиот», в ноябре уничтожает первую редакцию романа, затем упорно работает и завершает его в январе 1869 года. В начале 1870 года сделаны первые записи к роману «Бесы» (1871– 1872). Весь 1872 год писатель работает над романом, и в конце года он был напечатан в «Русском вестнике».

В связи с ухудшением здоровья (усилившейся эмфиземой лёгких) в июне 1874 года он уезжает для лечения в Эмс и повторяет поездки туда в 1875, 1876 и 1879 годах. Летом 1874 года Достоевский начинает работу над романом «Подросток», который пишет по просьбе Некрасова. Роман закончен за год и в августе 1875 года напечатан в «Отечественных записках». В июне писатель побывал в Москве и договорился о печатании нового романа «Братья Карамазовы». Первые главы были готовы уже в ноябре, а с начала 1879 года роман печатается в «Русском вестнике».

Анна Григорьевна: «В 8 часов 28 минут вечера Фёдор Михайлович отошел в Вечность». Произошло это 28 января (9 февраля) 1881 года.

1 февраля 1881 года при огромном стечении народа писателя хоронили на Тихвинском кладбище в Александро-Невской лавре Петербурга. Место нашли вблизи могил Жуковского и Карамзина. Погребальное шествие вышло из дома Достоевского около 11 часов утра, но только после двух часов дня достигло лавры. По словам А.П. Милюкова, Достоевского «хоронили не родные, не друзья – его хоронило русское общество». В 1883 году на могиле установили памятник (архитектор Х.К. Васильев, скульптор Н.А. Лаверецкий).

Фридрих Ницше признавал, что Достоевский единственный, кто сумел ему объяснить, что такое человеческая психология.

Ф.М. Достоевский: *«Человек всегда и во все времена боготворил материализм и склонен был видеть и понимать свободу лишь в обеспечении себя накопленными из всех сил и запасёнными всеми средствами деньгами. Но никогда эти стремления не возводились так откровенно и так поучительно в высший принцип, как в нашем девятнадцатом веке. «Всяк за себя и только за себя и всякое общение между людьми единственно для себя» – вот нравственный принцип большинства теперешних людей, и даже не дурных людей, а напротив, трудящихся, не убивающих, не ворующих. А безжалостность к низшим массам, а падение братства, а эксплуатация богатого бедных, – о, конечно, все это было и прежде и всегда, но – не возводилось же на степень высшей правды и науки, но осуждалось же христианством, а теперь, напротив, возводится в добродетель... – ...Наступает вполне торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские, национальные... – ...Наступает, напротив, материализм, слепая, плотоядная жажда личного материального обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами – вот всё, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу, вместо христианской идеи спасения лишь посредством теснейшего нравственного и братского единения людей».*

Не правда ли, поражает прозорливость гениального русского классика – Ф.М. Достоевского? Слова, сказанные им более века назад, непосредственно и остро касаются современных проблем нашей жизни.

Николай Дорошенко
член Союза писателей России
главный редактор газеты
«Российский писатель»
г. Москва

Друзя
рассказ

Ничьим он другом не был. Это прозвище такое у него — Друг. Как бы в насмешку. Он сам постоянно напрашивался на это прозвище. Нигде не разминуться было с ним, не мог он мимо пройти, как все; мало-мальски знакомому человеку он обязательно кричал:

— Друг! Привет! Ты чё здесь? А-а, понятно, понятно... А то если что, дак вместе тут... Конечно, это понятно... Но если что, то я здесь, при случае встретимся, ага...

Слава богу, отвязаться от него труда не стоило.

Нет, мы, конечно, не считали его дрянью — но в то же время трудно сказать, каким он нам казался человеком. Например, едва наша учительница математики Зоя Антоновна, исписав доску, просила: «Сотрите кто-нибудь», он тут же вскакивал с места и очень проворно выполнял её просьбу. А к парте своей возвращался весь сияющий, оглядывал класс ничего не видящими, ослеплёнными довольством глазами.

На физике и на химии он был вечным подручным при проведении опытов. Один раз ему прижгло кислотою палец, но тем большею гордостью пылало при этом его лицо.

Нельзя сказать, что он высовывался, — просто он был как поплавок. И мы скорее не ненавидели его, а презирали. Или даже не презирали — лучше сказать, никто не хотел замечать рядом с собою его большеротую, с широким носом и маленькими ушками физиономию. Неприятно было, что не делает он над собой усилий, чтобы показать всем своё достоинство.

Даже когда ему хватало мужества стоять перед директором школы и не выдавать какую-то нашу тайну, о которой, конечно, знать он мог лишь случайно, мы следили за ним без восторга — уж очень легко давалось ему страдание под пытливым директорским взором (словно бы даже нравилось ему страдать!) и слишком довольным у него был вид, когда директор отправлял его за родителями. Старались мы не встретиться с ним глазами, когда он, собрав книжки в портфель, важно оглядывал класс: дескать, держитесь, ребята, а уж я как железо...

И отца его мы не любили. Потому что слишком потерянно объяснялся с директором этот двухметровый, с твёрдыми скулами мужик.

— Кто? Мой хулиганит?... Мой?... — бормотал он, сминая в руке шапку. — И чё это он? Да разве ж думал я... Ага, скажу я ему... Если что, дак и выпорю, ага... А за что? А-а, конечно, конечно... Чёрт их разберёт, этих хлопцев... Вроде нормальные хлопцы... Да, я всё понимаю... Ага, и недопонимаю... Бог его знает, как оно всё... Ага... А только и не забирайте, это тоже, знаете ли... Он вполне это самое... Да. Хотя я и не спорю, тут спорить нечего... Ага, поговорить я смогу... Да.

Директор вскоре перестал вести переговоры с таким папашей. Да и Друга дирек-

тор перестал трогать. Всем было понятно, что собственных преступлений перед школой Друг совершить не мог, он только считал своим долгом присоединиться к чьим-то проделкам.

Где-то в седьмом классе меня посадили рядом с ним. Это было почётно — всё же не возле девчонки. То есть Другу и мне попросту не хватило девчонок. Но всё равно мне было неприятно с ним сидеть. Именно в сторону моей парты летели теперь, когда Зоя Антоновна отворачивалась к доске, скомканные бумажки и прочий мусор. Я, конечно, постарался навести порядок. Однако противно было защищать человека, который всякий раз с радостным изумлением оглядывался на того, кто в него чем-нибудь швырял.

Весь год, пока сидели мы с ним за одной партой, считал он меня ближайшим своим другом. Хотя во время перерывов я предпочитал обходиться без него. Сунув руки в карманы, как-то смущённо улыбаясь, шлялся он один от звонка до звонка по школьному коридору и, если слышал откуда-то шутку, тут же громко начинал хохотать, а затем вежливо пристраивался к компании шутника.

Ну а уж на уроке от дружбы его отделаться было не так-то легко. Я никогда сам не лез к нему списать задачку, но не успевал беспокойно оглянуться по сторонам, тут же Друг толкал меня в бок, шептал:

— Вот, готовое всё!

Именно потому, что я был ленив и постоянно нуждался в списывании, Друг даже учиться стал лучше. Он, например, научился решать задачи двумя способами — один для себя, другой для меня.

Списывал же я постоянно с неприязнью.

Однажды, впрочем, я действительно горячо пожал его руку. И долго затем не переставал раскаиваться в этом.

Случилось всё, когда я из школы рискнул пойти по улице, с которой в то время ребята нашего конца враждовали. Дерзкое это путешествие стоило мне, конечно, обидного синяка под глазом. И вот, когда, дрожа от пережитого, вышел я на безопасную территорию, он выскочил мне навстречу, закричал:

— Друг! Ты чё! Кто тебя, а? Ну-у, жлобьё! На одно-го-о-о! Счас же мы им — вдвоём! Примочу ж кому-то я! Будь уверен! Пошли! Я примочу! Ага!

Воинственный его вид внушил мне надежду и смелость. Я сгоряча не стал собирать, как это мы делали обычно, большую компанию для мести. С какой-то безумно благодарной любовью взглянул я на тонкую, очень вёрткую шею своего соседа по парте.

— Ты... настоящий друг, — промолвил я, пожимая его руку.

И так рад я был вот этой скорой возможности расплатиться за недавнее своё унижение, за синяк под глазом...

Двинулись в стан врагов мы довольно-таки решительно. Друг шёл, размахивая руками, подавшись всем корпусом вперёд, словно бы против ветра, и постоянно кричал разные свирепые угрозы.

Когда показалась группа ребят — теперь уже не меньше десяти человек, — он ещё решительнее зашагал. Те поджидали нас явно с недоумением. Их, видимо, смутил наш отчаянно смелый вид. Но — таким был негласный наш закон — увильнуть от драки они не могли. И — мы тоже теперь не могли повернуть назад. Хотя я, увидав огромную толпу впереди, сразу догадался о безнадёжности нашего с Другом положения. Как я теперь понимаю, важно было только вступить в драку. А затем уже, при явном преимуществе противника, не стыдно было дать дёру. Но вышло всё по-другому...

— Ну! Кто! Подходи! — вопил Друг срывающимся голосом. — Кому примочить?

А то — на одного! Жлобьё! — И далее пошли уже непечатные слова, в то время придававшие нам особую отвагу...

Противники наши неуверенно двинулись нам навстречу. Тут Друг уже бегом врезался в их толпу, и, кажется, первый его натиск был весьма удачным. А тут и я, в ярости зажмуря глаза, начал работать кулаками. Но вскоре у ребят прошёл шок от свирепого нашего вида. Они плотно окружили нас, пошла обычная молотьба. Улучив момент, я рванулся из кольца, рассчитывая, что и Друг сделает то же самое. Но он слишком увлёкся. Пришлось мне опять включаться в бой — а точнее, продолжать терпеть наносимые со всех сторон удары. Уж слишком неравными были наши силы. Однако одного моего отступления хватило для того, чтобы у ребят пропала ко мне злость. Но тем отчаяннее они теперь избивали Друга. Я бросался на них, но меня только отталкивали или валили на землю, а всю ярость свою, весь азарт они обратили к Другу, который, впрочем, стоял крепко и, кажется, не чувствовал ударов, а иногда даже изловчался кого-то весьма ощутимо достать. Стойкость эта стала причиной последовавшей дальше жестокости. Его сбили с ног, начали месить, теперь беспомощного. И я уже почти не дрался, а только оттаскивал то одного, то другого распалившегося бойца в сторону. Наконец я упал на Друга, но это ему не помогло — меня откатали в сторону.

Закончила драку какая-то тётка с вёдрами. Она, увидав нас, быстро всех разогнала. Но Другу хватило сил подняться на ноги и бежать вслед за врагами. Я обхватил его руками и чуть ли не понёс в сторону своей улицы. Вскоре он пришёл в себя.

— Ну, что я говорил! — тяжело дыша, вопил он. — Дали им! Дали! Я не один раз врезал кое-кому! А ты! А ты врезал, и он полетел, я видел! Видел я! Дали мы им! Будут помнить! Друг! Да мы теперь кому угодно примочим!

Весь исцарапанный, перепачканный грязью, он теперь бодро шёл домой и, казалось, был доволен исходом недавней битвы. Но тем более было тяжело мне! Нет, я, конечно, в то время, как и все мои ровесники, не мог не оценить смелость чью-то в драке. И мы бы с Другом могли стать уже настоящими друзьями. Но — он словно не замечал, что ему досталось побольше, чем мне, что дрался он практически один против всех. С угрюмой обидой слушал я, как он вопил: «Мы!», «Мы!» И в то же время жалко его было — побитого, простодушного. И ещё — в простодушии его проглядывала какая-то доверительная беззащитность. Такую вот беззащитность обнаруживал я разве что в своих родственниках, когда вырывался из их объятий. Короче говоря, мне неприятно было слушать о его преданности, неприятным было его подобострастное ко мне отношение.

— Ну, пока,— сказал я, когда мы подошли к моему дому.

— Ага, завтра пойдём в школу через ихнюю улицу! — почти с восторгом заявил он.

И вынужден я был утром дожидаться Друга, хотя уже даже ненавидел его за это своё тайное обязательство идти в школу именно с ним и по опасной улице.

Разумеется, нас никто больше не трогал.

— Они тебя боятся! Я ж знал! — комментировал он всю дорогу.

Уныло слушал я Друга и мечтал хотя бы о половине его синяков и ссадин. В школе же Друг, почувствовав мой холод к нему, оставил меня в покое. Ничуть не обидевшись. Этого я уже никак не мог ему простить. То есть он вскоре стал раздражать меня до такой степени, что я даже затеял с ним драку в туалете. Нечаянно он, проходя мимо, задел меня, и я влепил ему изо всей силы в ухо. Нас окружили, поскольку должна была произойти краткая потасовка. Но он только ловил мои кулаки и кричал:

— Да ты чего, а? Скажи! Ну, скажи, а? Скажи!

И тогда я неожиданно для себя всхлипнул у всех на виду. Глотая слёзы, пошёл я прочь.

Должен сказать, не меньше года я принципиально не разговаривал с Другом. А

всё потому, что постоянно чувствовал его готовность помириться со мной. Об этой его готовности я догадывался, когда ловил на себе знакомый смущённо-весёлый взгляд.

Лишь однажды мне пришла в голову мысль, что он одинок. Это когда влюбился он в Райку. Но опять же таким... непривлекательным было его одиночество, что не хотелось всю душу в него вникать. Здесь даже не об одиночестве идёт речь, а о неприкаянности, заброшенности, о чём он, как мне кажется, даже не подозревал.

История его любви с Балашихой, то есть с Райкой Балашовой, такова.

На Райку заглядывались многие ребята. Была она тихой, с хорошенькими тёмненькими глазками девочкой. Лично я, например, мог весь урок созерцать её легко выщипанные, заколотые сзади розовым гребешком волосы. И много бы я дал за то, чтобы нечаянно дотронуться до этих ласково-мягких волос. Но Друг на уроках не сводил глаз с затылка другой нашей одноклассницы — Тани Фёдоровой. Все мы знали о том, кто в какую сторону смотрит. И не полагалось вслух об этом говорить. Если же кто решался тайную свою любовь обнаружить запиской или ещё каким-то способом, то возникала целая буря, на промокашках появлялись карикатуры, а на стенах в коридоре — соответственного содержания надписи.

И вот Балашиха (об этом даже подумать никто не мог!) на одной из переменок, когда Другу досталась особенно обидная порция презрения и насмешек от Володи Боданюка, наша Балашова Рая вдруг тихо, так, что не все даже расслышали, сказала:

— Как тебе не стыдно, Володя... Он же никогда, никому, ничего плохого не сделал...

И румянец залил Раины щёки. Если бы не этот румянец, то всё, может быть, обошлось бы, но тут Боданюк (Бычком мы его называли) ткнул в Раю пальцем и даже не крикнул, а противно завизжал:

— Глядите! Балашиха в Друга втрескалась!

А бедная Рая, вместо того чтобы, как это водится, швырнуть в Боданюка учебником, покраснела ещё сильнее и сказала срывающимся голосом:

— А тебе какое дело... Дурак!

Не стерпев Раиною униженного вида, я резко прижал голову Боданюка к парте и, как бы просто предлагая ему повозиться со мною, начал ещё и заламывать ему руку за спину.

— Пусти, гад! — корчась от боли, шипел Боданюк, но я делал вид, что злости его не замечаю, и, хохоча, продолжал своё дело. А едва учительница вошла в класс, я оставил его, метнулся к своему месту. Таким образом, честь моя не пострадала, никто не счёл нападение на Боданюка мстью за Раю. Однако признание Раи я воспринял чуть ли не как оскорбление в свой адрес. И, видимо, многие были оскорблены её выбором. Кое-кто даже начал вскоре демонстрировать ей своё умение тонко намекать... Зато Друг в сторону Тани Фёдоровой теперь смотрел всё реже, а Раю он буквально ел глазами.

Зоя Антоновна прерывала свои объяснения, сурово умолкала, но Друг даже не замечал наступившей тишины, на лице его зыбко светилась жалобно-грустная улыбка, глядел и глядел он Рае в затылок.

— Очни-и-ись! — не выдерживала Зоя Антоновна и так же, как Друг, жалобно улыбалась. — Всех касается то, о чём я сейчас вам растолковываю!

Наконец произошло между Другом и Раей подобие сближения. Иногда украдкой подавал он ей пальто в раздевалке, а она, вся пунцовая от смущения, боялась глянуть ему в глаза, быстро отбирала своё пальто, уходила одеваться в самый дальний угол. Иногда можно было видеть, как сидят они неестественно прямо, будто одеревенев, в кино, как возвращаются из клуба, держась один от другого на почтительном расстоянии.

Не знаю я, как теперь ведут себя влюблённые старшеклассники. Если это правда, что они более смелы в проявлении своих чувств, то пусть всё равно с пониманием отнесутся и к тому, что умели мы в их возрасте двадцать лет назад. Лично я сейчас, кажется, полжизни отдал бы только за то, чтобы ещё раз пережить вот такую любовь, состоящую лишь из молчания, из созерцания лиловой летней тьмы. Кажется, только когда вот так замрёт, неслышная, твоя душа, счастье сможет торкнуться тебе в сердце и шевельнуть в нём горячую, радостную и почти слёзную влагу.

Но недолго длился столь примечательный роман. Должно быть, и вправду над любовью должен вечно висеть, как дамоклов меч, страх её за саму себя, иначе, будучи уверенной в себе, она сразу вся в уверенность эту выйдет. Куда уж Рае Балашовой, тихой да робкой, тешиться боязнью потерять возлюбленного, ей бы, такой всегда беспомощной, тянуться надо лишь к тому человеку, который сулит надёжность во всём. Но надоела даже Рае самоотверженность Друга. Сначала, видя, как он всюду появляется — хоть в школе, хоть на улице — ей на глаза, она только краснела да со счастливыми вздохами отворачивалась, а затем возникающий по щучьему велению добрый молодец начал ей казаться навязчивым, раздражать он её стал своими одинаково преданными взорами, и как-то она, будучи не в духе, сказала ему на переменке:

— Да отстань же...

— Что случилось?.. Что? Скажи, а? Скажи-и-и! — испуганно тут же взмолился он и тем самым довершил дело.

Рая возмущённо повернулась к нему, губы ее задрожали, но столь жалким был вид у Друга, что она даже не удостоила его ни единым словом.

С этих пор Друг как-то сник. Когда, как всегда, сунув руки в карманы, подходил он к компании ребят, то глядел несмело, словно стесняясь собственной смущённой улыбки. А если при этом кто-то обращался к нему, то он слишком суетливо пытался поддержать разговор. Ребята перестали лезть к нему с насмешками, но — исключительно потому, что вымахал он вдруг в двухметрового, как и его отец, верзилу, а кулаки его даже перестали уместаться в карманах, совал он туда лишь по два крепких пальца. И ещё — стал он медлительным. А точнее — в походке его, в каждом его движении стала таиться какая-то спокойная грусть. В то же время, когда нечаянно сходил я с ним чуть ближе, появлялось у меня ощущение, что не изменился он, то есть даже в теперь богатырской его шее вдруг угадывалась тоненькая и вёрткая шейка моего когда-то до крови избитого защитника. И потом — чего стоят здесь его проводы в армию!..

Нас начали забирать после школы, где-то через год. Все, кто не поступал в институт, дожидались армии, чтобы, вернувшись через два года, уже навсегда как-то определить свою жизнь.

Другу повестка пришла одному из первых. И он пошёл по деревне звать гостей... Можно было только удивляться, как это ему огромный рост не мешает глядеть на всех столь умоляюще. Конечно, мы даже не думали проигнорировать его проводы, подобное святотатство мы не могли допустить. Но с такой мольбой он просил нас прийти, так боялся он безлюдья в свой памятный денёк, что мы невольно опускали глаза и старались ответить как можно более равнодушно: «Да придём, придём, куда денемся...» А затем, когда во дворе у Друга собралась почти вся наша молодёжь (кроме тех, кто уже уехал из деревни), ликование его было столь великим, что нам уже стало казаться: уж не паясничает ли он? не смеётся ли он над нами? Нет, он, конечно, не умел этого делать. Был он просто по-настоящему рад такому повороту дел.

— Хлопцы! — кричал он, сияя лицом. — Наливайте там себе, не сидите! За мои десантные войска будем пить!

Мы тянули к нему свои стаканы, чтобы выпить именно за десантников. Каждый

из нас то и дело вскакивал со своего места, подбегал к Другу обнять его напоследок. Я тоже, ошалев от возбуждённого нашего оранья, полез к новобранцу выпить с ним «на брудершафт» и впервые дотронулся до него, чтоб обнять, ощутить под руками неуклюже широкие его плечи. Он крепко стиснул меня, я услышал, как вдруг загнулось, по-детски дрогнуло его дыхание.

Пожалуй, наша деревня ещё не знала таких шумных проводов. Мы надорвали себе глотки песнями, мы плясали так, что ног под собой не чувствовали. Но громче всех орал песни, азартнее всех плясал именно Друг. А вскоре шум достиг ещё больших высот — это когда новобранец, на минутку исчезнув, появился вдруг в белой рубаше, на которой крупными чернильными буквами было наспех написано: «Не забывайте! Вернись!» Мать его только руками всплеснула, а уж мы завизжали как безумные, веселье как бы наконец оторвало нас всех от земли и понесло на вольную волю. Ребята висели на Друге гроздьями, каждый бил себя в грудь и что-то Другу толковал. И я тоже в чём-то признавался и признавался Другу, как во сне, как в бреду, испытывая облегчение от своих невнятных слов, от своих, как мне казалось, необычайно искренних, необычайно осветляющих душу признаний.

И вот пошли мы по деревне, оставив за сдвинутыми во дворе столами только тех, кому солидный возраст не позволял гулять орущей ватагой. Несколько скамеек выдернули мы вместе с присошками во время этого похода по деревне. Также был метров на десять сдвинут с места возле магазина огромный, как стол, валун, который, может быть, спокойно пролежал здесь с ледникового периода. Но и этого нам было мало. Боданюк не поленился, сбежал домой за краской, а затем повёл всех к водонапорной башне и под общий восторженный вопль полез по ржавым скобам на самую верхотуру, чтобы, рискуя сорваться, вывести там крупными буквами: «ДРУГ! ДМБ-71!»

Уже был рассвет. Так и не сомкнув глаз, вернулись мы к Другу во двор, уселись за столы, где начал вскоре собираться теперь утренний народ. А пробил свой час — стали сажать мы Друга в машину. Отец и мать завладели было новобранцем, он на минуту сник, и мы все, сочувствуя этой святой сцене, затихли, однако тем самым как бы вспугнули его, он тут же огляделся по сторонам, в глазах у него заблестели вдруг какие-то по-шаловному приветливые и ласковые слёзы.

— Ну, не забывайте ж, а я никого не забуду! — сказал он и, как космонавт, собирающийся отдать главе государства рапорт, пошёл к машине. Он так шёл, что в памяти моей осталось почти каждое его движение. А из кузова глянул он на нас с обычной своей смущённой улыбкой.

Я еле дождался (и для этого что-то Другу кричал), пока появится в глазах его ещё и азартный блеск.

— Этот не заметит, как отслужит,— сказала какая-то женщина рядом со мною.

— Такому бы да счастливую долю, — сказала другая. — А то ведь силу некуда тратить, камень возле магазина перенесли.

Голова моя гудела, я не мог понять, осуждают они Друга или не осуждают. На всякий случай глянул я на женщин довольно-таки неприязненно.

Вскоре вручили повестку и мне. А вслед за повесткой получил я письмо от Друга. О десантных войсках писал он в самых восторженных тонах. Ему там нравилось всё. Даже еда. Очень просил он передать землякам приветы и ответить на письмо. «Никогда не забуду проводы,— писал он. — Буду вечно помнить, как пришли все ко мне и веселились целую ночь! Приятно всё-таки знать, что есть где-то настоящие друзья. Хотя у меня и здесь уже полно друзей. Если Рая приедет на выходные, дай ей мой адрес. И всем дай мой адрес. Жду твоего письма с нетерпением!» — ну, и дальше всё в таком же духе. На четырёх страницах, аккуратным, чистым почерком.

Но мне теперь не до писем было. Не ожидал я, что буду так волноваться и тосковать

в последние перед армией дни. С Таней Фёдоровой ходил я по ночам по деревне и будто впервые видел всё здесь. Даже Таня иногда казалась мне вдруг словно бы не имеющей никакого отношения к моему волнению. Собственно, это было первое моё волнение, которое должен был я пережить не вместе с классом, не вместе с ватагой других ребят, а в одиночестве.

В армии время тянулось вроде бы медленно, но когда пролетели два года, то не поверил этому. Совсем не длинными остались в памяти годы службы. Вернулся я в деревню, встретился с друзьями. Оказалось, что затеяли наши ребята встретиться всем классом. И когда собрались, то недосчитались только нескольких человек. В том числе и Друга. Не помню теперь точно, кого ещё не было, а вот на отсутствие Друга мы все обратили внимание. Начали выяснять, куда он подался. Но никто ничего вразумительного сказать о нём не мог. Вспомнил я о письме, спросил:

— Ребята, а кому он писал?

Оказалось, всем он написал, но никто не ответил ему.

Правда, Рая призналась, что некоторое время отвечала на письма Друга, а затем перестала.

— Он сначала сюда вернуться собирался, потом писал, что на Камчатку уедет, на рыболовное судно. И мать его говорила про какой-то вызов, мол, переслала ему...

— сказала Рая.

Это было очень грустное свидание. Мы стали уже слишком непохожими друг на друга. Каждый таил в себе какое-то собственное намерение на жизнь. Уверенное или неуверенное, но собственное. Когда возвращался я домой, то увидел надпись на водонапорной башне. Нелепой мне показалась эта кривая, в подтёках краски, надпись.

Поэзия... Поэзия... Поэзия...

Николай Переяслов
член Союза писателей России
секретарь правления Союза
писателей России, г. Москва

Поэма памяти

1.

Мне кажется, я родился уже очень много лет
тому назад.

Если бы, учась в школе, я написал слово «интернет» –
учительница бы исправила его на «интернат»,
и правда – была бы на её стороне,
поскольку в эпоху пятилетних планов
об интернете не знали ещё ни у нас в стране,
ни за одним из океанов.

Это изобретение (так же, как мобильные телефоны и карта «Виза»)
появится лет через сорок, ничуть не раньше.

Тогда же самым офигенным изобретением был телевизор,
у которого имелся маленький выпуклый экранчик.

Чуть позже появились транзисторные радиоприёмники и магнитофоны,
похожие на чемоданчики среднего веса.

Льющаяся из них музыка являлась и смыслом, и фоном
жизни, не знающей никакого другого интереса.

По вечерам молодёжь приходила к клубу,
чтоб посмотреть новомодные фильмы – «Фантомас» или «Рафаэль».

А главное – тут можно было «снять» себе Катю, Наташу, Любу
или наметить какую-нибудь другую цель –
сладенькую, как карамель.

Тут же, около клуба, можно было каждый вечер подраться,
выясняя с чуваками, кто в городе самый крутой.

(Хотя «крутыми» в те дни называли только варёные яйца.)

Да что говорить! В стране тогда – длился «застой».

...Струятся года мои, словно вода между пальцев,
но много ли проку приказывать жизни: «Постой?..»

2.

Когда я был молод – был крепок Союз и силён.

Не бесконфликтен (куда там!), но – от Чукотки до Бреста –
едиными были для всех тогда мода, закон и жаргон,

марки автомобилей, цены и невозможность протеста
против тупой реальности, давившей со всех сторон.

(Ни колокольный звон, ни чудеса икон, ни красота корон – не находили в ней места...)

3.

В возрасте шестнадцати лет я прочитал Солженицына, хотя и до этого слышал тяжёлое слово «ГУЛАГ». Признаюсь, меня не шокировали прочитанные страницы, и в сердце не покачнулся красный советский флаг. Быть может, тому причиной был дед мой – К.С. Москаленко, с ранних лет воевавший за большевистскую власть. (Сейчас большевиков ругают, но кто бы ещё с колен-то народу, жившему в рабстве, помог наконец-то встать?..) Всех Древней Руси полководцев проснулись, видать, в нём гены, коль сын батраков стал маршалом и дважды Героем страны. В июне 1953-го, по нашей семейной легенде, он лично убил в Кремле Берию... (Но факты об этом – темны.)

4.

Судьба человека похожа собою на волны: любая из них по отдельности, в общем – ничто, всего только мокрый, зелёный, ветрами колеблемый холмик... Когда ж они вместе – сливаются в качку и шторм. Как выстоять против её разливанного горя? Похоже, что жизнь – то не срок нам, а высшая мера. Вот море – оно необъятно, как Бог. А Бог – всеохватен, как море. Понять это сложно, даже, нося на плечах процессор 62-го размера. Как мог я подумать, гордясь самой лучшей державой, что давший мне жизнь СССР весь развалится вдруг, как старая бочка, когда с неё сдёрнули ржавый изношенный обруч, что стягивал всё в один круг? Как мог я представить, что милая мне Украина, в которой донныне живут мои мать и сестра, не родина будет мне впредь, а чужая чужбина, что так же не греет мне душу, как фото костра? Откуда мог знать я, польстившись на призрак свободы, что там, где свобода – там ждёт не счастливая новь, а смертная битва, в которой сойдутся народы, чтоб рвать свою Родину-мать и пускать её кровь? И будет мой край – от Москвы и до самых окраин – как загнанный лось, увязая в глубоких снегах, всемирною злобой, как будто клыками изранен, тащиться куда-то незряче на шатких ногах. Гремят за спиной браконьерские хищные ружья, встаёт по бокам волчьей стаи пугающий вой. И липкая кровь всё сильнее заливают подбрюшье, и трудно ворочать тяжёлой, чумной головой...

5.

Я мог бы просто сказать, что демократия – это Иудин след на земле, уводящий не к Богу, а – от.
 Но голые истины так же неприличны, как голые люди, поэтому я одеваю их в образы, как в блузы – народ.
 К тому же, слова «демократия» или «свобода» несут в себе тайную силу, дурача людей, и столько обобранного и облапошенного народа теряет свой разум, наслушавшись лживых идей.
 Ведь с виду всем кажется – в том-то и есть воля Бога, чтоб каждый из нас был свободным и жил, как хотел.
 А в жизни выходят – Будённовск, Беслан, Кондопога и тысячи раненых душ и измученных тел.
 Долг воинской чести – застрелен при всех, как Буданов.
 Закон – прокуроры спустили давно в казино.
 Сегодня в чести – шоумены, бандиты, путаны да те, кому было дано засветиться в кино.

Я долго живу на земле. Мог бы целую повесть поведать кому-то о том, чем народ русский жил.
 И вот – самым вредным из чувств ныне стала вдруг совесть и надо учиться искусству цинизма и лжи...

6.

...Если бы, учась в школе, я написал, что *«полевые командиры снизили свою активность в ожидании зелёнки»*, то учительница бы решила, что это колхозные бригадиры сорвали на руках мозоли и в ожидании медсестры экономят силёнки.
 Конечно, и в СССР жизнь не казалась раем – я ведь не «лох» и видел примеры корысти, гордыни, беспечности.
 Но там, хоть и не было религии, но был зато – Бог, Который проявлял себя в человечности.
 Она – искупала собою ошибки властей и жизнь наполняла свободным и чистым дыханием.
 Ну да, мир был груб. Но он каждому дан был – владей!
 Отчизну бери себе в славу, а не в поругание.

И если б сегодня спросил бы меня кто-нибудь:
 «Что было в былом из того, что вернуть тебе хочется?» – я просто сказал бы, что там перед каждым – был Путь, а воздух всю грудь наполнял жаждой счастья и творчества!
 А ныне, куда ни взгляни – видишь виллы вельмож, заборы не ниже кремлёвских, литые ворота.
 Там всюду – житейский успех и карьерная мощь.
 Да вот почему-то писать там стихи неохота...

7.

Множество раз за века уже сказано людям
с разною твёрдостью или художественной силою:
нас создаёт и формирует то, что мы любим,
значит – любить надо светлое лишь и красивое.
Ах, до чего ж было б здорово, славно и просто-то,
если бы все, переселив духовную лень,
вдруг полюбили всем сердцем Спасителя Господа,
души заполнив сиянием Истины всклень!
Чтоб сквозь любого – будь мужественный он или женственный –
образ Творца воссиял бы, как лампа сквозь ночь,
превоплотив *Гомо Сапиенс* – в *Гомо Божественный*
и разогнав Его светом грехи наши прочь.
Но, отвернувшись душой от святого и доброго,
мы полюбили (в любви этой мир погребя) –
только шуршащие, мерзкие, злобные доллары,
с помощью их формируя отныне себя.
В этой любви, как в дыму, задохнулась поэзия,
мир обрекая на серые, скучные дни.
Резвые будни, ночные пирушки нетрезвые –
всё, словно шапки облезлые, бросят они!
На красоту беззащитную злобно окрысаясь,
мир за наживой безумно рванул со всех ног –
и, словно в лужу, уселся в финансовый кризис.
Дёрнулся встать – а опоры нащупать не смог...

8.

Нет моей Родины. То, что я вижу сейчас –
больше похоже на копию или фальшивку.
(Словно брезент, что надет на фигурный каркас,
напоминая собой боевую машину.)
Сколько бы ни было душ среди русских земель,
если над ними идея не кружит хоть тенью, –
так и останутся все сбродом сонных Емель,
даже не годных, чтоб высказать шуке хотенье.
Мир так обманчив. Под маской добра – столько зла!
Не разглядеть, кто ведёт нас – гигант или гномик.
То, что казалось незыблемым, словно скала,
время сметает ветрами, как карточный домик.
Нет ничего в мире вечного. Всё – суета
и, если верить Писанью – «томление духа»,
если в тебе вместо веры – свистит пустота
и твоё сердце к сиянию Истины глухо.

Жить надо так, чтобы твёрдым был избранный путь,
чтобы ты шёл по нему, не боясь революций,
и никакой затаившийся в будущем путч
не потревожил основы твоих конституций.
Глупо всю жизнь, вылезая из жил, будто вол,
грезить богатством, пихая купюры в кубышку,
чтобы нагрывший, как наважденье, дефолт
вдруг обобрал тебя, как хулиганы мальчишку.
Всё повидав, я себе повторю вновь и вновь,
не побоявшись, что вывод окажется резок:
подлинной в мире является – только любовь,
всё остальное – не больше, чем просто довесок.
Глядя на годы, что тонут в слезах и крови,
не проклинай ни людей и ни Бога за это.
Если была в твоей жизни хоть капля любви –
значит, не зря приходил ты на эту планету.
Не позабудь никого, кто входил к тебе в дом,
тем, кого любишь – ни в доме, ни в сердце не тесно.
Бог нам является в людях. Ты помни о том
и, видя Бога во всех, поступай с ними честно.
Как же он всё-таки краток, судьбы нашей путь!
Миг – и история высушит след наш, как росы.
Но, и уйдя в мир иной, всё равно не забудь
то, что в тебе вызывало счастливые слёзы...
Август 2011

Михаил Астапенко

член Союза писателей России
ст. Старочеркасская
Ростовской области

Пётр Великий на земле донской

Великий царь-реформатор Пётр Первый неоднократно бывал на Дону. Первые его посещения донской земли связаны с эпохой борьбы за Азовскую крепость...

Это было время, когда с полным и твёрдым воцарением на российском престоле Петра I во внешней политике России произошли решительные перемены. «России нужна вода! — заявил царь Пётр. — И клянусь всемогущим Богом, Россия будет иметь её!» Эти слова стали девизом всей жизни царя-реформатора, обратившего свой взор на юг, на берега Азовского моря. Наступила знаменательная эпоха борьбы за Азов.

Приняв в феврале 1695 года решение о взятии Азова, Пётр направил в Черкасский городок атаману Фролу Минаеву грамоту с требованием готовить казачье войско в поход на Азов. К маю 1695 года исполнительный Минаев собрал в Черкасске и его окрестностях более пяти тысяч добродетельных казаков. Ждали прихода государя Петра Алексеевича, который и прибыл в казачью столицу на рассвете 25 июня. Атаман с ближними старшинами встретил царя хлебом-солью и орудийным салютом.¹ После трехдневной стоянки в Черкасске петровский флот ушёл к Азову. Фрол Минаев, проводив государя, двинулся к Азову во главе пяти тысяч казаков левым берегом Дона.

...Обложив Азов со всех сторон, Петр I поставил казачьи полки Минаева сдерживать натиск татар со стороны степи. Активные боевые действия начались в конце июня. Русская артиллерия обрушила на крепость массированный огонь, сапёры день и ночь рыли подкопы, стремясь подвести под Азов мощные пороховые заряды. В один из дней было подорвано два таких заряда, и государевы войска пошли на штурм крепости. Однако турки сумели отбиться.

На военном совете, заседавшем сразу же после этой неудачи, Пётр предложил приостановить активные нападения на Азов и прежде всего захватить башни-каланчи, стоявшие по обоим берегам Дона и препятствовавшие подвозу боеприпасов и продовольствия.

— Имеются ли добровольцы, господа военная консилия? — спросил Пётр, обращаясь к собравшимся.

— Имеются, государь! — откликнулся стоявший недалеко от царя атаман Минаев. — Мои казаки, твои верные подданные, государь...

Тёмной ночью 14 июля 1695 года две сотни донских казаков, бесшумно подобравшись к каланчам, миной-петардой взорвали железные ворота одной из башен и в завязавшейся схватке с янычарами захватили её. Через день добровольно сдался гарнизон второй башни...

Радости царя Петра не было предела. Он обнял и расцеловал Минаева, велел построить героев-казаков. Поочерёдно обняв каждого из них, государь вручил им

по червонцу, преподнеся по доброй чарке вина. Салют в честь донцов потряс окрестности Азова... Захватив башни-каланчи, Пётр полагал, что сможет в ближайшее время штурмовать город и захватить его. Однако атака на крепость, предпринятая несколько дней спустя, была отбита с большими потерями для россиян. Пётр велел своим инженерам подготовить несколько надёжных подкопов под крепость, назначив общий штурм на 27 июля.

Фрол Минаев, с казаками прикрывавший штурмующие войска с степной стороны, видел, как после пушечной канонады густые массы пехоты двинулись на стены Азова, как окуталась крепость дымом и дрогнула от выстрелов своих орудий, как после двухчасового боя россияне начали отходить. В этот момент из степного марева, словно привидения, вырвались татарские всадники и с диким гиканьем понеслись на казаков. Фрол Минаев лично повёл своих конников навстречу басурманам. Под лазурью июльского неба разгорелось кровавое побоище. Звон сабель, крики раненых, хрип умирающих, стоны ухающих орудий — всё слилось в единый кошмарный вой. Час длился весь этот ужас, наконец казаки сломили татар. Пётр велел трубить отбой, чтобы подобрать раненых, отпеть и упокоить убитых.

И эта попытка захватить Азов закончилась неудачей. Несколько дней спустя атаман Фрол Минаев был приглашён на военный совет к государю. В шатре Петра I уже находились генералы Гордон, Головин, Лефор. Пыхнув трубкой, Петр, увидев Минаева, начал:

— Господа военная консилия! Азов-город в крепком обложении, раскаты и башни, где были пушки, и вся пушечная стрельба, отняты и сбиты. И в каменном городе, как доносят лазутчики наши, всё разбито и выжжено как от пушек, так и от бомб, и жильцов там никого нет, ибо все вышли в вал, который против наших обозов. Однако ж, находясь в столь бедственном положении, комендант тамошний Муртаза-паша отказался сдаться на почётных для басурман условиях. Сей узел азовский разрублен может быть токмо дерзостным штурмом, кой я и предлагаю совершить пятого дня сего месяца августа. Прошу высказываться, господа!..

Первым начал Лефор:

— Государь, поддерживая решение ваше о штурме Азова, хочу добавить, что нынешней ночью перебежал к нам из крепости грек, кой сообщил, что в Азове из семи тысяч гарнизона тамошнего почти третья часть выбыла убитыми и ранеными. Ко всему надобно учесть, что басурмане испытывают недостаток в съестных и боевых припасах. Сей грек-перебежчик сообщил тако ж, что сапёры Муртаза-паши заложили контрмины для уничтожения наших подкопов. Вчерашнего дня мы обезвредили одну таковую мину на кладбище. Штурмом довершим мы победоносную сию осаду!..

— Согласны, государь! — раздалось несколько голосов, в числе которых выделялся бас генерала Головина.

Лишь Патрик Гордон, укрывший голову роскошным париком, сумрачно молчал и заговорил, когда стих одобрительный шум военачальников, ратовавших за немедленный штурм:

— Неразумно, государь, свершать столь опасное предприятие, не подготовившись к оному. — Гордон встал. Лицо его, обычно спокойное и невозмутимое, покрылось пунцовыми пятнами, голос зазвенел от волнения. — Нельзя предпринимать штурма, не сделав предварительно пролома в крепостных стенах, не имея достаточно лестниц и фашинов. Бомбардировки крепости ещё недостаточно ослабили врага, чтобы мы могли предпринять штурм!

После страстной речи шотландца на минуту установилась гнетущая тишина. Минаев видел, как нервно подёргивались чёрные усики государя, который заговорил, иронично глядя на Гордона:

— Зело опаслив стал ты, Патрик! Не для сей канители прибыли мы сюда, чтобы

топтаться под стенами Азова, боясь схватиться в прямом бою с басурманами. Завтра штурм!

Помедлив, он спросил:

— Имеются ли охотники, господа генералы?

Фрол Минаев, до того молча слушавший царя и генералов, подал голос:

— Имеются, государь! Две с половиной тыщи моих казаков изъявили беспременное желание первыми пойтить на приступ Азова-города. Столь же казаков оставляем в резерве, и то потому, что мы их определили для сбережения лагеря нашего со стороны степи, откуда всё время налетает басурманская конница.

— Добре, Минаич! — просиял Пётр. — Пусть сей порыв сынов Дона найдёт восприемников в рядах солдат российских. Господа генералы, приказываю в помощь казакам атамана Минаева выделить по полторы тыщи человек от каждой дивизии российской. Приказываю от моего имени объявить по полкам, что за каждое взятое басурманское орудие рядовым будет заплачено по десять рублей, а господ офицеров ждёт за сей подвиг особливая награда. Теперь обсудим диспозицию... — Царь придвинулся к карте Азова, лежавшей на столе, генералы окружили его плотным кружком. — Бутырский и Тамбовский полки имеют целью овладение угловым бастионом на левом фланге. — Пётр потухшей трубкой показал это место на карте и продолжал:

— Господину генералу Головину надлежит со своею дивизиею овладеть укреплениями, кои находятся на правой стороне, ближе к реке Дону. — Пётр поднял глаза на Минаева, порывавшегося что-то сказать, и добавил:

— Тебе, Минаич, со своими казаками предстоит напасть лодками на нижнюю часть крепости и по суше приблизиться к Азову, дабы споспешествовать общему успеху. С Богом, господа!

...Предрабаченная тишина 5 августа 1695 года. Солнце ещё не выкатилось из-за горизонта, на траве лежит обильная роса, в сероватом небе поют ранние птицы, степь звенит цикадами. Тишина... Мгновение спустя зарокотали сигнальные трубы: то в русском лагере сыграли зорю. Ночное спокойствие сменилось возбуждёнными людскими голосами, ахнули русские пушки... Бутырцы и тамбовцы, таща за собой длинные штурмовые лестницы, спорным шагом ринулись на приступ. Одновременно Головин ввёл в бой свои полки... По водной глади стремительно заскользили казачьи лодки Фрола Минаева. Одна, другая, десятая, двадцатая... Они быстро причаливали к берегу, и четыре сотни донцов пошли на приступ. Крепость объялась пламенем; тяжко ухнув, громыхнули по нападающим турецкие пушки. Янычары с криками «алла!» высыпали на стены, отталкивая рогатками штурмовые лестницы, густо облепленные русскими солдатами. Лестницы медленно валились в глубокие рвы, на дне которых вперемешку лежали убитые и раненые россияне.

Поскольку полки Головина стояли в садах, ожидая приказа, и не поддержали штурм, то турки получили возможность бросить на Тамбовский и Бутырский полки новые силы, окончательно отбив их атаку. Вынуждены были отступить и казачьи полки Минаева. Провал штурма удручающе подействовал на всех.

Пётр, однако, не падал духом и не терял надежды взять Азов в эту кампанию. Подготовившись, он назначил генеральный штурм на 25 сентября. В приступе участвовала тысяча казаков, отобранных по жребию, остальные охраняли русский лагерь от возможного нападения татар. Однако и этот штурм завершился неудачей... Стало окончательно ясно, что Азов в этом году не взять: нужен флот. Второго октября русский лагерь опустел, только в башнях-каланчах остался казачий гарнизон, имевший приказ держаться до весны, до подхода свежих русских сил.

Основательно подготовившись к осаде Азова за зиму, Пётр I весной 1696 года снова появился на Дону, в Черкасском городке. Накануне прибытия царя атаман Минаев поручил полковнику Леонтию Поздееву предпринять поиск в Азовское море.

Две с половиной тысячи донцов на лёгких стругах сумели, несмотря на яростный артиллерийский огонь турок, напасть на турецкую флотилию и потопить два больших корабля противника, шедших в Азов с боеприпасами, вооружением, продовольствием и янычарами. Затем казакам удалось захватить десять полугалер с столько же посадить на мель. В Черкасск было доставлено 50 тысяч червонцев, сукна на четыре тысячи человек, много пороха, свинца и холодного оружия.

15 мая 1696 года четыре галеры, на одной из которых плыл Пётр, бросили якорь у черкасской пристани. Прояснив с помощью разведчиков полковника Леонтия Поздеева обстановку под Азовом, царь принял решение двигаться к Азову всеми силами флота, конницы и пехоты.

7 июня к Азову подошли главные силы русской армии, среди которых находилось пятнадцать тысяч украинских и пять тысяч донских казаков. По диспозиции, разработанной Петром I, донские казаки Минаева заняли левый фланг. Здесь же стояли запорожцы. Позиция эта считалась весьма опасной, потому что сюда постоянно направлялись атаки татарской конницы, пытавшейся прорваться к Азову со стороны Кагальника.

Шли дни осады, россияне методично наращивали успех, и по всему было видно, что турки долго не продержатся. Петру удалось полностью заблокировать Азов, лишив его гарнизон подкреплений и подвоза продовольствия и боеприпасов. После месяца боёв турки были поставлены в безвыходное положение. Кризис наступил 17 июля, когда две тысячи донских казаков во главе с атаманом Минаевым внезапным натиском ворвались на земляной вал, составлявший внешнюю линию азовской обороны. Сбив оттуда ошеломлённых янычар, казаки стали преследовать противника. Достигнув каменной крепости, турки сумели закрепиться, а потом, перегруппировавшись и получив подкрепление, бросились в контратаку. Донцы, заняв угловой бастион, отразили все атаки басурман, значительно ухудшив их общее положение.

Царь, довольный успехом казаков, назначил общий штурм на 22 июля. Но брать город приступом не пришлось: 18 июля 1696 года, осознав полную безнадёжность своего положения, комендант крепости сдался на условиях свободного выхода из Азова. Азов стал русским городом. Россия получила выход в Азовское море.

18 августа 1696 года в Черкасске был устроен салют и сожжён фейерверк в честь этой победы россиян: то был первый салют в честь военной победы русского оружия, — победы, огромный вклад в которую внесли донские казаки.

После Азовских походов 1695 – 1696 годов Пётр Великий ещё не раз бывал на земле донских казаков.

...В январе 1699 года Турция заключила с Россией перемирие на два года, соглашаясь с протекторатом Петра I над Азовом, но царя это мало устраивало. Он хотел твёрдой ногой стать на юге России, тем более что у него уже имелся флот, построенный в Воронеже. Демонстрацию этого флота и устроил туркам Пётр I весной 1699 года.

Флот российский в составе 12 крупных кораблей, 4 галер, 13 бригантин, 11 галеотов и нескольких мелких судов 27 апреля 1699 года вышел из Воронежа к Азову. На одном из кораблей под именем Петра Михайлова капитанствовал царь. В середине дня 21 мая троекратный салют из ружей и мощный залп из пятидесяти крепостных орудий потряс окрестности донской столицы города Черкаска. Войсковой атаман Фрол Минаев, разодетый по-праздничному, поспешил на государев корабль приветствовать царя. Пётр, сияя широкой улыбкой, обнял и троекратно расцеловал смущённого атамана. Дежурный офицер записал в корабельном журнале: «Атаман со всеми своими казацкими офицерами приехал на галеру его величества для оказания своего почтения». ² Вместе с царём в Черкасск прибыли его знаменитые сподвижники: адми-

рал Фёдор Головин, вице-адмирал Корнелий Крюйс, князь Фёдор Ромодановский, боярин Стрешнев...³

Два дня провёл Пётр Алексеевич в казачьей столице, а потом отплыл вниз по Дону, к Азовской крепости, куда и прибыл 24 мая 1699 года.

С момента перехода Азова «под высокую государеву руку» минуло три года. Стараниями русских солдат были значительно укреплены старые фортификационные сооружения, а на противоположном берегу Дона вырос Петровский форт. Весь десятитысячный гарнизон Азовской крепости вышел встречать государя, загремели салютные ружейные и пушечные выстрелы. С моря салютовали стоявшие на рейде линейные корабли и мелкие суда, приткнувшиеся у берега, где толпились восторженные россияне, которые переселились сюда после взятия Азова Петром I.

Отобедав у коменданта крепости, царь начал знакомиться с городом, вникая по своему обыкновению в каждую мелочь. И 4 июня из Азова Пётр вышел на лёгких судах в сторону Таганрога (Троицкой крепости). Почти три года назад, в июле 1696 года, царь с ближайшими сподвижниками приехал сюда, чтобы выбрать место будущей гавани для регулярного военно-морского флота России. Такое место было выбрано Петром на мысу Таган-Рог, и здесь с сентября 1698 года началось строительство Троицкой крепости — будущего Таганрога. И вот теперь царь приехал, чтобы посмотреть, что сделано за прошедшее время. Но в этот приезд Пётр пробыл в Троицкой крепости только два дня и отложил более детальное знакомство с крепостью до двадцатых чисел июня.

6 июня царь снова появился в Азове. Его высокую подвижную фигуру можно было видеть в те дни на азовских улицах, крепостных стенах, но особенно часто бывал он в порту, где стояли в ожидании низового ветра российские корабли, среди которых выделялись «Апостол Пётр» и «Благое начало». Именно о них адмирал Корнелий Крюйс, сопровождавший Петра, писал, что «то были первые два корабля воинские, которые из России по Дону в море вышли». 23 июня долгожданный ветер пришёл в Азов, значительно подняв уровень воды в разветвлённом устье Дона. Пётр велел срочно ставить паруса и всей флотилией двигаться к Таганрогу. А в Азов в это время прибыло посольство думного дьяка Е.И.Украинцева, следовавшего в Турцию: именно его должен был сопровождать русский флот до Керчи с целью демонстрации туркам мощи российских кораблей.

...Таганрог, куда с флотилией прибыл Пётр I, быстро строился. Под руководством талантливого русского зодчего Осипа Старцева солдаты, работные люди, ремесленники сооружали огромные каменные склады, городские палаты, каменную соборную церковь. Для Петра Алексеевича возводился каменный «государев дворец», дворы-гостиницы для его сподвижников, дома для местных чиновников, начальных людей, священнослужителей, российских и иноземных матросов. В шести пригородных слободах, размещённых за пределами крепости под защитой сооружённых на Миусском полуострове небольших крепостей, строились дома для солдат, пушкарей, служилых ремесленников, пашенных крестьян, посадских людей.

Пётр, осмотревший город, заметил, что здесь не хватает зелёных насаждений, и повелел высадить на берегу моря дубы, «чтоб был лес», а в городе посадить деревья «для украшения святыя церкви, хором и всего Троицка». «И ещё повелеваю провести в Троицкой каменные трубы для отвода вешней и дождевой воды в море мимо гавани, — сказал Пётр, обращаясь к Осипу Старцеву. — Да построй большие городские часы с колоколами, чтоб жители градские узнать точное время могли».

Большую часть дня Пётр проводил обычно в гавани, готовя суда к морскому плаванью к Керчи. Хорошо владея ремеслом корабельного плотника, царь участвовал «в сей работе неусыпно топором, диселем, калфантом (плотничьи инструменты. — М.А.), молотом и мазаньем кораблей и гораздо прилежнее и больше работал,

нежели старой и весьма обученной плотник». В подготовке кораблей к плаванию участвовал и атаман Фрол Минаев с казаками.

5 августа 1699 года петровская флотилия в составе десяти крупных кораблей, двух галер, трёх бригантин и четырёх казачьих стругов, в которых разместилось пятьсот донцов во главе с Минаевым, вышла из Таганрога и взяла курс на Керчь. Турки, стоявшие гарнизоном в Керчи, 16 августа с удивлением и страхом обнаружили в море российский флот. «Ужас турецкий, — писал адмирал Крюйс, — можно было из лица их видеть в сей нечаянной визите с такою изрядно вооружённою эскадрою; и много труда имели, чтоб турки верили, что сии корабли в России строены и что на них российские люди. И как турки услышали, что его величество указал своего посла на собственных своих кораблях в Константинополь отвезть, то туркам ещё больше ужасу придало»⁴.

Договорившись с комендантом Керчи о пути следования своего посла в турецкую столицу, а главное, продемонстрировав мощь российского флота, Пётр I вернулся на Дон. 31 августа он был в Таганроге, а 5 сентября уже сходил с корабля на азовскую набережную. Отужинав и переночевав в Азове, царь отбыл в Москву через Воронеж.

Есть предположение, что следующее посещение Петром I донской земли состоялось в 1704 году, когда царь на черкасском майдане встретил обнажённого казака при оружии, сидящего верхом на пустой бочке из-под вина. Это дало повод царю даровать донцам новую печать с изображением голого казака на бочке.

Последнее появление Петра I на Дону относится к 1709 году. Это было кровавое время подавления Булавинского восстания, крутой расправы над казаками, и 19 апреля 1709 года царь неожиданно появился в Черкасске, некоторое время являвшемся столицей повстанцев⁵. Его сопровождали князь Юрий Шаховской и Пётр Голицын, а также верные спутники царя Никита Зотов и Прокофий Ушаков. На пристани государя приветствовал войсковой атаман Илья Зерщиков — организатор убийства Кондратия Булавина, останки которого (голова и рука), хранившиеся лекарями в сосуде со спиртом, были доставлены по случаю прибытия царя из Азова в Черкасск. Пётр давно был знаком с Ильёй Зерщиковым, который ещё в период Азовских походов вот так же встречал царя в Черкасске. Своеволие и твёрдый, но беспринципный характер виделись Петру в этом черноволосом казаке.

Убаюканный заверениями командующего карательной армии князя Василия Долгорукого в царской милости и прощении, Зерщиков не знал, что ещё 13 августа 1708 года Пётр велел Долгорукому арестовать его. «Указ сей, — сообщал тогда царю князь Василий, — получил я, отошед от Черкасского не в ближних урочищах, прошед Кочетовскую станицу, и взять его нагла за караул не мочно...»⁶

И вот теперь сам Пётр явился в Черкасск чинить расправу. Царь был суров и немолчим: предавший единожды не заслуживает доверия и снисхождения. По его приказу Зерщиков был схвачен и обезглавлен в присутствии царя на черкасском майдане. После этого кровавого акта палачи извлекли из сосуда со спиртом, доставленного из Азова, мёртвую голову Булавина и водрузили её на кол рядом с головой только что казнённого Зерщикова, организатора убийства Булавина. Черкасские казаки с ужасом наблюдали за действиями подручных государя, ожидая дальнейших казней, но Пётр благоразумно остановился. Пройдя к строившемуся каменному Воскресенскому собору, он положил несколько кирпичей в алтарь храма, залив их известью.

В тот же день собрался казачий Круг. Напуганные царскими репрессиями, казаки послушно «избрали» войсковым атаманом сына Фрола Минаева — Василия Фролова, которого «рекомендовал» Пётр I. После этого государь отбыл в Таганрог... Осмотрев строившуюся Троицкую крепость, Пётр в письме Меншикову хвалился: «Сие место, которое перед десятью годами пустое видели, ныне с помощью Божией изрядной

город, купно с гаванью, обрели; и хотя где долго хозяин не был и не всё исправно, однако ж есть что посмотреть».

Из Таганрога Пётр направился на Украину, где вскоре возглавил армию российскую в победоносной Полтавской битве.

...С тех пор Пётр I больше не бывал на донской земле, ибо к тому времени стратегические интересы России переключились на Балтику. Однако на Дону помнят великого царя, которому в Таганроге сооружён величественный памятник.

¹ Атаман Фрол Минаевич Минаев был интереснейшей личностью того времени. Свою боевую деятельность он начинал в рядах разинского войска, потом был избран станичным атаманом. В 1675 году он в качестве походного атамана донцов ходил в Крым в составе дипломатической миссии князя Черкасского. В 1680 году Минаева избрали донским войсковым атаманом, и он занимал эту должность, с небольшими перерывами, до конца XVII века. В конце жизни он ушёл в монастырь под именем схимника Филарета. Скончался в 1700 году, последнее упокоение нашёл на Преображенском (Ратном) кладбище Черкаска (ныне станица Старочеркасская). — прим. автора.

² Лунин Б.В. Очерки Подонья-Приазовья. Ростов н/Д, 1951. Кн. 1. С. 98.

³ Елагин С. История русского флота. Азовский период. Ростов н/Д, 1996. С. 127.

⁴ Экстракт из журнала Крюйса // «Записки гидрографического департамента...». Ч. VIII. С. 384.

⁵ Ригельман А.И. Указ. соч. С. 97.

⁶ Булавинское восстание. Сб. док. М.;Л., 1935. С. 147.

Поэзия... Поэзия... Поэзия...

Игорь Кудрявцев
член Союза писателей России
г. Ростов-на-Дону

Пшица мелькнула в окне...

Февраль

Молодой и вьюжный
Снегодуй-февраль
Заморозит в окнах
Кружевную даль.
Я окошко сердцем
Продышу в судьбе,
А потом стихами
Вспомню о тебе.

Следы

На акации белые яблоки –
Их чудно сотворила зима.
За отбеленной рощей – следы
Убегают, как наши кораблики,
К снеговому окружью холма,
Где слепящая даль – от ума,
А от сердца – чуток ерунды:
Неземное дыханье воды.

Ручьи

На босу ногу – хоть кричи –
Бегут весенние ручьи.
Точнее, шумные от роду,
Быть может, в помощь ледоходу,
А может, нам с тобой в угоду, –
Бегут ручьи на босу воду.

Влюблённые

Видимся каждый день – мало,
Видимся каждый час – мало...
Давай улетим туда,
Где есть параллельное время.

Вдохновение

Птица мелькнула в окне...
Что ещё нужно с утра,
Если явилась ко мне,
Вея дыханьем порога
Да завершённой слога,
Птица, как росчерк пера
Животворящего Бога.

Есенин

Голова-головушка,
Соловей-соловушка...
Что оставил? Трын-траву
Да поэзию-вдову.

На месте дома поэта

И дом, и сад, и эру –
Отпущенную меру –
Бульдозером снесли...
Здесь жил Борис Примеров,
Один из Боговеров –
Поэт всея земли.
Теперь его столица –
Негромкая станица,
Где он, дитя войны,
Пошёл на голос птицы,
Чтоб строчкою явиться
Из пламени весны.
Рождённый в месяц летний,
Не очень знаменит,
Он рвал стихами клетки...
И оползень столетий
Поэта сохранит.

Поэт

Слава мирская,
Слава людская,
Ты – погремушка
В руках удачи,
Но я равнодушен к тебе,
Поскольку меня знает Бог.

Гипербола

Иду в мучительность разлуки,
Не оглянувшийся назад...
Твои протянутые руки,
Как гуси-лебеди кричат.

Совпадение

На теле моём, у сердца,
Родинками начертана
Медведица неба, словно
Ей мало себя над землёй.
Я мудростью не разбавлен,
Но чувствами понимаю,
Что ковш, обронивший небо,
И ковшик земной суеты –
Печальное совпадение
Бессмертия и мгновенья
Да чёрное озаренье
Холода и мечты.

В больнице

Просека больничного коридора
Светится лунным светом
Кафеля и неона,
Словно её перенесли
Из берёзовой рощи...
Но, если заглянуть
В тёмные заросли
Слева и справа,
Наткнёшься на боль,
Которая отливает и кричит
Багряным цветом,
Как осенний лист
(Или крыло птицы),
Под каблуком
Вечно неумирающей
Надежды.

Обман

Женщина из ларька
Меня обманула на тыщу –
Копеек, а не рублей...
И я не предал обмана,
Поскольку она была
Одета в ларёк торговый,
А я – в поднебесье мая,
И эта несправедливость

Упала в ладонь обсчёта,
Как яблоко примиренья
Её, меня и весов,
Которые не светились
От новолунья сыров,
Которые не годились
Для перевеса миров.

Наоборот

Прихожу к любимой спозаранку:
Утро – это вечер наизнанку.

Любовный треугольник

На лице начертана моём
Наша геометрия втроём.

Первый поцелуй

Повзрослев на детскую мечту,
Перешёл недетскую черту.

Всё одно

Поцелуем губы присолю...
Поцелуем жажду утолю...

Супружеский долг

Это, друг, придёт с годами –
Отдавать его деньгами.

По сути

Не позволяют навеки пропасть
Долгая нежность, короткая страсть.

Прялка

Шёлковый день занавесил окно...
К вечеру будет готово сукно.

Межсезонье

На косе песчаной двое –
Я и небо штормовое.

Время

Бежало время под рукой, –
Остановил его строкой.

Жизнь

Заменяла каблучки
На вязальные крючки.

Солнце

Отразилось в луже
И не стало хуже.

Страус-неудачник

Бежал и думал по дороге –
У птицы главное не ноги.

Возраст

И ясно до слёз, и туманно до слёз,
Да ветер унёс, что однажды принёс.

Значит

Разбудил мобильник в шесть –
Значит, я и вправду есть.

Минутная стрелка

Ходит важно по округе,
Не завидуя подруге.

Планета Земля

От пояса до полюса – в траншеях и крови...
И всё ж её история – история любви.

Такое дело

Дорога мечтала... При этом
Ходила в обнимку с кюветом.

В зоопарке

Люди смотрят на зверей,
Звери смотрят на людей.

Спичка

Прозябает в коробке,
Да горит в моей руке.

Мечта

Бахилы для Ахилла куплю за два рубля...
И, может быть, иначе завертится Земля.

Снег в марте

Он слепит, из туманной приды глубины,
И не видит присевшей на кочку
Весны.

Николай Бусленко

член Союза писателей России
г. Ростов-на-Дону

Интервью в новогоднюю ночь *рассказ*

Последний день года выдался в нашей редакции суматошным. Да и не мог он быть другим — выходил праздничный номер. Звонили телефоны, строчили пишущие машинки... Ответсекретарь ругался с завами из-за недоданных строк; завы, в свою очередь, кидались на литсотрудников, а те набрасывались на телефон. По кабинетам ходил нештатник, составитель кроссвордов. Он каждому совал под нос сочиненный им «уникальный» кроссворд, который ответсекретарь якобы отверг «по личной неприязни к автору». От кроссвордиста как могли отмахивались, но тот был назойлив, как осенняя муха...

Вот в этот час я и появился в редакции. Я отписался накануне ночью и теперь заглянул на минуточку, чтобы сдать материалы и, как все нормальные люди, заняться устройством семейного праздника. Тем более что в моем боковом кармане лежал уже написанный крупным почерком моей жены список требуемых покупок, в том числе и две бутылки шампанского, а его еще попробуй найди. Не так у нас все просто.

Ответсек посмотрел мои материалы и, не читая, говорит:

— Ничего, старик, пойдет, но, знаешь, покажи редактору, чтоб уж наверняка...

Я взял материалы и пошел к редактору. Наш двухметровый шеф сидел за столом хмурым и совсем не праздничным. Он стал быстро переворачивать мои страницы.

— А что — получилось. Молодец! Ничего не скажешь, как раз то, что требовалось.

Я насторожился. Редактор на похвалу очень даже скуп, а тут... Но шеф, не дочитав, сгреб оставшиеся листки, вернул мне:

— Отдай секретарю, пусть засылает в номер... И снова ко мне зайди.

Когда я вернулся, редактор уже ходил по кабинету просветлённый и озарённый, совсем не похожий на того, которого я видел пять минут тому. «Вот как люди умеют перевоплощаться», — подумал я.

Он взял меня за галстук, — ну, привычка, другие берут за лацкан пиджака или пуговицу, а этот — за галстук, — и, легонько потерёбливая, так вежливо и сладко мне говорит:

— Теперь свободен, да? Один, между прочим, во всей редакции. Самое время по магазинам погонять, если бы... — Он стал серьёзным, ну совсем серьёзным. Ну прямо как в театре, не хуже Смоктуновского наш редактор. — Если бы с первой полосы материал не слетел. Сгоняй, старик, за материалом, чего тебе стоит?

Редактор, поощряя меня к немедленным действиям, похлопал по плечу, снова улыбаясь своей летучей улыбкой.

Мне бы сказать, что всю ночь я не спал, с ног валюсь, голова раскалывается, сердце от крепкого кофе синицей трепещет, от жены целый список поручений... А я, вместо всего этого, спрашиваю:

— И куда же?

— Да недалеко тут, так, две сотни километров, — отвечает редактор.

Мне бы напомнить ему про чудо-телефон, но редактор буквально читал мои мысли, будто они сообщались ему через мой галстук.

— Можно было бы и по телефону, но неудобно, ты ж понимаешь — это лауреат. Да

и снимок нужен. Не унывай, к вечеру и вернешься. Если что, я позвоню супружнице твоей. И с Новым годом заодно поздравлю... А материал этот под особым контролем, — сказал редактор и ладонью нежно так погладил красный аппарат телефона.

Не дожидаясь моего согласия, он завершил разговор:

— Всё, старик. Не теряй дорогих минут. Лови фотоко́ра, хватай мою машину — и в путь. К вечеру, кровь из носу, двести строк и первополосный портрет передового комбайнера положи на стол. Понятно?

Ещё бы непонятно было. Через минуту мы с фотоко́ром Толей мчались вниз по лестнице. У подъезда стоял редакционный «москвичок», и водитель наш, Миша, уже «разводил пары» — машина тихо урчала, готовясь сорваться с места. Миша действительно взял с места в карьер и только потом спросил:

— Куда едем?

За городской чертой распахнул серые крылья зимний день. Снега еще не было... Вдоль обочин виднеется рыжими подпалинами увядшая трава. Низкое небо жмётся к земле густыми облаками. Вдоль горизонта бежит тёмная кайма смешанного леса. Сердце щемит тихой грустью: уходит ещё один год...

Толя достал из сумки, в которой он носил фотоаппарат и другие причиндалы, чёрной ткани мешочек, запустил в него по локоть руки и стал там манипулировать — перезаряжать пленку.

— Снега бы, а? — говорит он. — Без снега и Новый год — не праздник!

— Гляди, накаркаешь, — отвечает ему Миша, не отрывая глаз от дороги. — Дай хоть домой вернуться...

Прибыв на место, мы сравнительно быстро нашли ухоженное подворье знатного комбайнёра, лауреата высокой премии. Тот на шум вышел на крыльцо, цыкнул на разбушевавшегося пса, и мы с Толей вошли в дом, где пахло свежееиспечённым хлебом и ещё чем-то вкусным. Представились. Лауреат зазанервничал, пригласил сесть. Раздевшись, мы присели. Я достал блокнот. Толя готовился к съёмке.

— Чаю хотите? — спросил хозяин.

— Хотим, но времени у нас в обрез. Материал в новогодний номер. Георгий Семёнович, что памятного у вас было в уходящем году?

Герой почесал затылок.

— Что было? Да все было... Ты запиши лучше, чего не было. Запчасти не было, леший их побери. Мне пшеницу косить надо, а тут председатель наш бежит: езжай в центр за запчастями. Ты, мол, знатный, тебе выпишут, не откажут. Еду в райцентр, время теряю, а хлеб, он не ждёт, осыпается. Каждое упавшее зернышко — как капля крови сердца. И когда же это кончится?..

Хорошо, дельно говорит, отмечаю я про себя, только совсем не празднично, и я пишу в своем блокноте: «Этот год был знаменателен тем, что по его итогам мне присудили первое место в районе...»

— Да, но успехов вы всё-таки добились высоких, вам же первое место присудили, так?

Но лауреат как будто не расслышал моего вопроса.

— Или вот РАПО организовали... Агропромышленное объединение. Что ж, хорошо. Думали, что теперь все по справедливости будет. А начнешь спрашивать про запчасти, так нет, все по-прежнему на «Сельхозтехнику» кивают: она, мол, не сработала.

Вот дались ему эти запчасти, думаю я, и записываю: «Заметное влияние на организацию сельхозработ оказывает совет РАПО, исключая ведомственные интересы партнеров...»

— Георгий Семёнович, вы — мастер своего дела, добились высоких производственных результатов. Каковы ваши дальнейшие планы?

Но лауреат разворачивает разговор в другую сторону:

— Вот вы из города, ребята... Пойдите на тот завод, где комбайны делают, да

шумите там как следует — они ж, паразиты, суший брак нам гонят.. Мне новый комбайн выделили. А я над ним уже второй месяц бьюсь, почитай, весь перебрать придется. Право, не знаю, как он в поле себя поведёт.

«В этом году я получил новый комбайн. Уверен, что выработка моя значительно увеличится», — записал я в своём всё терпевшем блокноте.

Толя между тем ходил вокруг лауреата, прицеливался, искал наиболее выгодный ракурс. Лауреат косился на аппарат, старался повернуться спиной к сизому глазу объектива.

Наконец мы поздравили друг друга с Новым годом, и, одевшись, вышли с Толей за ворота.

Шёл снег..

Миша бежал из магазина, держа в каждой руке по бутылке шампанского.

— Сельпо, во даёт! — сказал он, запихивая бутылки куда-то под сиденье. — В городе днём с огнём шампанского не сыщешь, а тут пожалуйста, пей — не хочу.

Он завёл мотор «москвича», и мы поехали, оставляя на молодом снегу чёткий след колёс. Сумерки жадно лизали остатки короткого зимнего дня. Снег уже валил вовсю, дорога от этого теперь не казалась близкой. Крупные хлопья, кружась и лохматясь, липли к стёклам, «дворники» с ним не справлялись, и Миша уже несколько раз останавливался, рукавом куртки расчищал себе «обзор» на лобовом стекле.

Земля, лес, дорога — всё вмиг преобразилось. Мир стал торжественным, праздничным, нарядным. Ели близ дороги стояли как невесты. И ветра — никакого. В домах деревеньки топили печи; дымы, поднимаясь высокими столбами, терялись в низких облаках. Покой и умиротворение сошли на землю..

Но скоро нам стало не до зимних красот.

У Толи билеты на новогодний бал в областном театре. Он почти месяц хвастался ими всей редакции. Представляю, что подумает о нём невеста, если он опоздает.

К Мише из деревни приехали родители..

Я уж о себе не говорю: сорвётся, как в прошлый раз, наш праздничный ужин — не простит мне этого моя супружница, вон сколько раз уже грозилась к маме уйти. Но сейчас думалось, что хорошо бы вместо праздничного интервью написать проблемную статью. Ничего, думаю, к этому лауреату я ещё вернусь летом, когда он в поле выедет на новом комбайне. Толковый и честный мужик, ничего не скажешь. И за дело болеет.

А снегопад всё гуще, всё плотнее. Снегу всё больше. Машина еле ползет, урча и кашляя. Нам бы до асфальта добраться, но до него ещё километров десять, а вечерняя темень уже поглотила нас вместе с «москвичом».

— Вот накаркал так накаркал, — ругался Миша, вспоминая наш дневной разговор. — Вот тебе и снег-снежок, белая метелица! Выпросил.. Теперь, Толян, хоть в штаны его себе клади. Романтик хренов..

— Я, что ли, виноват? — огрызался Толик.

Но скоро мы и вовсе застряли. Вышли из машины. Миша в свете фар прошёл вперёд, утопая в снегу выше щиколоток. Я поднял голову к небу, подставил лицо снежной благодати. Белые холодные цветы падали из темноты, мельтешили в электрическом свете. Они пахли зимним небом и неведомой высотой.

— Не выбраться нам отсюда... — уныло заключил, вернувшись к машине, Михаил.

— Плакал мой новогодний бал... — заныл Толик. — Чёрт подери такую работу! Уволюсь! Даже жениться спокойно не дадут..

— Иди в фотоателье, — посоветовал Миша. — Тепло, светло, прибыльно. Младенцев будешь снимать.

Все рассмеялись. Смех смехом, а машина стоит в снегу. В редакции, могу представить себе, что делается. Ответсек мечется по кабинетам. Дежурный по номеру бежит к подъезду — не приехали?

Я сел в машину, достал блокнот и при тусклом свете лампочки набросал текст интервью. Вырвал листки, подал их Толе.

— Иди пешком до шоссе. Там проголосуешь... Повезёт — к бою курантов будешь в редакции.

Толя послушался моего совета.

— Эх, чёрт, лопаты нет, — посетовал Миша, когда мы остались вдвоём.

— Хорошие водители всегда лопату в дальнюю дорогу берут...

— Ты же знаешь... Спешка! — оправдывался Миша.

Он выключил фары. Осмотрелись. Недалеко от дороги виднелся лес, и мы пошли ломать еловые ветки. Ноги увязали в мягком снегу. Снег набивался в туфли, которые тут же стали мокрыми, падал сверху за шиворот. Еловые иглы были острыми, ладони стали клейкими, липучими. Смолистый запах кружил нам головы. Ветки, однако, мало помогали. Мы стлали их под колёса, но машина всё равно буксовала; если мы и продвинулись, то не более чем на сотню метров.

В один из передыхов я посмотрел на фосфоресцирующий циферблат часов — немногим больше часа осталось до двенадцати. Думать о том, что делалось дома, не хотелось.

— Гляди ты, хата, — показал Миша куда-то в сторону леса. — Пойдем, лопату попросим...

— Заодно и Новый год встретим. Ты знаешь, который час? Скоро куранты начнут бить...

— Мать честная! Старики мои заждались сыночка... А ведь специально приехали из Тамбова, чтоб вместе праздник отметить.

Он выдернул из-под сиденья одну из бутылок, и мы пошли к прижавшейся к опушке леса избе. Странной тишиной встретил нас этот дом: ни привычного лая собаки, ни других деревенских звуков.

Я постучал в занесенное снегом окно. Подождали, мало надеясь, что в доме кто-то есть. Но стекла вдруг осветились изнутри.

— Кто там? — послышался немолодой женский голос.

— Проезжие мы, — ответил Миша. — Застряли! Нам бы лопату...

Скрипнула дверь, и нас пустила на порог маленькая, сухонькая старушонка в накинутой на плечи плюшевой кацавейке. Пригласила в горницу...

— От чайку не откажемся, — ответил на её предложение Миша, и хозяйка засутилась у самовара.

В избе стоял всё тот же, что и вокруг, лесной, сказочный дух — пол был устлан свежими еловыми лапами. По стенам фотографии в чёрных, изъеденных шашелем, рамах.

— И кто же погнал вас в такой-то час? — спрашивает старушка. — Снег сулился с самого рассвета...

— Работа такая, бабуль, — отвечает ей Миша. — Хоть война атомная, ехать надо.

— Ох, не говори ты о ней, о войне, мил человек. Будь она вовек неладна! Вспоминать про неё так и то душу порвёшь. Да в такой праздник.

— Досталось вам тут?

— А то как же... Мой-то, как грянуло, так и ушёл, да вот до сих пор и не вернулся. Всё жду и жду. Двух сыновей сама подымала, намаялась. Вот они, мои красавцы, — кивнула острым подбородком на фотографии на стене старая женщина.

Засипел, зафыркал самовар, и мы, раздевшись, присели к столу.

— Как же дети — пишут, приезжают? — спрашиваю бабушку, чтобы поддержать разговор.

Тут и запечалилась хозяйка.

— Помоложе были, так писали. А потом уж своими заботами обросли. Петька, старшой мой, что на Урале, так тот года два уже прошло, как последний раз пропи-

сал. И карточку прислал, вон та, где четверо — он с женой да внуки... А младший, Стёпка, в прошлом году открытку прислал и денюжат... Правда, зачем мне они? На хлеб-соль и пенсии хватает, а больше мне ничего и не надо. Мне бы внучат повидать — какие они? В ком же она, жизнь моя, продолжится? Да видно, помру — не увижу. Кто их знает?! Может, обиделись чего. Я ведь пряниками их не кормила. Не было их, пряников, и в помине. За сто вёрст не было... А если были бы, так всё одно не кормила бы, — где же деньги на них было взять?

Глядя на женщину, оставленную близкими людьми в глухом лесном углу, одну-единешеньку, среди снега и тишины, меня разбирала злость на этого, лысеющего уже, Петьку и на того здоровяка в шляпе — Стёпку. Черствеет народ, родных матерей забывает. Написать бы об этом. Вот где настоящая тема... А что? Напишу. Приеду домой и сразу напишу.

— Не расстраивайтесь, бабушка. Я о ваших сыновьях статью в газету напишу. Пусть им стыдно будет.

— Ой, не надо, мил человек. Не надо... Узнают — вовсе обидятся. Давайте чай лучше пить... Со зверобоем.

Я посмотрел на часы. Без пяти двенадцать. Мы подождали, пока стрелки сойдутся, и Миша хлопнул пробкой в низкий потолок, разлил шампанское по стаканам.

— С праздником, бабусь! С Новым годом! Выпьем шампанского...

— Ох, пейте, милые, на здоровье! Пейте сами, куда мне вино-то пить?

Мы выпили с Мишей пенистое вино. Потом пили чай, заваренный на травах. Вкус чая напомнил мне деревенское детство и день, разогретый июльским солнцем. По телу разливались тепло и блаженство. И на душе стало хорошо, уютно.

— Нам пора...— встрепенулся вдруг Миша. — Машина на дороге. Одолжи, бабусь, лопату, без лопаты нам не выбраться из вашей глуши.

Старушка пошла в сени. Принесла лопату.

— Мы вернем... — говорит Миша.

— Берите насовсем. У меня другая есть.

— Спасибо, бабушка, — говорю я. — А в газету я всё же напишу. Без имен и фамилий, — они себя и так узнают.

— Как знаешь, сынок, как знаешь...

Она проводила нас за порог. Мы шли к машине, а позади нас на фоне тёмного леса еле-еле светилось тусклое, одинокое оконце.

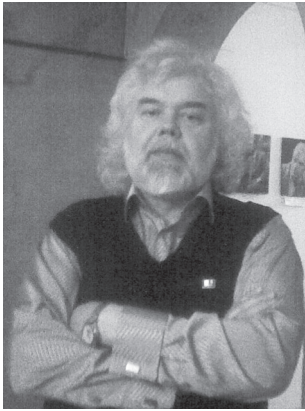
...В город мы вернулись, когда уже рассвело. В подъезде своего дома я взял из почтового ящика кипу газет. Среди них была и наша. На первой полосе красовалось моё интервью ровно в двести строк. Молодец Толик — успел. Лауреат на снимке был воодушевлённым и решительным, готовым на новые трудовые подвиги. Толик знал своё дело.

Я поднялся на третий этаж, открыл дверь квартиры своим ключом. Дома было пусто и неприятно. На столе лежала записка: «Ты, как всегда, испортил праздник. Мы с Маринкой поехали к бабушке». И никакой подписи.

Я пошел на кухню приготовить себе кофе. На душе было пусто, неприятно. Я не переставал думать о той старушке, о её одинокой избе у леса, о своём обещании. Пока грелся чайник, я сидел за рабочим столом — неприкаянный и потерянный. Достал из ящика лист бумаги, взял ручку и ещё раз прокрутил в памяти ночной визит, чтобы напитаться злостью к неблагоприятным сыновьям этой старой женщины, — к Петьке со Стёпкой. Но злость почему-то не приходила...

Пришло совсем другое чувство, далёкое от злости, — стыд. Моя совесть укоризненно показывала на меня пальцем. Бесстрастный и равнодушный, лежал передо мною белый лист бумаги. И я стал выводить на нём покаянные слова: «Здравствуй, мама! Прости, моя дорогая, родная, за столь долгое молчание...»

Поэзия... Поэзия... Поэзия...

Игорь Тюленев
член Союза писателей России
г. Пермь

Ангельские свирели

Слово

Ах, эта музыка веков,
То женский визг, то звон оков,
То из могилы посвист ветра.
По житу Бледный конь бежит
Так, что вселенная дрожит,
Связав конец с началом света.

Омегу с альфой, тварь с лицом,
А Сына с Духом и Отцом,
С Отчизной – русского поэта.
А посмотри на небеса –
Над полем света полоса,
И только Слово выше Света!

1993

***

Скоро горница светом наполнится,
Засмеётся ребёнок в постели
Бесподобно, как во поле горлица
Или ангельские свирели.
Светоносная женщина встанет,
На носочках вспорхнёт к колыбели,
На малышку восторженно взглянет,
И опять заиграют свирели.
И опять зазвонит колокольчик,
Небеса утекут из-под стражи –
Завершится правление ночи,
И начнётся царенье Наташи!

1985

Сад

В багрец и золото...
Вот осени начало.
Холодным духом веет от строки.

Дабы костям продутым полегчало –
На печки спешно лезут старики.

Из птиц – одни сороки-белобоки
Не улетели за теплом на юг.
Проходят все отпущенные сроки,
Проходит всё...
Да и любовь, мой друг.

Горячим чаем разогреем плоть,
Возьмём лопату, черенки от вишни.
Сад разобьём,
И, может быть, Господь
Нас ненароком в том саду отыщет.

1996

***

В неотвратимый день приходит осень,
Сдувая птиц божественным огнём,
Пока мы говорим о том, о сём...
Октябрь сугробы из-за гор приносит.

Дыханье, вырываясь изо рта,
Воздушным шаром взлетает к Богу.
Он лаконичен и подобен слогу,
Ему в Эдем откроет Пётр врата.

А в словаре есть слово «красота»,
Вместившее и жизнь, и мирозданье:
Я слышу у плеча твоё рыданье
И шорох тополиного листа...

Закоченели руки от костра
И от печали русского простора...
Любимая!
Мы встретимся не скоро
В стране, где нет начала и конца.

1998

Троица

Душе светло и незлобливо.
Упала от деревьев тень,
Во всей красе, неторопливо
Встаёт из-за причала день.

Сегодня Троица.
Я свечку
Затеплю пред Твоим Лицом,
Дух переброшен через речку,
Как радуга, Твоим Отцом.

И те, кто умер, те, кто вживе,
Той радугой озарены –
Не важно, при каком режиме
Иль новых бедствиях страны.

Даль прояснилась, волны стихли,
Небесный шорох ловит слух...
То гомон райский или стих ли,
Или Господня сердца стук?

2000

***

Говори со мной попроще,
По-простому говори,
Словно птицы в дальней роще,
Задыхаясь от любви.

Словно матушка – с младенцем,
Медсестра – со стариком,
Говори, как если б с сердцем
Говорила ты тайком.

Мне ведь лишнего не надо,
Пусть по-русски льётся речь,
Словно ручеёк вдоль сада,
Сада райского сиречь.

1998

***

Ты зовёшь меня с собой,
Эхо пахнет летом.
Родниковую водой
Брызгаясь при этом.

Юная, как новый день,
Яркая, как лучик.
Тень наводишь на плетень
Без небесных тучек.

Платье лёгкое, как пух,
Легче паутинки.
Выбежишь зверьком на луг,
Не примяв травинки...

Закипели кружева,
Разметая ситцы.
Как шмели, гудят слова
Вкруг цветка-девицы.

Озарил мои леса
Сплав любви и света,
Словно детская мечта
Голову поэта.

2003

Цветы

Ты стоишь всех моих наград,
Прекрасная Маруся!
Я прыгну ночью в палисад,
В окошко постучуся.

Клубятся жёлтые шары,
Перед окном подруги.
«Петрушка! – скажет – Это ты?»
И встречу протянет руки.

Отвечу, раз пришла пора:
– Не узнаёшь? Ты что же...
Лицо поэта от Петра
Ты отличить не можешь.

Ну, ладно б спутала с ведром,
С луной, с шаром в окошке...
А то – с дубиною Петром.
Прощай навеки, крошка.

2000

Хариты

Чреда харит –
Татьяна, Анна, Маша,
Мария, Вика, Юля, Халима...
Расцвечены камнями, как чаши,
Злачёные и полные вина.
Пил день и ночь –
Вино не убывает.

Расплёскивал, – не плещется на пол.
И не понять, какая обнимает,
Когда под утро захрапишь, как вол.
Наверное, талантов
Не хватает,
А ведь умею вызвать женский стон...
Глаз ищет цель, рука края хватает
Одежд харит,
Что мимо проплывают, –
Как на присяге бахрому знамён.

2003

Постоянство

Я в юности, одну тебя ценя,
Спросил: «Согласна выйти за меня?..»
А ты в ответ, весёлая такая,
Всё хохотала, зубками сверкая.

Прошло полвека. У твоих ворот
Я вновь спросил, бельмом в глазу сверкая,
А ты в ответ, весёлая такая,
Хохочешь, распахнув беззубый рот.

1981

Спор в ЦДЛ

Не в Санта-Монике,
Не в Ницце,
Не где-нибудь
Во вражьем стане,
А в белокаменной столице –
Я спорил выпивкой в стакане.

Американца
Брал нахрапом,
И прочих тех,
Что здесь гостили...
Не спорили еврей с арабом,
А только шнобели скрестили.

Поэт в России –
Всяк детина!
Живёт и пишет простодушно.
Я перепил всех до едина.
И перебил бы,
Если нужно!

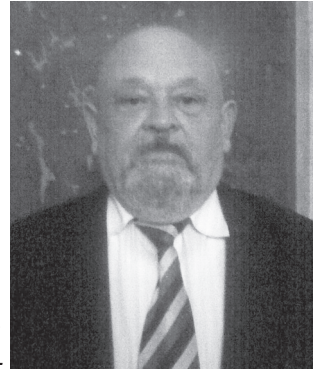
1993

Иса Капаев

член Союза писателей России
республика Карачаево-Черкесия

Хома и Мария

повесть

Еще в половецкую эпоху ногайцы в южнорусских степях были ногайцами лишь наполовину, а то и на четверть: смешанных браков было тогда предостаточно, и это сказалось также на донских и уральских казаках. Но еще большие изменения произошли с ногайцами Кубани: здесь почти не найдешь семьи, в которой не было бы родни среди черкесов или абазин, карачаевцев или кабардинцев. И если степные ногайцы сохранили монголоидный тип лица, подаренный им, как видно, во времена монгольских или калмыцких завоеваний, то среди кубанских ногайцев очень часто встречаются и чисто кавказские, и славянские лица. Стоит ли удивляться, если один из моих собственных дядей — да упокоит его земля! — принадлежал роду Унах, который вел свое происхождение от черкесов. В далекие времена переходы родов из одной этнической группы в другую были делом привычным. Я, например, встречал целые ногайские роды среди осетин и чеченцев, кумыков и адыгейцев, и даже у народов, не сохранивших родовой структуры — к примеру, у русских или украинцев, болгар или поляков, — нередко ногайские фамилии

Совершенно ясно, что в формировании ногайских родов «замешаны» представители разных народов. Ну так вот: мой покойный дядя рассказал мне о том, что одна из его прабабушек была русской. И в те самые дни, когда я был так увлечен тем «костяным ликом», я воочию увидел русоволосую женщину в длинном ногайском платье с серебряными застежками, зеленом узорчатом кафтане и с белым тастаром на голове. Я сразу же проникся сочувствием к ней, ведь трудно было даже представить все те страдания, которые выпали на её долю. Была ли она жертвой рока или пострадала от человеческих страстей, которыми всегда изводит себя род людской, — неизвестно. Она только смотрела на меня горящими угольями глаз и ничего не просила: такая она была и такой хотела остаться в моей памяти.

Седьмой год жила Мария в этом предгорном ауле. Людям она была мила, и уже никто не вспоминал, что Марушка — так они её называли — иноверка. Она выучила их язык и придерживалась их обычаев: чего ещё! От своих ровесниц она отличалась, быть может, только какой-то особенной сноровкой: все горело в её руках. Своего старшего сына она назвала Вайсом — и это имя она выбрала неслучайно: в русской станице у неё остался сынок Василий. А младшего сына, появившегося на свет двумя годами позже и такого же, как она, светлогожего и русоволосого, звали Болатом.

Мария давно смирилась со своей судьбой, которая была к ней ой как немилосердна. Прежняя жизнь вспоминалась теперь как сон, а порой ей казалось, что её и вовсе не было: вспоминая о бесконечной дороге, по которой её гнали сюда, она вспоминала и прошлое. Но бессонные ночи и подневольный быт вспоминать не хотелось. Как волшебная сказка представлялись ей очертания милой станицы, но те давнишние воспоминания мешались с тревогами нынешней жизни. Вдобавок ко всему Мария стала мусульманкой и её новый бог требовал от неё отказа от её несправедного про-

шлого «Ничего и не было! Не было!» — уговаривала она себя, стараясь забыть и иконописного бога, и свое детство, и подруг, и прежнего мужа. Только воспоминания о сыне еще будоражили душу, и она бы многое дала, чтобы хоть разочек увидеть его или хотя бы получить от него весточку. Даже двое её новых сынов не отбили у неё этой охоты. Изнывала от жалости душа, и, зная о том, что им уже никогда не повстречаться, она не могла поверить в погибель сына. Страшила её эта мысль: как же это — нет на свете её Васечки! Шепча молитву, она просила за всех своих сыновей: пусть все они живут в мире и согласии, ей на радость, а Василий пусть хоть иногда вспоминает свою пропавшую мать. Воспоминания о нем приходили к ней вместе со сном, и самыми сладкими мечтами были мечты о его счастливой жизни...

Два мира — тот, в котором она родилась и выросла, и тот, где она теперь оказалась, — были никак несовместимы, но оба жили в душе Марии. С детства она была напугана слухами о грозных татарах и хорошо представляла себе отношение её соотечественников к ногайцам... А теперь, живя в ауле, она поняла, как непримиримы мусульмане ко все более распространяющим свое влияние иноверцам. Но так уж получилось, что дочь крещёных родителей стала матерью двух мусульман.

Босоногие дети в длинных холщовых рубахах, еле переводя дыхание, бежали в сторону станицы:

— Татары! Татары!

Не успели дети добежать до крайних хат, как из-за пригорка показались первые всадники. Вопли женщин и удалые крики казаков смешались с топотом копыт. Конный отряд ворвался в селение. В один миг загорелись камышовые крыши. Раздались выстрелы, свист стрел, сабельный звон. Ужасом наполнились сердца людей. Душе-раздирающие крики и стоны раненых неслись отовсюду. Казаки, вооружившись чем попало, выбегали на улицу и вступали в бой, но одних настигали выстрелы, другие валились с ног, запутавшись в метко накинутом аркане, а самые удачливые, завладев конем, уносились прочь от станицы. Всадники преследовали бежавших по улицам и, опутав их арканом, волочили по земле...

Станичник Андрей, забежав в хату, сорвал со стены ружье и, тотчас выскочив на улицу, прицелился во всадника в косматой папахе. Рука его не дрогнула, и всадник со стоном полетел с коня. Тогда Андрей забежал в хату и, перебросив за спину ружье, вооружился саблей.

— Что же это делается? Боже всемилостивейший, спаси нас! Басурманы проклятые! — услышал он голос матери, вбежавшей в хату с трехлетним мальчиком на руках.

— Где Мария, мать? — прокричал казак.

— Пошла к соседям и не воротилась. Ой ты ж господи, что же это будет с нами! — заголосила женщина.

Андрей выскочил на улицу и вывел из загона оседланного коня.

— Давай сюда Ваську, мать! — закричал он, подтягивая подпруги.

— Боже мой, боже! — Женщина с воплями выбежала из хаты, прижимая к груди ребенка.

Андрей вскочил на коня.

— Давай сюда парня! — прохрипел он, протягивая руки.

— Родимый ты мой, куда же ты с мальчонкой? — будто опомнившись, вскрикнула старуха.

Мальчик, почувствовав неладное, заревел на руках у отца.

— Бежать надо, а то все мы под самый корень погибнем! — проговорил Андрей, поудобнее усаживая перед собой мальчонку.

— Ой-ой-ой! — запричитала мать. — Сынок ты мой, что же нам-то делать? Как жить без тебя — опоры нашей?

— Не плачь, мать. Так я хоть парня спасу, а вы с жинкой в погребке ховайтесь. Вас

не тронут. Басурмане сейчас на детей да на мужиков охотятся, в туретчину увозят, в рабство...

Крики и выстрелы не утихали в станице. Налетчики рыскали по казацким дворам, вылавливая людей, и сгоняли всех на майдан. Треск бичей заглушал вопли детей и женщин.

Биймурза, Адиль и Хота ворвались в дом атамана. Женщин и детей они загнали в сарай, приставив к ним Хоту для охраны. Заглянув в погреб, Биймурза обнаружил там седовласого атамана. Он позвал товарища, и, наставив на атамана пистолеты, они вывели его на улицу.

— Хота! — Биймурза окликнув мужчину, который колом подпирал сарай. — Здесь, видать, добра на всех хватит. Достань-ка пару повозок и лошадей самых лучших, а мы пока развяжем рог этому молодцу.

Хота вскочил тот же час на своего серого мерина и помчался исполнять приказание.

На улице он увидел джигитов, сгонявших пленных к майдану.

— Чего невесел, Хота? Добыча такая, что, если довезем до Кубани, все богачами станем! — прокричал его односельчанин — бедняк Торгай, оказавшийся в отряде по какому-то недоразумению: пробатрачив на стороне, он возвращался в аул и наткнулся на отряд. Так — в оборванной овчинной шубе, подпоясанной каким-то рваным лоскутом, — и подался в станицу.

— Арба нужна, — ответил Хота, не одобряя, как видно, радости односельчанина.

— Арба-то в каждом дворе есть, ты лучше коня поищи. Я как раз видел одного оседланного и без всадника, но как этих бросишь? — И он показал рукояткой камчи, где может быть конь.

Хота послушался его и вскоре действительно увидел оседланную лошадь. Она ходила кругами вокруг своего хозяина, убитого наповал казаком Андреем. Улица была пуста, и Хота хотел уже спрыгнуть с коня, как вдруг до него донесся крик из открытых дверей хаты. Такое отчаяние было в том крике, что Хота не сдержался и поспешил в дом. Войдя в сени, он увидел молодого парня, нависшего тучей над испуганной женщиной. При появлении Хоты парень растерянно улыбнулся и отпустил женщину, а та, воспользовавшись моментом, забила в угол, стараясь прикрыть наготу. Хота не любил вмешиваться в такие дела, но в ушах его стоял тот отчаянный крик, да и наглость парня, забывшего стыд и даже не подумавшего о том, чтобы уйти при виде старшего, раздражала: парень, как видно, ждал, пока уйдет Хота, чтобы его старания не пропали даром. Пришлось Хоту отшвырнуть нахала к дверям.

— Пакостник ты! Щенок! — выругался он.

Женщина, вытирая слезы, собирала в руку обрывки платья и прикрывала ими свое тело. Её белое лицо обагрилось, русая коса, обернувшись вокруг шеи, спустилась на обнаженную грудь. Моля о пощаде, она смотрела на Хоту, и этот взгляд заставил его содрогнуться. Подавив смущение, он постарался ничем не выдать своей слабости. Но парень, похоже, не собирался уходить, напротив: глядя прямо в лицо Хоту, он как бы говорил — ну что, и тебе приглянулась красotka!

Хота гневно взглянул на него и приказал:

— А ну-ка дай ей одеться!

— А вот же платья! — Парень вприсядку подскочил к сундуку и вытащил оттуда целый ворох. — Пусть выбирает!

И подошел вплотную к женщине.

— Отойди! — завопила охваченная страхом женщина.

Хота понял, чего она хочет, и приказал парню идти за ним. Во дворе парень остановился, и было видно, что идти дальше он не намерен.

— Что ты все вертишься? Чтобы ноги твоей тут не было! — пригрозил ему Хота.

— А как же она? — улыбнулся парень, показывая на хату.

— Не твое это дело! Иди себе! — И, немного успокоившись, добавил:

— Пойду...

— Но ведь... — запнулся парень, — если не я, то кто-нибудь другой все равно...

— Что — все равно?

— Ну как же, — замялся парень. — Все равно заполонят такую красотку, за неё ведь немалые деньги получить можно.

Хотя смерил его взглядом:

— Тогда я возьму её с собой!

— Но это же моя добыча! — недовольно проговорил парень.

— Пошел прочь! И чтобы ноги твоей здесь не было! — разгневался Хота.

Оставшись ни с чем, что было, на его взгляд, крайне несправедливо, парень изо всех сил хлестнул своего коня и, перескочив через изгородь, помчался по улице. Хотя вспомнил об убитом и, подойдя к нему, перевернул на спину. В убитом он узнал своего земляка, многодетного Канбулата. «Вот ты и разбогател, Канбулат! — горестно вздохнул Хота. — А может быть, нас всех это ждет!» — И он снял с убитого оружие, чтобы передать его семье. В таких набегах было не до похорон, и если знатных воинов иногда уносили с собой, то простолудинов — никогда. Случалось, правда, что в набегах участвовали родственники — вот они, соблюдая обычай, иногда предавали своих близких земле.

Хота приторочил ружье Канбулата к седлу его коня и собрался было восвояси, но увидел вдруг голову того парня, затаившегося за углом дальнего дома. «Не оставит он в покое женщину!» — решил Хота.

— Что же делать, если не я, то кто-нибудь другой заберет тебя, — проговорил он и вошел в хату.

Насмерть перепуганная женщина продолжала рыдать.

— Бери свои вещи, и пойдем! — приказал ей Хота.

Женщина долго не понимала, что от неё требуется, а поняв, с испугом взглянула на него.

— Ничего же не понимает, — буркнул себе под нос Хота и начал складывать вещи женщины в свою суму. Потом он подошел к ней и, сжав руку, потащил её из дому. Мария сначала вырывалась, но, увидев во дворе своего насильника, подчинилась воле Хоты.

— А я-то думал, что ты давно ушел — оставил ее! — Парень, как видно, не смог смириться со своим поражением. — А может, все-таки уступишь мою добычу, все равно ведь потом будем делить и пленных, и скот!

Парень отвел коня в сторону и оттуда, как и прежде, следил за каждым шагом Хоты: его соперник привязал к луке своего седла коня убитого Канбулата и двинулся в путь. Парень сопровождал его до дверей атаманского дома, но, увидев там Адиля и Биймурзу, понял, что на поживу рассчитывать не приходится, и, огрев своего коня плетью, умчался прочь.

***

Казачий скот, отбитый еще до нападения на станицу, абреки погнали по малоизвестной разбойной тропе. А в станице было взято все, что можно было увезти, и главное — оружие: арбы были завалены бочками с порохом, лошадиной сбруей, красовалась на арбе и казачья пушка. Разбойная тропа проходила в стороне от основных дорог, через укромные ложбины и овраги; эту тропу давно уже приглядели абреки. На ней казаки ходили на ногаев, ногаи нападали на казачьи станицы; промышляли тут и крещённые калмыки, и жившие в отдалении черкесы..

В ту пору особенно тревожно было в этих краях. Хотя не одно поколение ногайских владык присягало белому царю, туркам удавалось разрушить этот союз. Так

произошло и на этот раз: турецкий султан Мустафа послал мурзе Касаю фирман, приказав полностью подчиниться крымскому хану и привести с собой войско для сражения против москвитян, которые замыслили, как он уверял, набег на султанские владения. Этот фирман обошел всех кубанских старейшин, и никто из них не выступал самолично против российских князей. Ногайские мурзы укрепляли свои отряды и ожидали приказа верховного. В это смутное время промышляли разбоем только те, кто тайно от властей сколотив отряды, не желал упустить свою добычу. Набегам этих головорезов подвергались не только казачьи станицы, но и селения соплеменников, с которыми они что-то не поделили; нападали они и на другие племена, обретавшиеся в этих краях.

Дитя любви, так звали в народе Адилья, был сыном кубанского султана Магомет-Гирея и его наложницы; не получив после смерти отца никакого наследства, он снарядил отряд из вольных людей. Его сподвижниками стали удальцы, желавшие только одного: прославить свое имя и, при случае, разбогатеть. Его друг Биймурза, бывалый разбойник, участвовал во многих набегах — в народе его знали как кутилу к мота, помогал Адилью в наборе людей. Много лет назад Адиль и Биймурза были вместе в плену у казаков. Братья Адилья, хотя и не питали к нему родственных чувств, выкупили его тогда, а уж потом Адиль со своими людьми выручил и своего друга. Но не образумились молодцы и, несмотря на постоянную опасность, продолжали заниматься этим ремеслом. По закону набега, десятая часть всей добычи доставалась вожакам отрядов. Адиль и Биймурза больше всего ценили полон: простые люди уступали им своих пленников по дешевке, а вожакам это сулило большие барыши, они были уверены, что в Анапе турки заплатят за них хорошие деньги. А вырученные монеты дружки успешно проматывали в греческих и турецких кофейнях или других значных местах — в них никогда не было недостатка на черноморских базарах.

На этот раз в отряд попали даже оборванцы, не имевшие не только достойного оружия, но и хоть какой-то сноровки в молодецком деле. Уговоры велись тайно.

Хоту же привезли в отряд как хорошего воина; он уже отличился в нескольких сражениях в отряде своего князя. Несчастья так и преследовали молодца: после недавней эпидемии чумы Хота остался без родителей и без молодой жены, которая даже не успела родить ему наследника, а за неё он отдал весь свой скот. Тридцатилетний мужчина остался в пустой сакле, без жены и близких. Все, что у него было, — это отцовский мерин, оружие и небольшой княжеский надел, на котором даже сеять не пришлось в этом году. Хота целыми днями пропадал на охоте, а возвращаясь домой, слонялся без дела, иногда помогал соседям и родственникам: нужда заставляла его идти в холопы. И, как это ни было позорно, ничего другого ему не оставалось. Заносчивые родственники, которые почти все служили при султанском дворе, отвернулись от него, а Хота был не из тех, кто взывает о помощи. Род их — Унаж — был из ногайских черкесов и издавна служил при султанах; сначала он отличался от других тем, что сохранял свое наречие, но потом и это отличие стерлось: в роду Унаж, почитавшему все ногайские обычаи, стали привычными смешанные браки, и дети черкесов заговорили по-ногайски... Род Унаж славился храбрыми воинами. Удальцом показал себя и Хота в последних сражениях, но приглашали его в набег с большой опаской, боясь, что это станет известно князю. Биймурза несколько раз посещал жилище Хоты.

— Мы знаем, как ты владеешь саблей, и хотим, чтобы ты был с нами. Негоже такому молодцу прозябать в пустой сакле! Развеяться тебе надо! А удаль — от печали верное средство! — уговаривал Биймурза, вкрадчиво глядя в синие глаза Хоты.

Сначала Хота не дал ответа. Биймурза, уходя, похлопал его по плечу и попросил:

— Ты, парень, смотри — не скажи родственникам о том, что я тебе предлагал, а то они проболтаются султану, и тогда и тебе, и нам несдобровать.

Хота был смирным человеком и не хотел идти на запретное дело. Но оно обещало

достаток, и тогда можно было бы занять жену, а потом — и детей, и он мог бы жить как все люди... Хотя и риск, как он понимал, был немалый: в лучшем случае его ждал плен, а скорее всего — погибель.

Сомнениям его Биймурза положил конец, задев его за живое:

— Ну что ты боишься за свою голову? Конечно, могут убить. Но иначе ты всю жизнь будешь рабом и, в лучшем случае, на старости лет купишь себе жену; тебе тогда и дети не нужны будут! Такому, как ты, джигиту не подобает так жить! — сказал он с укором.

— Не боюсь я! — выкрикнул Хота. — Только грех без причины грабить!

— А сколько они мусульманских аулов разорили, сколько скота угнали? Если не мы их, то они нас разорят, разбой никогда не прекратится. Не ты и не я выдумали это. Сейчас князь боится нарушить слово, данное туркам, а не то сам бы повел людей в набег. Не бойся ты!

— Не боюсь я! — опять вскрикнул Хота, а потом, не глядя на Биймурзу, спросил: — Где вы собираетесь?

— Вот и хорошо! Сбор будет у крепости, где Кубань сливается с Урупом, на Новом броду, — обрадовался Биймурза.

— Я буду там! — проговорил Хота.

Сабля Хоты была наточена, порох к пистолету обещал Биймурза... Свернув бурку, он привязал её к седлу и, сев на своего серого мерина, ночью прибыл к Новому броду...

***

Далеко впереди обоза всадники в папахах, размахивая бичами, гнали многочисленный скот. Обоз, состоявший из казацких подвод, сопровождали вооруженные всадники. Крики воинов, рев скотины, стоны и проклятия полоненных, скрип колес смешались в тяжелый гул. Связанные пленные сидели или лежали на подводах — по несколько человек в каждой. С испугом смотрели они на надвигавшийся горизонт за далекими бурными холмами. Со слезами на глазах оглядывались на детей, сидевших в тесных переметных сумах на спинах сменных лошадей. Всадники беспокойно торопили коней, покрикивали на аробщиков, чтобы не отставали, торопили и друг друга. Третий день двигался отряд, делая привалы только по ночам. Днем сами ели и кормили на ходу пленных.

В арбе Хоты лежали два бочонка пороха, разная утварь, оружие, мотки холста, добротные овчинные шубы — все это жоаки отряда отдали Хоте, себе же они оставили сундучок с атаманской казной; завернутый в бурку, он тоже лежал в арбе. Забылась в слезах молодая казачка — добыча Хоты. Она могла оказаться и в другой арбе, ведь сразу несколько всадников попытались увести её, но опять вступился Хота. Приходя в отчаяние от прикосновения других рук, Мария почему-то сникала, когда подходил Хота, и, хотя он не мог её утешить, затихала. Только когда связанных пленников рассаживали по повозкам, она бросилась бежать, и Хота, может быть, даже отпустил бы её, но увидев, как Биймурза преградил ей дорогу и обнял её своими лапищами, он не выдержал и, торопливо вырвав Марию из рук жоака, потащил к своей арбе и кинул в повозку. Во время пути Хота несколько раз почти насильно напоил ее, но от еды она отказывалась, хотя сородичи уговаривали её поесть, чтобы сохранить силы: все они надеялись, что казаки нагонят ногайский обоз и отобьют их у разбойников. Мария ни на кого не поднимала глаз и всю дорогу молчала: слезы душили её. Подъехав к арбе Хоты, Адиль прямо с коня рукоятью камчи повернул к себе её голову и оценивающе взглянул на осунувшееся, заплаканное лицо.

— Хороша девка! Очень хороша! — цокнул он языком и, свысока посмотрев на Хоту, попросил, как приказал:

— Продай!

— Нет, не продам! — грубо отрезал Хота.

Адиль состроил гримасу, показывая, что не подобает так отвечать жожаку, но потом улынулся.

— Что же ты будешь с ней делать? — Скрывая свой гнев, он потирал рукоять камчи о подол своей оранжевой черкески.

— Это мое дело! Моя добыча! — холодно сказал Хота.

Адиль вопросительно взглянул на ехавшего невдалеке Биймурзу. Биймурза расплылся в улыбке и, поглаживая стриженую рыжую бороду, усмехнулся:

— Понятно, что...

— Товар пропадает! — резко оборвал товарища Адиль.

— Она не девица, хотя и при теле, — хихикнул Биймурза.

— Такую бы турки для дома свиданий с охотой взяли. Её приодеть-подучить, и развратный турок на ней богатство сколотит. — И Адиль кивнул на Хоту: — Ты поговори с ним, поговори, пусть продаст, мы ему хорошо заплатим.

Биймурза подогнал коня к арбе Хоты и, наклонившись к его уху, присоветовал по дружбе:

— Ну скажи, что ты с ней будешь делать? Жить? С ней же позора не оберешься! А на гяурке разве женишься! Даже думать об этом стыдно. Выкупа за неё тебе никто не даст. Подумай, Хота!

— Сам разберусь! — проговорил Хота, не повернув головы к всаднику.

Останавливались они только глубокой ночью. Дозорные рассыпались в разные стороны. В лагере огней не зажигали, ели всухомятку: хлеб и сушеное мясо запивали водой и кислым молоком. Хота спал возле арбы, закутавшись в бурку. В первую ночевку в степи он проснулся от крика пленницы и увидел в темноте силуэт подкравшегося к арбе мужчины. Хота вскочил на ноги и, недолго думая, стукнул негодника кулаком по голове. Незнакомец, застонав, упал. Навалясь на поверженного, Хота узнал в нем того самого юнца, которого заприметил еще в станице. Подняв парня на ноги, он пнул его коленом под зад.

— Марш отсюда! А в следующий раз тебе несдобровать! Щенок! — выругался Хота и, подойдя к арбе, погладил рукой всхлипывающую Марию и укрыл её своей буркой.

Степь кончалась, на горизонте замелькали обросшие зеленью берега Кубани. Чем дальше продвигался отряд, тем плотнее обступали его деревья. Вскоре обоз оказался в глухом лесу. Лица всадников преобразились, они возбужденно переговаривались, а кто-то даже затянул песню. Пленникам и без слов было понятно, что разбойники приближаются к родным местам. Но то, что конец пути не принесет им радости, понимали все, кроме детей. Надежды на освобождение не осталось ни у кого. Теперь их могло спасти только чудо. Женщины и девушки молились и просили бога сотворить это чудо, мужчины наморщили лбы, предчувствуя новые испытания. Были и такие, как Мария, сломленные и думающие только о смерти — единственной избавительнице от постигшего их несчастья.

Убитая горем Мария глядела по сторонам невидящим взглядом и тихо стонала, не находя слез для рыданий и сил для крика. Управлявший арбой Хота, когда уже не в силах был терпеть эти стоны, оборачивался к пленнице и постукивал её концом кнута, пытаясь остановить, но она, если и замолкала, то ненадолго, а потом все начиналось сначала.

Для стоянки на берегу Кубани выбрали просторную поляну. Гнавшие скот первым делом отыскали чуть выше по течению место для водопоя, потом согнали всех пленных, усадили на землю и принесли в бурдюках воду. Приставив к ним часовых и послав воинов в дозор, они дали отдых и себе самим.

Хота снял с себя черкеску и сапоги, оставшись в бешмете и шароварах; босым прошелся к воде, у воды снял пояс с оружием, положил папаху на траву, вымыл руки,

лицо, уши, побрызгал водой на бритую голову, после сел на прибрежный камень и долго сидел, опустив ноги в воду.

Молодые джигиты зарезали упитанного теленка, собрали хворост, разожгли костер, подкладывая в него сырые дрова, на углях стали поджаривать мясо. Пленные, женщины и мужчины, сидели отдельно. Им, как и на других привалах, кинули черствый хлеб и вяленое мясо, в бурдюках поднесли воды. У всех пленных были перевязаны руки одной длинной веревкой. Дети сидели среди девушек и женщин. Потчуга детей, женщины почти не притрагивались к еде.

Мария за все время пути ни разу не оказалась среди остальных пленных. Когда делали привал, Хота усаживал её на свою бурку и привязывал к арбе. На этот раз Хота не привязал её; она сидела, опершись спиной на колесо, и, подняв голову к небу, не открывала глаз.

Хота оделся и вернулся к своей арбе; захватив бурдюк, опять пошел к реке и, набрав воды, вернулся обратно.

Достав походную кружку, Хота налил в неё воды.

— Марушка, — окликнул он казачку и поднес к её губам наполненную водой кружку.

Мария открыла глаза, не понимая, чего от неё хотят, и уставилась на его бородатое лицо. Хота взглядом показал на кружку. Мария взяла её связанными руками и отпила сначала глоток, а потом — словно боясь, что кружку отберут, — выпила всю воду.

Готовившие еду молодцы подали знак, что мясо готово. С деревянными подносами, которые обычно брали в поход, джигиты стали подходить к снятому с огня котлу. К трапезе приступили, разделившись на несколько кругов. Хота сел вместе с Адилем и Биймурзой. Ели шумно, громко переговаривались, кто-то бранился со своим соседом. За кругом, в котором был Хота, сидели чинно, ели молча, слышно было только посапывание сидевших по соседству едоков. Первым поел Хота. Он аккуратно вытер руки о шаровары, достал из-за голенища сапога нож с костяной рукоятью, выбрал из остатков мяса самый сносный кусок и, насадив его на острие, понес к своей арбе.

— Кто солнца не видал, тот днем лампу зажигает! Где же это видано, чтобы раба кормили со своего стола?! — усмехаясь, бросил ему Биймурза.

Другие едоки поддержали его кратким смешком.

Хота дернулся, но не обернулся и, держась в напряжении, быстро дошел до своей арбы и только оттуда сердито посмотрел на Биймурзу. Биймурза сделал вид, что не замечает этого, и впился зубами в телячью лопатку, которую тщательно глодал весь обед.

Мария сидела, как и прежде, опершись спиной о колесо и закинув голову назад. Хота поднял с арбы куржин и поставил перед Марией, на куржин положил нож с насаженным на него куском мяса.

— Ешь! — сказал он еле слышно.

Мария открыла глаза и пронзила его ненавидящим взглядом. Хота отвел глаза и, достав из торбы, где хранилась еда, сухую лепешку, положил рядом с мясом.

— Ешь, говорю, а то с голоду помрешь! — недовольно проговорил он и отошел от женщины.

Мария глядела в спину удалявшегося Хоты безумным взглядом, но видела не его, а пылающий вдалеке закат. В этой дали, ей казалось, догорала её родная станица. Истошные крики умирающих, выстрелы, звон клинков, свист стрел — все будто ожило в памяти. Тупая боль заволокла сознание. Вдруг она ясно поняла, что, попав в полон, она навсегда разлучилась со своим сыном, мужем, с родной землей... И в тот же миг присутствия духа, в котором она черпала хоть какую-то надежду на возвращение, оставило её — что-то оборвалось внутри. «Все кончено! Незачем жить на этом свете! — блеснула чуждая её душе мысль. — Вот спасение!» — прошептала

она и протянула руки к ножу. Протерев лезвие о материю куржина и беспокойно озираясь по сторонам, она с надеждой взглянула на сверкающее лезвие.

Обласкав прощальным взглядом спокойное голубое небо, она обратила взгляд в ту сторону, где лежали её пленные собратья.

— Прощайте, родненькие! — крикнула она изо всех сил и, сжав нож связанными руками, резким движением вонзила себе в грудь.

Обернувшийся на крик Хота застыл в оцепенении и побежал только тогда, когда тело женщины рухнуло на землю. С криками повскакивали со своих мест джигиты. Раздались отчаянные вопли пленных.

Хота, подбежав к Марии, разжал её залитые кровью руки и резким рывком вытащил нож, затем перерезал веревку, которой были связаны руки пленницы. Подбежавшие мужчины обступили обагрённое кровью тело Марии.

— Стерва! Смотри, что наделала! — выругался Биймурза.

— Ни себе, ни людям! — с сожалением проговорил Адиль.

Среди пленных поднялся валт, посыпались проклятия и угрозы. Хота растерянно смотрел на кровь, на искривленное от боли лицо женщины, и руки его невольно гладили это лицо.

— Если сердце не задето, то может и выжить, — робко проговорил кто-то.

— Главное, чтобы кровью не изошла, — поддержал другой.

— А! Оставьте её подышать, теперь она все равно никому не нужна! — буркнул Биймурза и отправился на свое место.

Остальные тоже стали расходиться, с Хотой остались только несколько бедняков. Они помогли ему: кто подал чистый холст, кто поднес воду. Хота промыл рану и осторожно перевязал грудь стонавшей Марии, затем сделал на арбе удобный лежак и с помощью сердобольных джигитов уложил раненую на арбу...

Вскоре обоз со скотом, пленными и награбленным скарбом добрался до первых ногайских аулов. Адиль и Мурза, выкупив пленных, покинули обоз еще на подступах к первым поселениям. Остальных уже во всех аулах встречали перекупщики скота и те, кто жаждал обогатиться скупкой награбленного. Ряды участников набега вскоре и вовсе поредели, когда Хота добрался до своего аула. Но их, несколько джигитов, доселе считавшихся одними из самых бедных, в ауле встретили как истинных героев. Аульские мужчины тут же раскупили лишнее оружие и порох, а женщины набросились на холсты и утварь. Хота дал кому-то в долг свой бочонок с порохом. Аульские женщины при виде раненой полонянки плевались в сторону его арбы, бранили гяурку и даже не подошли к повозке. Весть о раненой казачке тотчас облетела весь аул, пошли разные толки, и Хота, решив не испытывать судьбу, после того как загнал свой скот за ограду, ночью повез пленницу в соседний аул к своей дальней родственнице Айшат, одинокой старухе, слывшей в округе знахаркой.

Почти целый год ушел на то, чтобы Айшат поставила на ноги Марию. Хота, живя у себя в ауле, все это время навещался к больной, приносил все необходимое, помогал старой Айшат по хозяйству. К следующей весне похудевшая, осунувшаяся Мария стала ходить и сама помогала старухе по дому. Она уже понимала по-ногайски и даже пробовала говорить. К старухе Айшат часто обращались люди за помощью, и хотя знахарка скрывала, за кем это она смотрит, да и сама Мария чуралась всех посторонних, люди стали догадываться, кто она такая. Мазанка Айшат была тесной — в ней никуда не спрячешься, поэтому, когда приходили посетители, Мария сидела в углу, не поворачивая головы. Айшат говорила всем, что у неё живет родственница Хоты — черкешенка, не понимающая их языка, но ушлые посетители с недоверием посматривали на выглядывающую из-под платка русую косу и находили подтверждение досужим слухам. Весной, когда зазеленела первая травка и аульчане стали готовиться к пахоте, Айшат сама завела разговор с Хотой.

— Больше её у меня держать нельзя, — начала она сокрушенно. — Бедняжка

и умная, и красивая, и добрая, только какая польза от всего этого? Продай ты её какому-нибудь богатею, а уж тот найдет, кому её сбить.

Хота исподлобья посмотрел на родственницу, и слова укоризны уже были не нужны.

— Другого выхода нет, — сказала она, разводя руками. — Это богатеи, ублажив кады да муллу, могли жить с рабынями и даже детей заводили...

Хота, устыдившись того, что старуха угадала его потаенную надежду, опустил голову и уткнулся взглядом в земляной пол.

— Да, жалко её, бедненькую! — и старуха погладила волосы Марии. — Но держать её здесь больше нельзя! Приходил Кривой Белял от князя. Сказал, что князь знает о том, что в его ауле живет гяурка. И лучше, мол, чтобы я подобру отдала её князю. Я опять сказала ему, что не гяурка она, а правоверная, черкешенка; пусть у тебя спросят, сказала. А они не верят, говорят, что это та, которую ты захватил в набеге. Правду от людей не утаишь, Хота. Делай как знаешь. Но жить тебе с ней не дадут, а я ведь вижу, как ты по ней скорбишь, да и она к тебе тянется...

— Ладно! — стыдливо оборвал её Хота, хотя и обрадовался несказанно её словам.

— Ты хорошо все обдумай! Простой человек за свою голову в ответе не бывает, а уж за рабыню, тем более за гяурку... Продай ты её! — и старуха мотнула головой в сторону Марии.

Мария хорошо поняла, о чем идет речь, и даже содрогнулась от нахлынувшего страха. Жалобно посмотрела на Хоту.

Хота поймал её взгляд, и у него тоже сжалось сердце.

— Я подумаю! — твердо сказал он.

— Думать некогда! Вчера всю ночь возле дома топтались всадники, и сдается мне, что они чего-то выжидают. Захватят во дворе твою девку — и пропадет она задаром, а не то в дом сунутся — силой заберут.

— Не заберут! Пусть только попробуют! — резко отозвался Хота.

Мария благодарно посмотрела на своего защитника. Айшат тем временем зачем-то вышла из дома. Тогда Мария подошла к Хоте, опустилась перед ним на колени и, обняв его своими теплыми руками, приложила лбом к его костистой руке.

— Не продавай меня! — прошептала она по-ногайски.

— Не продам! — И Хота убрал её руку.

— Ты сегодня не уходи! — сказала Айшат, вернувшись со двора.

И Хота остался ночевать в её доме. Ночью, услышав топот лошадей во дворе, он — одетый и при оружии — сорвался с тахтамата и осторожно выбрался из дома. Прислушался, взгляделся в темноту. Заметив силуэт всадника, Хота нагнулся и, на ощупь отыскав камень, швырнул его во всадника. Тот зарычал истошно и рванул коня в сторону. Из-за копны сена выскочил другой всадник и, подогнав коня, спросил товарища:

— Чего кричишь, как ужаленный?

— Наверное, шайтан стукнул меня в бок, — охая, проговорил первый.

— Ты это брось! Давай ворвемся в дом, заберем девку, и никто не узнает, куда она подевалась!

— Я знахарки боюсь, ведь она, что ни говори, с джиннами знает, — тихо сказал тот, в кого Хота бросил камень; приглядевшись, он узнал в нем Кривого Беляла, княжеского прислужника.

— Чего ты боишься всяких рассказней? Если так, я сам выкраду девку! — грозно прикрикнул второй всадник и направил коня к дому.

Хота сделал предупредительный выстрел. Шарахнулся в сторону конь ретивого смельчака.

— Бежим! Кажется, здесь сам хозяин девки! — раздался испуганный голос Кривого Беляла, и Хота увидел, как он повернул коня и исчез в темноте.

Второй всадник успел все же выстрелить в сторону, откуда донесся выстрел, но, к счастью, Хоты там уже не было. Он выстрелил для острастки еще разок. После второго пистолетного выстрела всадник тоже повернул коня и помчался за своим товарищем. Хота еще немного постоял, проверяя, не вернутся ли насильники, но, убедившись, что никто больше не нарушит покой этого дома, пошел обратно. Когда он открыл дверь, то увидел перед собой Марию, и не успел он даже слова сказать, как она обняла его. Хота ощутил её тепло, её страх, рука его отставила ружье, и он обнял женщину за мягкие плечи, прижался к её щеке губами, страстно вдыхая её запах и прислушиваясь к частому дыханию...

На следующий день, посадив Марию в арбу, со скотом и скарбом он двинулся в горы, где была та делянка, что досталась ему от покойного родителя. Участок был далеко от людских поселений, среди горного леса. Хота поставил войлочную кибитку, соорудил загон для скота и перво-наперво стал строить надежное жилище на зиму. Очень скоро он сплел из ивы стены, потолочное перекрытие, нашел глину и, вместе с Марией, возвел глинобитный дом. Все лето Хота трудился на поле, а Мария пасла скот, доила коров, готовила еду, обстирывала мужа. Выросшая в трудолюбивой казацкой семье, она с малых лет привыкла к работе, а когда ей исполнилось пятнадцать, они с братьями лишились родителей и все заботы по дому легли на её плечи. Она даже не смогла, как другие казачки, вкусить девичьих радостей, у неё просто не было времени ходить на посиделки или какие-нибудь торжества. Её братьям заботиться о ней не приходилось; все трое думали о том, как добыть хлеб для себя и своих детей. Казак Андрей был старше её на десяток годков, но, когда он снарядил к ним сватов, братья долго не раздумывали — сразу же дали согласие. Доброго приданого они ей дать не смогли, и, захватив из дома материнскую шаль да постель, Мария, точно бесприданница, перебралась в дом Андрея — казака небедного, но и небогатого. Андрей любил её за молодость и красоту, но все же не упускал случая попрекнуть тем, что её бедная родня ничем не подсобила им. Упрекал, но не глумился, да и свекровь всегда защищала свою трудолюбивую невестку. Сама же она к мужу была холодна, но с кем-то сравнивать его или думать о ком-то другом ей не приходилось: обвенчанная в церкви, Мария понимала, что она жена Андрею перед людьми и Богом. Вся её неутоленная любовь обратилась на ребенка, а единственное счастье она увидела в воспитании своего дитяти... И вот... Злоключения, выпавшие на её долю неожиданно-негаданно, оборвали все её надежды. А тут еще страдания, которые она сама навлекла на себя. О многом она передумала за время болезни. «Быть здоровой, ходить по земле — что может быть лучше! Жизнь ведь одна», — приходили к ней новые, до того неведомые мысли. И все же иногда её преследовали воспоминания, тоску она глушила неистойвой работой... В момент переезда в горы Мария неожиданно для себя открыла, что если Хота не бросит её на произвол судьбы и защитит, то ей, может быть, откроется какая-то новая жизнь, но в это надо было поверить. Мягкость и обходительность Хоты обнадеживали ее...

Когда поверх плетеного потолка, обмазанного глиной, был насыпан слой земли и, вместе с очажной трубой, вся крыша еще раз была обмазана глиной, дом был готов. Хота натянул захваченную из аульского дома цепь, повесил на неё казан и позвал Марию.

— Марушка, погляди! — сказал он, насупевшись.

Хотя он ничем не выказывал своей радости, Мария поняла, что творится в его душе, и в ответ ему улынулась. Хота в честь окончания строительства зарезал козленка. Мария, до того готовившая под открытым небом, сварила мясо в новом жилище. Она сняла с огня хинкал, приготовленный на манер казацких галушек. Положив хинкал в парившееся мясо на деревянный поднос, подвинула треножную

сырпу к сидевшему на низкой табуретке Хоте. Хотя в тот день побрил голову, остриг бороду и надел свой выходной шепкен, глаза его влажно блестели, продолговатый нос был чуть насмешливо вздут — он поглядывал то на Марию, то на стены нового дома. Мария смущенно встречалась с ним взглядом, опускала ресницы, улыбкой давая понять, как она довольна новым жилищем. В этот день она впервые надела ногайское платье с серебряными застежками на груди — это было платье бывшей жены Хоты, которое он захватил из дому.

Погладив бороду, Хота чинно принялся за еду. Ел он неторопливо, долго пережевывая, смущаясь тем, что ест, пряча глаза. А ей нравилось, как он ест; не отрываясь глядела она на его лицо, уже зная, что он все равно не посмотрит в её сторону. Его смущение подзадоривало ее, удивительно было, что этот мужественный, терпеливый человек так робко ведет себя за столом. Мария и в станице никогда не садилась с мужем за один стол. Подав еду, она оставляла его одного, а сама ела с матерью и сыном или же перекусывала наспех одна, когда дома никого не было. Только на праздники они садились за стол всей семьей, тогда даже чарку водки подносили ей. Мария на этих торжествах не подавала голоса, ела, как сейчас Хота, не поднимая глаз, жалась к сынишке, которого тоже сажали за стол в такие дни. Андрей же восседал на этих застольях полноправным хозяином, важно потягивался, пил, смакуя, ел, переводя взгляд с одного родича на другого, с наслаждением давая распоряжения... Мария теперь с любопытством наблюдала за тем, как ест Хота. Его ровные белые зубы впились в нежное мясо, а особенно забавляло её то, как он ломал кости и выбивал на ладонь мозговой жир, а потом одним движением руки закидывал его в рот. Она уже знала, что, по ногайским обычаям, женщина не садится за один стол с мужчиной, но Хота, всегда хмуривший бровь, если ему что-то не нравилось, не хмурился, когда она садилась напротив, чтобы понаблюдать за ним.

Хота, кончив есть, отодвинул поднос и, погладив бороду, прошептал молитву. Встав из-за стола, он указал на него рукой, приглашая Марию поесть, и вышел из дома. Мария не сразу села за стол, а в каком-то ожидании оглядела в который уж раз новое жилище. Помечтала о том, каким оно будет, когда они обживут его, хотя и сейчас все здесь казалось ей привычным. Пожалела, что нет известки, а то бы она побелила его на казачий манер — и изнутри, и снаружи. Два оконца еще не были затянуты пузырями, и она подумала о том, что это надо сделать до наступления холодов. Потом её взгляд упал на деревянный лежак, застеленный войлочными коврами, на котором они с Хотой провели не одну ночь до завершения постройки. Мелькнула мысль о грехе, но она тут же отогнала её — недавно ей показалось, что она забеременела, и с тех пор как мысль о ребенке вошла в душу, она не хотела думать ни о чем другом; она, конечно, побаивалась родов, но желание поскорее узнать, что за дитя родится на свет, побеждало этот страх. О своем подозрении она хотела сказать Хоте, и не только затем, чтобы разделить с ним свои тревоги, но и для того, чтобы увидеть, как он отнесется к этому. Вечером Мария занесла в дом шубы, которые она каждый день вывешивала для просушки, — этими шубами они укрывались ночью. Затем она покормила собак остатками еды; взяв кумган и помывшись, вошла в дом, где было уже совсем темно и светились лишь красные угольки почти истлевших дров. Мария на ощупь прошла к лежаку, на который прилег Хота. Она села на краешек постели, не спеша отвернула застежки и сняла платье. Хота лежал, подложив руки под голову, и бездумно смотрел в потолок.

— Теперь у нас есть дом, мы здесь перезимуем, — задумчиво проговорил он.

— Хороший, теплый дом, — поддержала его Мария.

Хота, привстав, обнял Марию за плечи и тяжелой своей рукой уложил рядом с собой. Мария прижалась к нему и беспокойно задышала ему в лицо.

— А что, если у нас будет ребенок? — шепотом спросила она.

— Это хорошо! — чётко проговорил Хота и крепко, до боли сжал руки Марии, затем дотронулся рукой до мягкого живота женщины и добавил:

— Тогда придется просить Лишат, чтобы она переехала сюда и помогала тебе... Мария облегченно вздохнула и прильнула губами к его губам...

***

Хота, оставив ружье с десятком снарядов и велел Марии пасти скотину возле дома, отправился в аул, чтобы договориться насчет муки, соли и другого провианта, необходимого для будущей зимовки. Мария проводила его до тропы, ведущей к аулу, и затаилась в тревожном и томительном ожидании. По дороге Хота думал о том, как его встретят в ауле: родственники, конечно, осуждают его за самовольный поступок, и встречаться с ними ему бы не хотелось: не простят они ему союза с полонянкой. Особенно ему не хотелось встречаться с Адамеем, старшим в их роду, служившим муртазаком у султана Магомет-Гирея. Никакие дела без его одобрения не делались. Перед его отъездом Адамей послал к нему навстречу человека, но Хота не захотел увидеться с родственником и поторопился покинуть аул.

Хота скакал по лесистой дороге и представлял себе все неприятности этой встречи, подумывал о том, как ему избежать ее.

Но эта встреча произошла неожиданно, прямо на дороге, когда до аула еще оставался немалый путь. Из-за небольшого карагачевого леска, на повороте дороги, внезапно выехала группа всадников. Во главе их был сам султан Магомет-Гирей, одетый в белую черкеску и золотистую каракулеву папаху, с плеч его свисал бело-снежный башлык. Хота сразу признал султана, но его сердце забилося, когда он увидел возле него коренастого всадника в черной черкеске. Это был Адамей.

Султан, завидев джигита, остановил вороного. То же сделали и его спутники... Хота понял, что поворачивать поздно, но и приближаться не торопился. Султан, встав на стременах, взгляделся в него.

— Кто это в такую рань на дорогу вышел? — сказал он, ни к кому не обращаясь.

— Ничего дурного не предвещает эта встреча, не беспокойтесь! Это наш безмозглый Хота, который из-за гяурки сбежал из аула. И чего его носит по дороге!

— Сейчас я ему задам! — хрипло проговорил Адамей, сжав в руке камчу.

— Это тот самый Хота, что отличился год назад в стычке с Алеко-мурзой. Помните, как он рассек его батыра от плеча до самого пояса? — пояснил один из молодых джигитов, родственник и одногодок Хоты.

— А тебя никто не спрашивает! — оборвал его Адамей.

— Да, я помню того поверженного батыра, который уложил немало наших воинов. Тогда это славный джигит! — проговорил султан, встречая теплым взглядом подъехавшего Хоту.

— Салам алейкум, мой султан! — не глядя на сопровождающих, приветствовал его Хота.

— Алейкум салам, джигит! — ответил султан и оценивающе поглядел на него. Адамей подсакал к Хоту и замахнулся камчой для острастки.

— Собачье отродье! — крикнул он.

— Остановись! — приказал Магомет-Гирей.

— Если бы не ты, султан, я бы у него со спины ремни вырезал! Такой позор навлек на наш род этот негодяй! Как людям в глаза смотреть, когда вот этот связал свою жизнь с гяуркой?! — багровея от гнева, проговорил муртазак.

— Гяурка, наверное, красивая? — великодушно пошутил князь. И все, кроме Хоты и его дяди, рассмеялись.

Адамей, не обращая внимания на шутку своего господина, продолжил, не скрывая гнева:

— Чтобы глаза мои не видели тебя, нечестивец!

Хота резко повернул коня, чтобы объехать всадников.

— Стой, джигит! — окликнул его султан. — Ты мне нравишься. Помню, как ты был смел в сражении с Алеко-мурзой, но врагов у меня и сейчас немало — удальцам вроде тебя будет с кем силой помериться! — Потом он посмотрел в сторону Адамея и сказал: — Вообще-то бывали случаи, когда и знатные особы, и свободные уздени брали в жены гяурок. Люди, конечно, не одобряют такой брак. Но знай, что гяурка должна стать мусульманкой...

Хота от этих слов встрепенулся и недоверчиво поглядел на султана, с трудом веря услышанным словам, потому что они исходили от представителя высшей власти в ауле. Магомет-Гирей погладил золотые газыри на груди.

— Надо задобрить муллу, чтобы он превратил гяурку в мусульманку. Если обратишь её в истинную веру, то, как говорится, и свои грехи отмоешь. Шариат это позволяет. Турецкие правители не раз женились на иноверках, — засмеялся султан.

— А по адату нельзя! — недовольно обронил Адамей.

— Не перебивай, Адамей! По шариату можно! — строго сказал султан.

Адамей замолк, но брови его сошлись, и он зло посмотрел на племянника, на лице которого сияла улыбка.

— Ну так как же? — спросил Магомет-Гирей.

Хота согласно склонил голову.

— Рад буду служить султану! — проговорил он.

— Если что нужно будет для муллы, то приди и возьми и, вообще, сошлись на меня. — сказав это, султан хлестнул своего коня.

Всадники поспешили за ним. Когда Адамей поравнялся с Хотой.

— Чем сносить такой позор, лучше умереть! — яростно, словно проклятье прошипел Адамей, раскрыв свой круглый и маленький рот, когда поравнялся с Хотой.

Хота долго глядел вслед умчавшимся всадникам. Он покачивался в седле, все еще не веря обещаниям султана. До сих пор, трезво размышляя над своим положением, он не мог и представить, что есть хоть какая-то возможность оказаться с Марией в родном ауле. Движимый только своим упрямством и своими чувствами, он совсем не хотел представлять все возможные сложности, а думал только о том, чтобы это красивое, нежное создание было рядом; он готов был вступить в смертельную схватку со всяким, кто посмел бы разлучить его с ней. Он говорил себе, что сможет всю жизнь прожить с Марией в лесу, и хотя знал, насколько зыбко такое будущее, его упрямство побеждало. «Проживу!» — твердил он себе, подавляя все свои сомнения. И даже тогда, когда Мария сказала ему о ребенке, он не хотел думать о каких-то трудностях, а просто готовил себя к борьбе — и за себя, и за Марию, и за будущего ребенка. Такой исход, какой подсказал князь, никогда не приходил ему в голову, и он долго не мог поверить в такую возможность... Но радостная надежда загорелась в нем, и он тут же отправился к аульскому мулле.

Сафар-муллу Хота застал завтракающим на веранде своего каменного дома. Одетый в белую просторную обу, мулла, подогнув под себя ноги, сидел на тахтамете, а перед ним стояли фарфоровые пиалы с чаем, медом, лежали круглый хлеб с поджаренной корочкой и овечий сыр. При виде входившего во двор Хоты мулла поспешно надел на голову папаху, обернутую белой тканью с отличительным знаком правоверного паломника, и, сделав вид, что он не видит вошедшего, чашку, поднесенную ко рту, не опустил. И только тогда, когда Хота поднялся на веранду и почтительно потоптался перед тахтаметом, морщинистое светло-коричневое лицо муллы расплылось в улыбке, а черные угольки глаз вонзились в лицо гостя. Они обменялись приветствиями, и мулла рукой указал на еду:

— Садись, садись, сын рода Унаж!

— Пусть будет в вашем доме довольство! — проговорил Хота и сел на указанное место.

— Ешь! И довольствуйся тем, что дал Аллах! — проговорил священнослужитель, выставив сиявшее, как жаренная в масле лепешка, лицо. Потом он резко поднял голову и крикнул в сторону летней кухни:

— Чай принеси!

Из-под навеса вышла одетая в длинное платье пожилая женщина и кивнула головой, показав, что наказ услышан.

Мулла продолжил трапезу. Хота не стоя торопиться с разговором и подождал чая. Вскоре старуха принесла чай и вышла. Покончив с едой, они с муллой сотворили молитву...

— Слышал, что ты — сын рода Унаж — разбогател, а за упокой души родных даже обыкновенного битира не внес, — с укором произнес мулла.

— Правильно, апенди, говорите, это мой грех. Забот было много, даже вздохнуть некогда, — виновато сказал Хота.

— У всех заботы, у всех... Но никогда не надо забывать про Всевышнего! Он все видит и всегда помогает своим истинным детям, всегда протягивает свою щедрую руку благочестивым и все отнимает у неблагодарных.

— Я сознаю свою ошибку, обязательно приведу вам чёрного барашка для жертвы, а вы уж помолитесь за души наших родных, апенди!

— Доброе дело сотворишь! Чёрный барашек — хорошая жертва Всевышнему. Ты — молодой, конечно, и не можешь не ошибаться, но лучше все-таки не совершать ошибок, а уж если что натворил, покайся не мешкая — чем раньше, тем лучше. Молодость проходит, за ней непременно следует старость, и только тогда мы начинаем осознавать, что за пустыми делами и пустыми заботами забывали о главном: о спасении своей души. А такое стремление должно быть у каждого смертного, всё надо делать в угоду небесному владыке, и только тогда наша жизнь станет чище и слаще. Велик аллах! Аминь! — произнеся эти слова, мулла обеими руками погладил своё безбородое лицо.

— Сафар-апенди, у меня к тебе важное дело. — И Хота вопросительно посмотрел на муллу.

— Говори. Если это дело угодно Всевышнему, я постараюсь тебе помочь.

Мулла удивился: какое же дело может быть у молодого человека к нему — блюстителю веры!

— Со мной в горах живет русская женщина...

— Это очень плохо, большой грех ты взял на свою душу! — перебил его мулла и в гневе отвернулся от Хоты.

— Я буду каяться, если это большой грех. но...

— .Вот и хорошо, сын рода Унаж! Избавься от гяурки, соблюдай пост Оразы, — Всевышний смилостивится над тобой и простит такой тяжкий грех! — перебив его, поторопился с нравоучением мулла.

— Нет, вот только... — замешкался Хота.

— Ты не хочешь избавиться от гяурки?! Что я слышу! — закричал мулла, вытаращив чёрные глазки.

— Вы не поняли меня, — собрался с духом Хота.

— Я — не понял? Связал свою жизнь с неверной! Да только за то, что ты впустил её в свой дом, ты заслужил суровую кару. А я слышал, что ты её выходил, мало того, увез куда-то для прелюбодейной жизни. У меня сегодня хорошее настроение, а потому я не хотел даже затевать этот разговор. Греховодник! Разве не таких, как ты, изгоняли из аула! — Мулла привстал с тахтамета, благословляя плевками всех мыслимых нечестивцев: вот тебе! вот! получай!!! Нашував рукой сучковатый посох,

приставленный к стенке, он замахал им в воздухе. — Благодарю своего дядю Адамея, люди из уважения к нему не трогают тебя! Вон из моего дома! — заорал мулла.

Хота встал и, поняв, что все обернулось как нельзя хуже, с поникшей головой спустился по ступеням веранды. Услышав крик мужа, вышла обеспокоенная старуха.

— Вот так он обращается с хорошими людьми, если не с той ноги встанет! И чего он орёт! — будто извиняясь, проговорила она.

— Апенди, я не всё сказал, ты не понял меня. — Хота напоследок попытался исправить положение.

— Не хочу ничего слушать! — прокричал распаленный мулла.

Хота поспешил со двора. Женщина последовала за ним. Она остановила его и, сочувственно глядя ему в глаза, сказала:

— Не печалься, джигит, приходи завтра. Мой господин с утра не в духе — служки в мечети испортили ему настроение. А завтра обязательно приходи, он любит настойчивых людей. Я его уговорю, и он подберет к тебе, уж я постараюсь. Ты ведь знаешь, мы с твоей матерью вместе росли, подругами были, пусть земля ей будет пухом! Приходи завтра, не печалься! — утешала его жена муллы.

— Спасибо, абай, спасибо! Мне очень нужно поговорить с ним, только Сафар-апенди решит моё дело, — сказал Хота, не поднимая глаз на пожилую женщину.

— Пусть благословит тебя Аллах! Не переживай и приходи завтра, а то, что он сердится, не беда — стерпи! — И старуха по-родительски заглянула ему в глаза.

Марии он ничего не сказал, решил помолчать до окончания дела. Всю ночь не сомкнул глаз, обдумывая, чем может закончиться завтрашний визит. Встал он на рассвете и, дав указания жене, снарядился в путь: выгнал из стада двухгодовалого бычка, из отары отбил чёрного барашка и погнал в аул.

Попал он туда только к обеду. Привязав коня к коновязи, загнал скотину в баз муллы. Мулла, сидевший, как и в прошлый раз, на веранде и перебиравший четки, видя, как решительно джигит ведёт себя у него во дворе, понял, что дело у него нешуточное. Пригласив его сесть напротив, он внимательно выслушал Хоту и от этого рассказа сразу сделался мрачен.

— Султан сказал, что такое по шариату допускается, — в который уж раз повторил Хота, просительно заглядывая в глаза мулле.

— Стыдно, стыдно! — упрекнул мулла и, просидев минуту в задумчивости, добавил поучительно:

— Такое случалось и раньше, бывало, что знать брала гяурок в жены, от рабынь и дети рождались. Только ты посмотри на себя! Ты обыкновенный уздень, какой подашь ты пример своим аульчанам? Если все правоверные так будут поступать — что же будет?

Хота молчал, обдумывая, как ему сказать о самом главном, но когда увидел, что мулла собирается встать, поторопился и сказал прямо:

— Пусть Аллах не омрачит ваш лик! Скажу вам самое постыдное... — Запнувшись на секунду, он всё же выдал из себя:

— У нас с ней будет ребёнок!

Мулла всем своим видом показал, что в этом нет ничего удивительного:

— Сначала пусть он родится! Если отец правоверный, то и ребенок считается правоверным... А теперь ступай! Когда это свершится — тогда и поговорим! — И мулла шуточно погрозил ему пальцем.

Хота недоверчиво посмотрел на старика, все еще не веря, что тот не сердит на него.

— Султан приглашает меня служить в его войске. Я бы хотел переехать в аул.

— Вообще-то за то, что мы прибавляем новообращенного к нашей вере, с нас снимаются грехи. Пока лето, надо её выкупать в Кубани, соберем почетных людей и совершим этот обряд. — Мулла встал и протянул руку сиявшему Хоте...

***

Через месяц Хота вернулся в аул. Не откладывая на потом, сотворили обряд обращения. Собрались все близкие Хоты. Молодые женщины, одев Марию в длинное белое платье, которое, по поверью, привезли из самой Мекки, и прибрав ей волосы на привычный манер, провели её по глубокому месту реки и окунули с головой в воду. Затем при поверенных людях мулла сделал обряд неках. Испросив их добровольное согласие, объявил Хоту и Марию мужем и женой. Молодые женщины рода Унаж увели Марию к себе, а мужчины и почтенные аксакалы сели пировать прямо на берегу реки, куда были вынесены столики-сыпра и выкачены бочки с бужой. Допоздна горели костры, на которых варилось мясо; люди шумно пили, ели, веселились, не смолкали ни на минуту ногайская скрипка и домбра. Пели известные певцы аула, время от времени все затягивали «орайду», хлопали в ладоши, подбадривая танцоров. Долго потом вспоминали в ауле эту необычную свадьбу Хоты и Марии.

Аульские женщины не упускали возможности зайти в дом к Хоте, чтобы посидеть и поговорить с Марией. Одни, чтобы как-то скоротать время, другие — чтобы удовлетворить своё любопытство и поближе узнать иноземку, третьи, — следуя примеру своих односельчанок. Мария, вдобавок ко всему, прослыла умелой швейей, и к ней часто заходили по делу: кому-то надо было раскроить платье, кто-то просил её сшить одежду детям. Мария охотно помогала им, а те, в свою очередь, ухаживали за её детьми и помогали ей по хозяйству. За несколько лет у неё сложились самые добрые отношения с аульчанами. В холодные зимние дни в дом Хоты перебиралась старая Айшат, которая тоже полюбила Марию за её доброту и отзывчивость. Айшат молодая хозяйка была обязана многим, она никогда не забывала, что старая женщина выходила ее, к тому же с её помощью Мария узнавала тонкости ногайских обычаев, умело встречала гостей, поддерживала, как положено, разговор, соблюдала обряды, воспитывала детей... Но какие-то отголоски прежней жизни остались в ней, и люди нет-нет да и вспоминали о её происхождении. Так, она первой в ауле побелила свой дом. В то время в аулах дома не белили, люди только обмазывали их глиной. Побелённый дом Марии отличался от других. И нашлись поначалу такие, кто осудил это новшество, но вскоре и соседки, увидев в этом только чистоту и порядок, последовали её примеру. Даже в соседних аулах появились такие дома. Зная, что мучных блюд у ногайцев достаточно, она всё же пекла — особенно когда была в хорошем расположении духа — русские блины или калачики, и все свои изделия щедро раздавала соседским детям, которые быстро прониклись к ней любовью. В их ауле, как и во всяком другом, были злые языки, но даже они не славословили понапрасну, ценя доброту и приветливость Марии. И всё же завоевывать свое достойное положение, особенно среди родственников, ей было нелегко. Недоброжелательность к Хоте старшего в роду — Адамея — многих его родственников настроила против нее. Адамей так и не переступил его порога, а если надо было что-то наказать «отступившему» племяннику, дядя делал это через посредников. Когда дети Марии подросли и сами стали навещать родственников, Марию не приглашали туда, где был Адамей, — боялись, как видно, прогневить старшего в роду. Стараясь не замечать недоброжелательности родственников, Мария была чуткой и внимательной со всеми... Осуждать она никого не осуждала, все обиды носила в себе.

Забот у неё было немало: пеклась о муже и о детях — в ауле в ту пору умирало немало детей. А страх за мужа не оставлял её никогда.

Хота, как и все способные носить оружие джигиты, служил в отряде султана. Джигиты, управившись с полевыми работами или сенокосом, попеременно ходили в дозор, для охраны своего берега от нападения. Иногда и сам султан переходил на правый берег и совершал тайный рейд в закрепленные за ним русские владения, нередко и казаки, пользуясь смутным временем, из береговых крепостей делали

набеги на султанские земли. Последнее время очень беспокойно было на этой временной границе...

Женщины аула, чьи мужья были в отряде султана, всегда с тревогой смотрели в сторону предгорий, откуда тянулась единственная аробная дорога, по которой обычно возвращался очередной дозор, и если там раздавался плач, то все женщины в испуге устремлялись туда. И Мария не раз торопилась в ту часть аула и впопыхах молила Аллаха, чтобы среди убитых не было её супруга. Много бессонных ночей она проводила в ожидании мужа. Каждый раз боялась, что произойдет самое худшее, и если со всеми прочими тревогами она как-то справлялась, то эту одолеть не могла. Эта тревога была повседневной, неотступной, преследовавшей какой-то безысходностью, острой болью в груди. Она чувствовала приближение неотвратимой беды и, даже когда муж был дома, находила укромное место, чтобы выплакаться. Хотя не любил слёз и всегда резко обрывал, когда вдруг она, не выдержав, пыталась излить перед ним своё беспокойство.

— Хотя, неужто не боишься погибнуть? Как же мы тут без тебя останемся? Что с нами будет? Что? Я не выдержу! — Никогда ещё Мария не говорила с мужем так откровенно.

Хотя, жевавший кукурузную мамалыгу, отодвинул от себя чашку и грозно посмотрел на жену.

— Хотя, а может, уедем из аула? Там, в горах, было спокойнее. Может, переедем? — сказала она, не дождавшись ответа.

Хотя стукнул кулаком по столу.

— Я хочу жить как люди и как люди умереть! Только трус отсиживается в своем доме! Я не хочу запятнать свое имя позором! Никто не обвинит моих детей в том, что у них был несправедливый отец! И лучше тебе не вмешиваться не в свои дела, а то накаркаешь беду! — Сказав так, он встал и, не доев мамалыгу, вышел из дома.

А как-то зимой привезли в аул пять трупов. Все пятеро убитых джигитов были молодые, едва успевшие жениться. Весь аул вышел хоронить погибших. Мария вместе с соседскими женщинами собралась идти на поминки, но старая Айшат удержала её в тот день:

— Дочка, не надо идти туда! Они нам не родственники, а человек, сраженный горем, ищет любую причину... Тем более матери, оставшиеся без сыновей, женщины, потерявшие своих мужей... Они шлют проклятья в адрес убийцы, ненароком и тебя обидят... А у тебя дети есть, береги их от проклятий, себя тоже береги! Там будет Хотя — этого достаточно, а ты даже из дому не высывайся, и детки тоже пусть дома сидят, пока все это не успокоится...

Марии тяжело было услышать это. Всё она делала, чтобы стать полноправной аульчанкой, старалась ради мужа и ради детей. И, хотя она и раньше ловила на себе осуждающие взгляды, когда речь заходила о неверных, прямых обвинений она не слышала. Может быть, только теперь, после слов доброй Айшат, Мария поняла, что прошлое никогда не отпустит. Предчувствие новой беды все глубже проникало в её душу. Теперь она начала бояться и за детей: без присмотра не выпускала на улицу, старалась, чтобы соседские дети приходили в их двор.

Сразу же после похорон джигитов произошла одна история. Мария поила скотину во дворе, а Хоты в это время не было — он отлучился из дома по каким-то делам. Мария, согнувшись над бадьей, увидела, как завернутая во все черное женщина обессиленно оперлась на их плетеный забор.

— Тьфу! Проклятая! Приблудная гяурка! Отольются тебе мои слезы! Тьфу! — истошно кричала она, потом, нагнувшись и сорвав с земли запорошенный снегом камень, изо всей силы швырнула в Марию.

Мария разогнулась и, хотя ей стало жутко от сверкавшего взгляда и гневных слов женщины, не показав своего смятения, спокойно пошла в сторону дома.

Проклятья сыпались до тех пор, пока не вышла старая Айшат, опираясь на свою кривую палку.

— Хватит тебе! При чём тут это дите, она такая же мать правоверных, как и ты! Горю проклятиями не поможешь! На всё воля Аллаха! Кто не принимает своего горя, тому аллах посылает новое! — пригрозила Айшат.

— Я и сама не хочу жить! Не хочу! — вырвался стон из уст женщины, только что извергавшей проклятия.

Вышли на улицу соседки, они успокаивали вдову, защищали Марию, а потом вместе проводили убитую горем женщину.

Мария же заперлась в доме, не найдя в себе сил встать с тахтамата ни когда вернулась Айшат, ни когда пришел Хота. Какая-то тяжесть навалилась на неё и не отпускала. Айшат обо всем рассказала Хоте. Тот стал успокаивать жену, но не могло и это. Всю ночь старая Айшат ухаживала за Марией: терла какими-то мазями, шептала на ухо заговоры. Только к утру Мария пришла в себя. С того дня она стала совсем боязливой и почти не раскрывала рта. Молча делала работу по дому, молча ходила по воду. С соседками не заговаривала, больше слушала и поддакивала. Не до разговоров ей было, потому и соседки заговаривали с ней неохотно. А Мария стала мнительной, боялась, что, случись у кого-нибудь из них горе, она и в их глазах прочтает проклятия. «Твоя родня причинила нам горе!» — скажут ей тогда...

Прошла долгая и холодная зима. А лето принесло с собой и начало боевых действий. Царские войска жгли береговые аулы; старейшины ногайских племен устраивали в ответ набеги на русские крепости и мирные поселения ногайцев, смирившихся со своей закабалённостью и присягнувших русскому царю. Отряд султана, в котором находился Хота, почти не бывал в ауле. Только убитые возвращались в аул на скорбных повозках. Смерть джигитов стала так же привычна, как и рождение нового аульчанина. У Сафар-апенди работы было невпроворот, он постоянно разъезжал по аулу: то на поминки, то на похороны. Многие дома посетила смерть, повсюду были скорбные лица, мужчины отрастили траурные бороды, женщины не снимали чёрных платков. В домах, где ещё не побывала смерть, её обреченно ожидали, готовы были открыть настежь ворота, как это всегда делается во время похорон, прибирали, готовясь к самому худшему, дома, жертвенную скотину не угоняли на далекие пастбища. Весь аул думал только об одном — о переселении в более безопасные места, к тому времени один аул уже снялся с насиженных мест и ушел в верховья Кубани. В ожидании несчастья аульчане объединились, забыли старые обиды и склоки. Даже Мария, свыкнувшись со своей долей, терпеливо сносила ненавистные взгляды и так же, как все, винила во всем своих бывших соплеменников.

И надо же было случиться такому! О сне, который она увидела совсем недавно, она не могла рассказать ни единой душе, даже Хоте, своему законному мужу, отцу двух её сыновей. Очень редко снился ей первенец Вася. Хотя помнила о нём всегда, даже сравнивала с аульскими однолетками — тринадцатилетними мальчишками, представляла, каков он есть теперь, и горестно вздыхала: как-то ему живется с отцом, а возможно, и с мачехой. Но во сне он всегда предстал перед ней таким, каким она видела его последний раз. Худощавый мальчуган бегал по двору или сидел на отцовском коне, о чем он всегда мечтал. И всё время этот мальчик убегал от неё, то скакал на коне прочь, то прятался в таких местах, где она его не могла найти. Мария же бежала за ним, искала во всех потаённых местах, обычно не находила и просыпалась вся в слезах — расстроенная и безутешная.

На этот раз он предстал перед ней в образе взрослого юноши. Она протягивала к нему руки, а он так и не приблизился. Мария тогда подумала, что Вася тяжело болен и что у него жар и кружится голова. Она добралась до него и подхватила осевшего на землю сына на руки. Дорога, на которой они стояли, вела в аул, и Мария, подняв взрослого сына на руки, выбиваясь из сил, понесла его в свой дом. Откуда-то

появились двое её маленьких сыновей, которые, мешая ей нести Васю, цеплялись за руки. Маленький Вайс, если не дотягивался до рук, дергал её за подол. Болат же, обхватывая ноги руками, не давал идти. У Марии душа разрывалась на части: она хотела взять на руки малыша Болата, боясь наступить на него, но боялась и за Васю, который был болен и нуждался в её уходе. Истомленная жалостью к младшим сыновьям, она дотащила старшего до своего двора. Во дворе она положила Васю на траву, а сама присела, чтобы передохнуть, но, когда оглянулась по сторонам, обнаружила, что её детей нет. Она испугалась и, решив, что какая-то злая сила похитила детей, заметалась по улице, заглядывая во все соседние дворы. Детей она так и не нашла и проснулась, охваченная ужасом. Открыв глаза, она увидела спящих в обнимку Болата и Вайса, но еще долго не могла успокоиться. Привстав и подвинувшись к ним, она поцеловала обоих и внимательно взглянула на их сонные лица.

Дети были похожи на неё — оба светловолосые и курносые, только глаза у них были отцовские. Мария благодарила Аллаха, что всё это только сон, и просила хранить её детей, но даже молитва не принесла ей успокоения. Так и стоял перед глазами её Вася. «Наверное, что-то случилось с ним! — гадала она, а разум подсказывал: — Что же я могу поделывать? Потерян он для меня!» — Не раз уже говорила она это себе, но сердцу не прикажешь: как болело, так и теперь болит.

Была пора сенокоса. Наконец-то сменился Хота и появился в ауле. В тот день он с самого рассвета готовился к поездке на сенокосные угодья. Собрались выехать всей семьей. Он натачивал косы, чинил арбу, конскую сбрую... Мария, прихватив мужнино и детское бельё, отправилась с соседскими женщинами на Кубань. Женщины устроились на прибрежной лужайке среди кустов тёрна. Подобрав подолы, они сидели на корточках и песком и щелочным мылом стирали в холодной кубанской воде, потом полоскали белье и несли развешивать на высокой траве или на колючих кустах терна. На лужайке, где собрались женщины, было, как всегда, шумно и весело. Многие женщины пришли с детьми. Но Мария в этот день оставила своих детей с отцом. Молодые девушки пели песни, им подпевали и остальные. Мария, поддерживая поющих улыбкой, прежде всего постирала мужнины каптал и шаровары из грубого сукна, потом принялась за нижнее бельё и детскую одежду. Стирала она с усердием, хотелось побыстрее закончить и вернуться к мужу. На душе было легко, она радовалась возвращению Хоты, и все её тревоги словно рукой сняло. Она с большим нетерпением ждала сенокоса, надеясь, что на этот раз ей удастся уговорить Хоту уйти в горы, а уж оттуда, быть может, — и на правый берег, в мирные ногайские аулы; до них доходили слухи, что жизнь там нетяжела и что царские войска не трогают тамошних жителей. Закончив со стиркой, она собрала бельё в большой медный таз и понесла развешивать. Ближние кусты были заняты, и она пошла в дальний конец лужайки. Долго выбирала куст и наконец нашла.

— Мария! — окликнул её чей-то голос.

Женщина испугалась, побелела как снег, но взяла себя в руки: не иначе ведь как послышалось! Она оглянулась назад, подумав, что, возможно, её окликает кто-то из женщин.

— Маша! Иди сюда! — почти шепотом позвал голос, но уже реальный и знакомый.

Таз с бельём выпал из рук женщины, она глянула в сторону густых зарослей и не поверила своим глазам. Из-за куста тёрна выглядывала голова мужчины в облезлой папахе, лицо его заросло рыжей бородой.

— Маша, ну же, беги сюда! — махнул рукой мужчина.

— Андрей! — вскрикнула Мария и закрыла рот рукой.

— Тише! — прикрикнул мужчина и опять позвал: — Ну же, беги сюда!

Мария снова оглянулась на занятых стиркой женщин и осторожно побежала к кусту, укрывавшему её бывшего мужа.

— Родная ты моя! — Всхлипнув, Андрей заключил женщину в объятия, потом посмотрел на неё и жадно поцеловал в губы.

Мария не в состоянии была произнести даже слово — смотрела на Андрея как на вернувшегося с того света.

— Бежим, Марья! Коня я недалеко оставил! — поторопил её Андрей и потянул за собой.

Мария, словно обезумев, не могла ничего понять и, боязливо оглядываясь на лужайку, невольно побежала за Андреем.

— Подожди, Андрей! Токта! — мешала она впопыхах ногайские и русские слова.

— Быстрой, быстрой! — торопил Андрей и, не давая ей опомниться, волок за собой, не обращая внимания на то, что она то и дело спотыкается о кусты тёрна или дерезы, что одежда её цепляется за колючки.

Вскоре они выбежали к голому месту, где у развесистой ивы приплясывал гнедой конь, к седлу которого были приторочены ружьё в косматом чехле и казацкая пашка.

У коня Андрей отпустил её руку, и Мария, переведя дух, словно пробудилась ото сна: перед ней действительно стоял Андрей! Он был в горской одежде: рваная черкеска, кинжал в украшенных серебром ножнах, широкие шаровары заправлены в мягкие ичиги. Андрей сбросил с головы облезлую папаху.

— Марья! Роденькья! Наконец-то я нашел тебя! — воскликнул он и, горячо обняв, стал целовать её шею, щеки, лоб.

— Как это — нашел? Как? — уклоняясь от его поцелуев, спрашивала Мария.

— Ох, и долго же об этом рассказывать! Седьмой год, как волк, рыщу я по всему татарскому краю. Казаки, которые с тобой в плен попали, сбежали из туретчины, а про тебя сказали, что ты, наверное, померла. Говорили, что сами видели, как ты себя порешила ножом. Сказали ещё, что тебя еле живую татарин увез. Я, конечно, не верил и искал тебя. И вот, в этом году один пленный татарин сказал, что слышал о русской бабе, которая уже седьмой год живет в каком-то ауле... Ох, Маша, долго рассказывать. — Андрей потянулся снова её обнять, но Мария отстранила его.

— Постой! Там у меня бельё осталось! — Мария вдруг помрачнела.

— Ты что же — не рада мне! Даже про нашего сына не спросишь! — От его радости не осталось и следа, и он обиженно тряхнул чубом.

— Как Вася-то? Жив-здоров? — спросила Мария, рассеянно оглядываясь по сторонам.

— Васька-то наш живой-невредимый, на руках моей матери растёт... — недовольно проговорил Андрей, но вопрос свой не пожелал оставить без ответа. — Так ты не рада мне?! — настойчиво повторил он.

— Рада, Андрей... Только... — она запнулась и, обхватив голову руками, оглянулась на берег, заросший тёрном и дерезой.

— Тогда бежим, куда погону не сладили! — резко проговорил Андрей и схватил за руку бывшую жену...

— Мариям! Мариям! Кайдасын? — донеслись обеспокоенные крики женщин.

— Меня ищут! — вскрикнув, Мария отдернула руку и вырвалась. Андрей тотчас схватил её за пояс и, потянув к себе, заглянул в глаза и процедил сквозь зубы:

— Так ты бежать хочешь?!

— Меня же ищут! — отводя глаза, Мария попробовала вырваться, но Андрей держал её цепко.

— Так ты к басурманам?! — гневно спросил Андрей, явно не ожидавший такого поворота.

— Мариям! — донеслись обеспокоенные крики.

— Меня ищут! Я там бельё оставила! — готовая крикнуть, но дав себе ещё минуту

на раздумье, Мария посмотрела в глаза Андрею и, встретив презрительный взгляд, резко проговорила:

— Дети у меня, Андрей, двое, совсем маленькие!

— Знаю! Уйдём — о твоих детях никто в станице не будет знать, у нас свой сын есть!..

— Андрей,пусти! — взмолилась Мария и попыталась вырваться.

— Ты так значит, стерва?! — взревел Андрей и силой поволок её к коню.

— Мариям, где ты?! — раздались совсем близко крики женщин.

— Я здесь! — крикнула по-ногайски Мария, но Андрей тут же зажал ей рот. Мария отчаянно сопротивлялась, но силы были неравны, и всё же Андрей не мог усмирить её. Ршив — пусть себе кричит! — он связал ей руки своим поясом.

— Отпусти, ради Бога, Андрей! У меня там детки совсем маленькие! — шептала обессиленная Мария.

— Татарчата, а не дети! Лезь на коня, говорю тебе!

— Нет! — Противилась из последних сил Мария, повиснув на руках бывшего мужа. Андрей, размахнувшись, ударил её кулаком в висок, и она тотчас обмякла, потеряла сознание. Конь качнулся под тяжестью двух седоков.

— Вон Мария! Разбойник крадет её! — послышался визгливый женский крик. Андрей дёрнул поводья, и конь понёс его вниз по берегу.

Женщины с криками о помощи бросились в аул. Хота, чинивший конскую сбрую во дворе, услышав крики женщин и даже не подозревая, что беда стряслась именно с его женой, повесил на бок саблю, вывел из загона неосёдланного коня, вскочил на него и поскакал на крики. Перепуганные женщины, вопя что было сил, упали перед ним на колени.

— Разбойник!.. Мария!.. — понял из разноголосия Хота. Кровь бросилась ему в голову.

— Где Мария?! — сверкая зубами, прохрипел он.

— Русский разбойник на коне украл, — проговорила соседская женщина, которая впопыхах потеряла платок и теперь стыдливо прикрывала рукой непокрытую голову.

— Куда он ускакал?

Женщины побежали рядом с конем Хоты, чтобы показать место, где все случилось.

— У него ружьё есть. Вся голова волосами заросшая, сам страшный, как зверь! — запричитала одна из молодых женщин, когда Хота, оглядев место, направил коня в сторону, куда, как им казалось, двинулся похититель.

Хота нещадно стегал коня, но иногда останавливался, чтобы убедиться, что не сбился с дороги, — по сломанным веткам, по примятой лошадиными копытами траве он определял путь Андрея.

Из аула прискакали ещё четверо джигитов. Они выслушали женщин. Двое двинулись следом за Хотой, а двое других решили выехать на дорогу и подойти к броду, к которому обязательно должен был выйти похититель, если только он — с противоположного берега.

Хота не сошел со следа и вскоре заметил вдали, на возвышающемся берегу, силуэт скакавшего всадника. Поразмыслив, он решил, что, если будет идти по следу через заросли, то навряд ли догонит его — тот успеет перебраться через брод. Зная, что всадник, выйдя из зарослей, поскачет к тропе, ведущей к броду, он решил обогнуть заросли и первым выйти на тропу...

Хота поджидал похитителя в лесу, на небольшой поляне, заросшей земляникой и разнотравьем. Солнце знойно сушило поляну. Хота, не слезая с коня, спрятался в тени низко опущенных ветвей карагача. Ярость и злоба душили его. Услышав тяжелый храп лошади и стоны женщины, он, не раздумывая, вырвал саблю из ножен. Когда всадник выехал из зарослей и поравнялся с ним, Хота, как Азраил, выставив вперед

саблю, пришпорил коня и остановил в двух шагах от объятого ужасом Андрея. Но растерянность Андрея длилась долю секунды. Опомнившись, он развернул своего коня и нагнулся за ружьём. Разъярённый Хотя, не давая тому достать из чехла ружьё, почти вплотную подступил к коню и стал кружиться вокруг похитителя. Андрей столкнулся с седла Марию. Женщина тяжело рухнула на землю и, издав пронзительный крик, подняла голову. Она слабо улыбнулась, узнав в своём заступнике Хоту.

Хотя успел заметить, что голова Марии стала белой, как снег. Андрей вытащил пашку из ножен и с криком кинулся на Хоту. Хотя, подставив саблю, отразил удар, и сам тотчас нанес страшный удар по лицу соперника.

— А-а-а! — завопил Андрей и, схватившись левой рукой за щеку, приник к холке коня.

Хотя подогнал к нему своего коня, чтобы нанести смертельный удар, и уже занёс было саблю...

— Не надо! — завопила Мария.

Рука Хоты дрогнула — он оглянулся на Марию и опустил саблю.

— Это мой русский муж...

Мария хотела что-то добавить, но в это мгновение Андрей, подняв окровавленную голову, нанес молниеносный удар. Шашка с хрустом вошла в тело Хоты.

— Мариям! — с негодованием прохрипел Хотя и, схватившись за окровавленный бок, медленно сполз с коня.

Испуганный серый мерин шарахнулся в сторону и поволок зацепившееся за стремя мертвое тело хозяина.

— Ирод! Погань нечистая! — выругался Андрей, вытирая с лица струившуюся кровь.

Мария, с трудом встав на ноги, обезумевшим взглядом глядела на серого мерина, волочившего своего хозяина.

Андрей слез с коня и, сев на траву, крикнул Марии:

— Перевяжи меня!

Мария даже не повернулась на его крик и продолжила смотреть на волочившееся по траве тело.

— Кто он? — спросил Андрей, уже угадав ответ.

— Он родной... — не договорила Мария и схватилась за голову.

— Понятно!.. Перевяжи меня! Сейчас поедем! Вот нам Бог и вторую лошадь послал! — облегченно рассмеялся Андрей.

— Куда поедем? — растерянно спросила Мария. — Нет! — заорала она. — У меня там дети! Как же они?! — Сощуриив глаза, она посмотрела на раненого Андрея. — Нет, не поеду я! Не поеду! — и, оглядываясь, падая и вновь вставая, бросилась бежать назад, к тропе.

Андрей ухмыльнулся и быстро вскочил на ноги. Вид его был страшен: кровь растекалась по лбу, по взлохмаченной бороде, потёками лилась по груди. Он с ненавистью поглядел на убегающую Марию и вытащил из косматого чехла ружьё.

— Нет уж, не дам я тебе бежать! Смерть христопродавцам! — процедил он сквозь зубы и, прицелившись, выстрелил.

Мария, пробежав несколько метров, остановилась и, вытянувшись на земле, расprostерла перед собой руки, будто старалась удержать что-то.

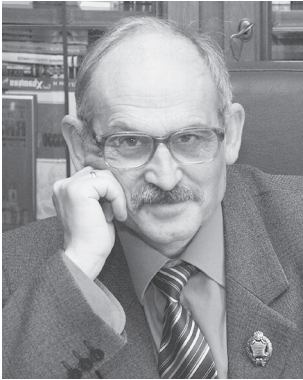
— Дети мои, простите! — прошептали её губы, и она ничком упала на землю.

Над лесом вспорхнули стаи птиц, галдя и щебеча на разные голоса, они закружили над поляной. Андрей, зарядив ружьё, засунул его в чехол, затем посмотрел в сторону бездыханного тела и, не удостоверившись в смерти Марии, тяжело взобрался на коня и дернул поводья. Тут же раздался ещё один выстрел и, вскинув руки, Андрей упал на землю.

Из лесу, со стороны, откуда появился Андрей со своей пленницей, выехали два всадника...

Поэзия... Поэзия... Поэзия..

Владимир Романенко
член Союза писателей России
республика Карачаево-Черкессия

Время новое — зреет...

На пороге века...

Что такое – Земля?
Наш ковчег?
Наш чертог?..
Мир основ, как и прежде,
Почти неизменных?
А быть может, Земля –
Перекресток дорог,
Тверди край
у бескрайнего
Моря Вселенной ...

Здесь любой континент –
Как десяток планет.
Здесь, и правда, порой
Начинает казаться,
Что на маленьком шарике
Тысячи лет
Вместе прожили
тысячи
цивилизаций.

Кто пришёл, кто исчез;
Кто был прав, кто неправ;
Кто победы познал,
Кто познал пораженья, –
Пролетала Земля
Через звёздный рукав
В галактическом вихре
Времён и забвений...

Но во все времена –
Из пещер, из квартир –
Появлялся на свет,
Как творенье пространства,

ЧЕЛОВЕК –
этот *самый*
непознанный мир,
Чтоб творить и чудить,
И с Планетой играть.

Он играет с нею,
Не чуя беды,
Как ещё неразумный
Несносный ребенок,
Оставляя
на память о детстве
следы –
То античные храмы,
То ракетные громы...
Как дитя, он играет
С руслами рек...
Как ребёнок, он лепит
Из глины плотины.
Как мальчишка, он ссорится
В общем дворе –
Получая навек
Синяки и седины.

Как ребёнок,
он хочет
Всё в мире узнать,
Даже если в познание
Шаги – всё страшнее...
И совсем забывает:
Земля – это мать,
Та, которую надо
любить и лелеять.
Ей, как истинной матери,
Нужно всегда
Чистоты и покоя –
как водится в доме,
И тогда она будет
Безмерно добра,
И тогда она всех
Приютит и накормит.

Завершается день.
Начинается век –
Продолжается вечность,
Планета стареет...

Он меняется всё же,
Дитя-человек, –
Хоть совсем понемногу.
но всё же
взрослеет.

Время юности
Где-то ещё впереди –
Время грёз и любви,
Время новое – зреет...
Он до этих эпох
доживёт,
долетит.
Дорастёт!
Обязательно.
... Если успеет.

Ковыль

Ковыль, ковыль... седины ковылей
Среди полей, среди полынной пыли –
Как будто табуны шальных коней
В степные травы гривы уронили...

Здесь бьются ветры из далёких стран,
Плечо в плечо под низким небом встретятся,
Волнуя степь, как в прошлом океан –
Неугомонный, первозданный Тетис...

Теперь здесь – твердь,
сияющий простор.
Парят орлы, куда-то мчат машины...
А Океан давно спустился с гор,
Как альпинист, уставший от вершины.

Парит земля. Сквозь зыбь воздушных струн
Столетия выплывают из тумана...

Здесь шли алан и половец, и гунн,
Катились лавой орды Тамерлана,
А их Владыка, словно въехав в Рай,
Сошёл, замороженный, с колесницы,
Сказал: «О, как прекрасен этот край!..» –
Но так и не сумел остановиться...

Теперь здесь – мы. У нас одна страна,
И, значит – то, что всем необходимо:

Единый хлеб,
История одна,
И Бог, един,
И Совесть, неделима.
И, неделимы, – свет и дождь, и пыль...
Теченье рек, соцветья иван-чая...

Мне у дороги клонится ковыль
И я ему поклоном отвечаю.

Ночные птицы

элегия

Ночные птицы
В лесной тиши свой покой хранят,
Витают в лёгких виденьях тепла и лета...
Ночные птицы встают за порогом дня,
как только день угасает
за кромкой света.
Когда же ночь
Распахнёт свой лиловый плащ,
Погасит в небе солнца багровый росчерк,
За дымкой тёмных окон – как будто плач –
Ночные птицы зовут друг друга
В недалней роще.
Их крики
Так тревожны и так слышны
Сквозь ропот, вздохи леса и свет заката...
Ночные птицы потом прилетают в сны,
Как души тех, кто навечно
Ушёл когда-то.

А ночь шуршит
Граммфоном среди двора...
Играет ветром... прячет, путает мысли...
И возникают старые номера
В истёртой книжке
С уже пожелтевших листьев –
И я в смятенье
Хватаюсь за телефон...
Я просыпаюсь, ещё не включая света,
Но дальний голос, как будто понизив тон,
Мне тихо шепчет: «Ждите...
Ждите ответа...»

Баллада о пирожках

Как просто делать пирожки –
И ты, наверно, сможешь тоже!
На молоке разводишь дрожжи –
Добавив соли и муки,
Немного сахара, яйцо,
Хотя б одно, а лучше пару...
И эту добрую опару
Ты оставляешь на часок.
Когда опара забродит,
В кадушке не оставив места,
Ты замеси погуще тесто,
И пусть оно в тепле стоит
И дышит. Ровно и неслышно.
Пока не станет мягким, пышным,
И ароматным. И – пока
Не подойдёт до ободка.

Разделай тесто на куски
И, раскатав их понемножку,
Клади на них изюм, картошку,
Грибы, капусту, рис, морошку –
Всё, что по вкусу и с руки.
Начинку надо завернуть
И, залепив края с запасом,
Поджарить пирожки на масле –
На чистом, не каком-нибудь...

Рецепт неточен? – Не беда.
Рецептов много, каждый – в силе.
И всё ж... мы кое-что забыли,
И это «что» – не ерунда.
Из старой книги я прочту
Один секрет, одну подсказку:
*«Живое тесто любит ласку,
И рук тепло, и доброту.
Во всё добавь чуть-чуть любви,
Чуть-чуть старанья и терпенья,
И руки принесут твои
не блюдо – чудо сотворенья!»*
Как эта истина стара,
Она всегда для всех открыта...

Готово? – Всё?..
Тогда – пора!
Съедим!
До крошки!
С аппетитом!

Владимир Беляев

член Союза российских писателей
г. Туапсе Краснодарского края

Диагностика

рассказ

На первом этаже нашего дома живет доктор. С женой и детьми, как положено. Заведующий инфекционным отделением. Говорят, хороший доктор. Слава Богу, не проверял, но охотно верю.

У доктора есть пунктик: он любит красить. По выходным он берет краску и кисточки и принимается красить. Балкончик, рамы окон, решетки на окнах, свою стенку внутри подъезда. В квартире он тоже, наверное, красит, но мы, любознательные, этого наблюдать не можем.

А иногда идешь и видишь, как он вынес во двор какие-нибудь полочки-дощечки, расстелил газету и опять-таки красит. Видимо, все самое главное перекрасил и принался за мелочевку.

Лично я тут ничего ужасного не усматриваю. У меня у самого похожий пунктик есть. Я без стирки жить не могу. Мне каждый день необходимо что-нибудь простирнуть. Носок какой-нибудь, футболку или просто тряпочку. Нервы успокаивает. Иначе я ночью не усну. У меня даже правило такое: больше двух вещей за раз не стирать, чтобы не оказалось так, что хочется постирать, а нечего. И я постоянно забываюсь и это правило нарушаю. Такая страстишка глупая. То ли от мелочности души, то ли от тоски по вселенской гармонии.

А доктор красит. И я его понимаю. А то, что свежей краской в подъезде постоянно пахнет, даже хорошо. Приятные воспоминания навеивает. Первое сентября, первый поцелуй и всякое такое. Запах обновления.

Я все время забываю, как у доктора имя-отчество. Очень русское сочетание, распространенное. И фамилию забываю, как-то на «ко». Про себя называю его доктор Краскин.

Краскин невысокого роста, без живота. Усы лохматые, черные, кончиками вниз. Одевается просто. Не скажешь, что он заводчанин. Слесарь. Или крановщик. Если в театре таким врача изобразить, режиссера на смех подымут.

А дело было летом. Лето жаркое. Юг все-таки, море. Народ в одних плавках бегают, чуть ли не на работу. Доктор Краскин перекрасил у себя все, что положено, и пошел в магазин за едой. А я тоже пошел.

Сейчас в этом здании универсам, а тогда был обычный магазин, где торговали по старинке, через прилавок. Мы с Краскиным стоим в очереди. Очередь человек пять. Продавщица — армянка лет пятидесяти, крашенная в блондинку.

Говорят, исконные армяне и есть блондины. Возможно. Но это армянка точно крашенная. Недавно еще она была брюнеткой. А сейчас, видимо, решила вернуться к истокам и покрасилась.

Блондинка видит Краскина и говорит ему с особой любезностью: «Здрате, доктор!» Она всех в нашем районе знает, — давно тут работает. А перед Краскиным еще три человека. И пока она их отпускает, все поглядывает на Краскина. И если не учитывать того, что он врач, а она армянка, можно подумать, что он ей нравится как мужчина.

Армяне, как известно, народ юркий. В том смысле, что бессребреничество не

самая главная их национальная черта. Я как-то ехал в поезде с душевным армянским дедушкой, и он мне всю дорогу рассказывал про армян.

— Нас, армян, часто сравнивают с евреями. И действительно, много общего. Но евреи похитрее нас будут. Любого мы перехитрим, а еврея — вряд ли. А в чем между нами разница? Есть три принципиальных отличия. Вот я тебе их скажу. Первое отличие — это то, что еврей ни за что не будет заниматься физической работой. А мы, дураки, занимаемся. Я, например, всю жизнь огородник и свиновод у себя под Адлером. Ты видел евреев-свиноводов? Или каменщиков? То-то же! Второе отличие. И армяне, и евреи всегда поддерживают своих родственников. Какие бы эти родственники ни были. У русских не так. А у армян и евреев так. Но мы, дураки, помогаем деньгами, а евреи — нет. Недавно я дал племяннику денег на бизнес, а он их пропил-прогулял. Я говорю, где деньги? Нету, говорит, дядя Вагаршак. Убирайся, говорю, дурак, чтоб я тебя больше не видел. Старый я дурак. Он-то дурак и пьянчуга, это и так всем понятно было. А еще и меня дураком сделал. Мне родственники все говорят: Вагаршак, зачем ты этому дураку денег дал, ты же не дурак? А не дай я этому дураку денег, что бы они сказали? Они бы сказали: Вагаршак зазнался, думает, он один умный, а все дураки. А будь я евреем, я бы его с нужными людьми познакомил, похлопотал, то-се, в дело пристроил, совет дал. Спокойно, нормально. Все что хочешь, только не деньги. Деньги — нет, ни в коем случае. И наконец третье, самое главное отличие. Мы, дураки, в отличие от евреев... Вот расскажу тебе историю лучше... Приехали ко мне мои друзья-евреи из Ленинграда. А у нас с ними дела. Недавно было...

Но тут пришли дедушкины родственники из другого купе и увели его обедать. И я до сих пор не знаю, в чем же самое главное отличие армян от евреев.

Я отвлекся. Подходит очередь Краскина, и он просит того-сего-третьего, два десятка яиц и четыре пломбира со смородиной. Блондинка живенько так все ставит на прилавок, но когда начинает перекладывать яйца в кулек, образуется продолжительная словесная пауза, и она ее использует в личных армянских целях. Ей нужна бесплатная медицинская консультация. Я так сразу и понял.

— Доктор, — говорит она, — а вот скажите, у нас ребеночек потеет. С чего бы это?

А доктор Краскин занят тем, что готовит деньги к оплате. Он не хочет задерживать очередь и заранее готовит деньги, прикинув приблизительно сумму. Он подымает глаза на продавщицу.

— Ребеночек? Потеет? А сколько ребеночку?

— Четыре года, — отвечает продавщица.

— Четыре года, — повторяет Краскин и задумывается.

Задумывается он не так, как положено в театре задумываться врачам. В театре, если врач задумывается, он или протирает бархаткой пенсне, или насвистывает, или чешет затылок, что-то в таком ключе. Но Краскин — доктор обычный, не театральный. У него нет ни пенсне, ни затылка. Краскин просто замирает. Лицо его приобретает выражение растерянности и непонимания. Именно такое выражение, когда человек думает, а не показывает зрителям, что он думает. И вся очередь замирает и ждет, что скажет специалист, потому что у всех дети, и их здоровье никому не безразлично. И блондинка-продавщица перестает складывать яйца в кулек и ждет ответа.

Наконец Краскин выходит из ступора.

— Жарко, — говорит он. — Вот ребеночек и потеет. Это нормально.

— Спасибо, доктор, — говорит продавщица.

И вся очередь расслабляется. Продавщица завязывает узелок на кулке с яйцами и идет к холодильнику за мороженым.

— Доктор, — вдруг говорит она, — но ведь он не просто потеет. Он потеет, а потом начинает пить. Он очень много пьет. Компот, пепси... Потеет и пьет. А потом носится как угорелый. Это не вредно? Пятьдесят шесть семьдесят с вас. Осторожно, яйца снизу поддерживайте. К кому нам лучше обратиться?

Краскин опять задумывается. И очередь снова в напряжении.

— Четыре года, говорите?

— Четыре года и полтора месяца.

— А, ну, все ясно. Все просто. Жарко. Он пьет. А потом бегаёт по жаре и потеет. Это нормально.

— Спасибо, доктор, — говорит продавщица.

И все мы в очереди облегченно вздыхаем. Потому что жизнь — череда неприятностей, и когда их хотя бы на одну меньше, уже слава Богу.

— Холодного, из холодильника, не давайте, — добавляет доктор, толкая массивную входную дверь на пружине.

Краска на двери местами облуплена.

Доктор растворяется в свистопляске июльских протуберанцев.

Куда же нам плыть?

рассказ

Поэт изнывал от творческого бесплодия. Всё в его жизни складывалось до омерзения благополучно — семья, дом, работа, — а муза, как известно, бежит от филистёрского счастья. Музе нужны страдания.

«Хоть бы зуб заболел, что ли», — думал поэт. Вместо того чтобы честно признать себе в том, что он больше не поэт, поэт придумывал себе всякие теории, согласно которым он всё-таки поэт, а не пишется ему, потому что... потому что... Долго, в общем, объяснять.

«А вот сейчас на спор с самим с собой напишу стишок, — решил поэт. — Ткну пальцем вслепую в любой текст и зарифмую».

На столе у поэта лежал глянцево-русско-американский журнал, со страниц которого веяло лёгким душком «общечеловеческих ценностей».

«Добрые самаритяне! Восемнадцатое сентября выдалось на редкость погожим. В небольшой роще на Коломенской набережной вдоль Москвы-реки 86-летняя Зоя Александровна прогуливалась в коляске двухмесячную Дашу...»

Далее в статье рассказывалось, как Даша по бабушкиному недосмотру упала в реку, а два школьника отважно спасли ребёнка. Раньше подобные заметки озаглавливались «Так поступают советские люди».

— Да уж, — сказал сам себе поэт, — досталось же, наверное, потом бабусе на орехи. А «самаритяне» небось школу прогуливали. Но неважно. Будем рифмовать.

В комнате раздался скрип мозгов. Через полчаса четверостишие было готово:

*Рассказ мой полон драматизма.
Сентябрьским распогожим днём
Старушка, жертва ревматизма,
Пошла гулять с грудным дитём.*

«Дальше рифмовать не имеет смысла, — решил поэт. — Тенденция ясна. Берём следующий пример».

Из окна вертолётного зоолога Энди Дероше видит следы. Даже со стометровой высоты этот канадский учёный из Норвежского полярного института в Тромсе определяет, что следы оставила медведица с двумя медвежатами.

— Ага, ага, — сказал поэт, — попробуем.

*Над Арктикой обречённой
Летит в вертолёте учёный
И на высоте в сто два метра
Трепещет от хлада и ветра.*

*Зовут его Энди Дероше.
Он видит следы на пороше
И трёт изумлённые вежды:
Следы, безусловно, медвежьи.*

Непонятно было, отчего Арктика — «обречённая», но в целом вышло неплохо. Из любопытства поэт дочитал статью до конца и убедился, что Арктика и в самом деле обречена: нарушенный озоновый слой, загрязнение нефтью, браконьеры.

— Ну что, Бог Троицу любит, — сказал повеселевший поэт и снова открыл случайную страницу.

«Юмор наших читателей.

Ворвавшись в полицейский участок поздней ночью, мужчина требует встречи с грабителем, который влез в его дом.

— Извините, но это против правил, — говорит дежурный.

— Да вы поймите, — уговаривает его мужчина, — мне обязательно надо поговорить с ним и узнать, как он вошёл, не разбудив мою жену.

Китти Уолш, Великобритания».

На этот раз дело двигалось туго. Тонкий великобританский юмор плагиаторши Китти Уолш никак не хотел уместиться в рамки русского стиха. Прошло четыре часа. Поэт выкурил пятнадцать сигарет, съел две тарелки борща со сметаной, три раза сходил в туалет, из них два раза — ненадолго и наконец вымучил аляповатый опус:

*Какой-то фраер в состоянии опьянения
Заходит ночью в ментовское отделение
С таким базаром: «Ваша славная контора,
Она не спит, она вчера поймала вора.
И у меня с ним есть предмет для разговора».*

*А старшина с такого текста весь аж красный:
«Ступайте прочь прописки паспортной согласно!
У вас, товарищ, переклинило рассудок,
Но вы избавьте МВД от ваших шуток!
Сейчас составлю протокол на десять суток».*

*А фраерок ему в ответ: «Спокойно, дядя!
Я чту закон, а ваш домушник, хоть и дятел,
Но в ночь, когда он пер комок с моей квартирки,
Моя Маруся дрыхла в обе носопырки.
А я так пьян, чтоб слушать ейные придирки».*

«Отдельные находки налицо, но концовка смазана, и в результате целостности у произведения нет, — подумал поэт. — Однако, если вдуматься, это не моя вина. В анекдоте есть нестыковки, снижающие и без того еле ощутимый комический эффект: если он такой бесшумный, наш вор, как же он попался? То ли на выходе из дому, то ли на сбыте краденого. И был ли дома сам хозяин в момент кражи? Тут требуется отдельное разъяснение. Второе: у вдумчивого человека сразу возникает подозрение, что вор был в преступном сговоре с хозяйкой квартиры, а может быть, даже ее любовником. И тогда непонятно, над чем смеяться: над нестандартным мышлением подвыпившего гражданина или над фактом супружеской измены».

Настроение испортилось. «Нечего списывать свою неудачу на чужую тупость, бездарь ты и есть бездарь», — обругал себя поэт и лег на кровать. Мышцы ныли, как от тяжелой физической работы, в затылке что-то булькало, а горло першило из-за выкуренных сигарет. Необходимо было срочно отвлечься от сочинительства. Рука сама собой потянулась к журналу.

«В этом месяце А.Н. Яковлеву, одному из главных идеологов перестройки, исполняется 80 лет. Но он и сегодня продолжает работать, чтоб ошибки и преступления прошлой эпохи не повторились никогда».

— О Боже! — прошептал поэт. — Перестройка-землеройка, — и, швырнув журнал в стену, закрыл глаза.

А в голове помимо воли автора одна за другой складывались строки:

*Испечем пирог из глины,
Грянем дружное ура!
Отмечает именины
Бывший член Политбюра.
Я, ребята, буду краток:
Идеолог перемен
Отмахал восьмой десяток,
Славься, Яковлев А.Н.!*

...Поэт уснул. Сон был тяжел. Грязные старушки-карлицы хватали его за одежду и кричали: «И про меня стишок напиши, и про меня!» — «Пустите!» — требовал поэт и пытался прорвать старушечье окружение. «А у нас и рифмы свои с собой есть! — вопили пенсионерки и разворачивали носовые платки, из которых на землю валились какие-то заплесневелые обжевки. — Напиши, чего тебе стоит! Мы тоже своих внучат в реку побросаем!» Одна из старушек изловчилась и, подпрыгнув, влепила поэту своим сухоньким кулачком в челюсть. Челюсть свело от боли. Поэт проснулся. Боль не проходила. Это ныл дырявый зуб.

— Ну, вот и муза пожаловала, — констатировал поэт удовлетворенно, поднялся с кровати и пошел искать в аптечке обезболивающее.

Впереди у него была долгая жизнь, безболезненная смерть и сомнительной художественной ценности памятник работы модного монументалиста.

Литейка

рассказ

Мне было двадцать два года. Четвертая моя попытка получить высшее техническое образование, как и три предыдущие, закончилась отчислением с первого курса за неуспеваемость. Я с позором вернулся в родной город. Родители не придушили меня только потому, что обессилели от нервотрепки.

— Надо же таким дураком быть! — удивлялся отец. — Даже в армию не берут...

Я был жалкое существо. Сгорбившись, слонялся по городу, делая вид, что не замечаю знакомых, чтобы не отвечать на вопрос «Ну и как?» А сам представлял, что когда-нибудь разбогатею и прославлюсь, и тогда все они скажут: «Ни фиги себе!»

Еще я сочинял песни, непонятные и жуткие, по несколько штук в неделю, и пел их сам себе в своей комнате, вполголоса, чтобы домочадцы не слышали.

Как-то отец пришел домой и поставил всех перед фактом:

— Я договорился. Пойдешь в литейный цех. Сказка, а не работа.

На следующее утро мы отправились на судоремонтный завод представлять меня литейному начальству.

— Вот, — бодрым голосом произнес отец, вводя меня в кабинет начальника цеха, — принимайте гвардейца! Не пьет, не курит.

— Значит, сушильщиком? — не столько спросил, сколько уточнил начальник.

— Да, сушильщиком. Или мастером, — ответил отец.

Они посмеялись шутке, и мы вдвоем проследовали к моему будущему рабочему месту. В цехе мне сразу стало дурно. Сердце защемило от тоски. Грохотали трамбо-

вочные аппараты, лязгали мостовые краны. Пылища — просто жуть. В этой пылище, матюкаясь, копошились человечки. Скоро я стану одним из них. Какой кошмар! Нет, сочинителю гениальных песен здесь не место.

Посреди цеха стоял тощий длинный дед и ел булочку.

— Здорово, Кирпич! — сквозь рев индустрии прокричал начальник. — Вот тебе ученик! Звать Володей! А это, Володя, твой наставник Евгений Ильич! Ему б цены не было, если бы не пил!

Тут грохот внезапно смолк.

— Если бы да кабы, то во рту росли грибы, — флегматично отозвался наставник Евгений Ильич, он же дедушка Кирпич. Как я узнал впоследствии, раньше он был печником.

— Честное слово! — продолжал орать начальник. — Если бы ты не пил, я б тебе медаль дал! Вот такую! Размером с крышку канализационного люка!

— Сам ее носи, — поморщившись, ответил наставник и внезапно оживился:

— А что, Володя, каску тебе выдали?

— Выдадим, — ответил за меня начальник, — все выдадим: каску, спецовку, талоны на молоко.

— И ботинки, — вставил отец.

— И ботинки, — подтвердил начальник.

— Это правильно, — согласился Евгений Ильич. — Без каски, Володя, работать нельзя. Без каски херня одна, а не работа.

Сам он был в синем берете с пипкой на макушке.

— Ну, вот и добро, вот и познакомились, — подытожил начальник. — Выйдешь, Володя, с понедельника. Это у нас будет... второе число это у нас будет. Система здесь такая: неделю работаешь в первую смену, неделю — во вторую, неделю — в третью, а потом опять в первую. Иди оформляйся, проходи медосмотр. Второго числа — в семь сорок пять вот на этом пятачке тебя радостно встретит Евгений Ильич и введет в курс дела. Ясно?

— Мне не ясно, — буркнул Кирпич. — Второго числа я в третью смену.

— Как так? — удивился начальник.

— А вот так! Посчитай сам.

Начальник с Кирпичом стали на пальцах разбирать трудовой график.

— Верно! — наконец убедился начальник. — Ты — в третью. А кто же тогда в первую смену идет?

— Юра Немец пойдет.

— Тьфу ты! — расстроился начальник. — Придется Немца ему в наставники. Лишнюю неделю тянуть нельзя... Только не знаю, как же они с Немцем-то?

— С Немцем трудновато придется, — согласился отец.

— А кому не трудновато?! — рассердился вдруг дед Кирпич. — Тоже мне нашли проблему! Тут науки всей на две минуты! За неделю любой осел освоится, хоть с немцем, хоть с негром.

— Думаешь?

— Я пьющий человек. За меня партия думает.

На дворе стоял 92-й год. Партию недавно разогнали.

Понятно, что у начальника цеха кроме возни с каким-то учеником были заботы поважнее, поэтому аргументы Евгения Ильича он принял почти без колебаний:

— Сработаются! Если захотят.

— Куда они денутся! — подтвердил отец. У него тоже были свои дела.

На этом порешили и разошлись.

Интрига заключалась в том, что Юра по прозвищу Немец был глухонемой, а это для наставника молодежи в некотором роде минус. Он недавно начал растить бороду, а в остальном внешне ничем не выделялся из трудовой массы: невысокий, коренастый, под пятьдесят. Мы сразу друг другу не понравились. Видимо, он боялся,

что начальство решило меня взять, а его турнуть. А мне он не понравился, потому что я ему не понравился.

Работа сушильщика такая: надо слепленную из земли форму поставить в печь и следить за температурой. Поскольку такой работы выходит всего ничего, то на сушильщика сваливают всякую мелочевку: просеивание отработанной земли на конвейере, вынос мусора и т. п.

Зарабатывали сушильщики поменьше других в цехе, но все равно прилично. С ценами и зарплатами тогда была сушая свистопляска. Инфляция. Получка в кошелек не помещалась. Один телеюморист придумал такую шутку. Очередь в кассу. Кассирша говорит: готовьте мелочь. Очередь спрашивает: мелочь — это как? Кассирша отвечает: мелочь — это сто, пятьдесят и двадцать пять рублей. Смеялись шутке недолго: обесценились сторублевки — обесценилась шутка.

Короче говоря, зарплата у меня была большая и на ощупь, и в смысле сходить чего-нибудь купить. Но зачем человеку зарплата, если жизнь его одна мерзость и каторга?

В первый день мы с Немцем спалили в печке длинную такую, здоровую хреновину. Как ей название, я не узнал, могу только руками показать. Смена заканчивалась в пять, а Юра Немец стал в полчетвертого собираться восвояси. Он подозвал меня, потыкал пальцем в термометр, помычал, а я на всякий случай кивнул в ответ. Я выкурил у печки сигаретку и тоже пошел мыться-переодеваться. В душе мы, голые, снова встретились. Юра, увидев меня, замахал руками, тоненьким голосом закричал: «Ай-ай-ай!», ринулся в раздевалку и стал натягивать спецовку на мокрое тело.

Оказалось, что, когда он тыкал пальцем в градусник, он велел мне эту хреновину самому довести до ума, так как у него были срочные дела вне производства. В наше отсутствие хреновина пережарилась и испортилась. Пришел мастер Олег и стал вставлять Немцу фитиля. Немец отчаянно жестикулировал, показывая то на термометр, то на меня. Я уже было обрадовался, что меня выгонят, но мастер надежды мои похоронил:

— Он ученик, он ни за что не отвечает.

Немца штрафанули, и он возненавидел меня окончательно. Всю неделю я ходил за ним как хвост, при этом не соображая, что и для чего делаю. По всему, Юра считал самым целесообразным не раскрывать мне секреты мастерства, а просто использовать на подхвате. Иногда подходил мастер Олег и что-нибудь разъяснял, но его разъяснений не хватало. Я чувствовал себя тупицей из тупиц и с ужасом ждал следующего понедельника, когда мне придется трудиться самостоятельно.

Надо сказать, Немец был не совсем немым. Изредка он что-то говорил тем особым тягучим голосом, каким говорят люди, лишенные слуха с рождения или раннего детства, но в основном прибегал к мычанию и жестам. Когда же говорили другие, он глядел на губы, но понимал, как мне показалось, не всегда.

Отдельно статьей в перечне моих нравственных страданий стояла работа с мостовыми кранами. Краны нужны сушильщику для того, чтобы погрузить формы на тележку, загоняемую по рельсам в печь. Понятно, что не только сушильщики пользовались кранами. Иногда между работягами случались споры, кому кран нужнее. Меня никто всерьез не воспринимал. В отсутствие Немца я мог по полчаса безрезультатно стоять, задрав голову, и махать лапкой крановщице: дескать, вот сюда, пожалуйста, опустите крючок. Когда она меня наконец замечала, возникал какой-нибудь дядя хренов и забирал кран себе. На смену этому дяде появлялся новый дядя, а затем третий, а я все ждал и ждал. Потом с прогулки по заводу возвращался Немец, злился, что порученная мне погрузка-разгрузка не выполнена, и начинал ай-ай-айкать на всех подряд, пока ему не дадут попользоваться краном.

Время в цеху тянулось медленно-премедленно, а по другую сторону заводского забора пролетало — не успеешь сказать «черничный пирог».

В литейке работало несколько ребят моего возраста. Они совсем не тяготились

своей пролетарской участью. В перекуре собьются в кучку и с хохотом обсуждают, кто чего пил и с кем спал. Меня они, как и другие работяги, игнорировали. Я смотрел на них и думал: «Лучше уж мне родиться таким же. Загнусь, как Кюхельбекер в Сибири».

В конце недели — а к этому времени я даже с домашними стал говорить руками — к нам с Немцем на перекур подошел мастер Олег.

— Ну что, как работается?

— Восхитительно, — ответил я.

Немец устало махнул рукой: сойдет.

— Ладите?

— Угу, — ответил я.

Немец опять махнул рукой: дескать, а что нам ещё остается.

Тогда Олег задал мне персональный вопрос:

— Всему он тебя научил?

Немец насторожился. Он понял, что разговор про него, и жадно уставился мне в рот. Что мне говорить? Скажу, что ни шиша он меня не учит, — Немец оскорбится, скажу, что научил всему — переведут из учеников в третий разряд и поставят одного в смену, а я дуб дубом. И я решил говорить, что ничему он меня не научил, но говорить позаковыристей, чтоб Немец не понял: он же не очень хорошо по губам читает.

— Ну, как вам сказать, — начал я нарочито без интонаций и мимики. — Многое мне необходимо постичь, хотя кое-что уже постигнуто. Процесс приобретения рабочего навыка, мягко говоря, тормозится ввиду наличия приставленного ко мне... м-м-м... бессловесного педагога. Хотелось бы попрактиковаться еще и еще, но по возможности с тем, с которым не возникнет информационного барьера.

Я оглянулся на Немца. Мой метод сработал. Он ничего не разобрал. На лице «бессловесного педагога» было выражение растерянности. Как будто он шел в баню попариться, а там концерт скрипичной музыки.

От радости мщения в груди приятно забулькало. Интеллект — великая сила! Слово — наш разящий меч! Но тут я перевел взгляд на мастера Олега. На его лице было такое же выражение растерянности. Увы, он тоже ничего не понял...

В учениках я валандался месяц вместо недели. Как началось наперекосяк, так и продолжилось. За это время была загублена в печи еще одна продолговатая хреновина, а другая сорвалась с крана и разбилась о пол, потому что я ее не по науке застропил. Виновных (Кирпича и еще одного, Зиновьева) оштрафовали.

Наконец я получил третий разряд и, проклиная тяжелую промышленность, вышел не работу самостоятельно. Я ничего не знал и не умел. Через полчаса после начала смены рукоятью мусорного контейнера мне перебило большой палец левой руки. Узнав о ЧП, начальник примчался в цех, отвел меня в раздевалку, помог переодеться и повез на самосвале в клинику.

Разговор в кабине самосвала был такой:

— Больно?.. Нет?.. Молодец! Ты давай так, значит. Утром встал. А у тебя ремонт. Стал прибывать полочку для книг. Книжки читаешь?.. Молодец. Шарахнул по пальцу молотком, а палец возьми да сломайся. И ты решил не ходить на завод, а зайти на прием к доктору. Травма твоя производственная. Травматизм нам не нужен. Ясно?

Я был в шоковом состоянии и слабо соображал. Боли не чувствовалось. Хотелось хихикать.

— Ясно, — отвечал я.

— Побюллетенишь месяцок, подлечишься... Мы тебе подкинем, чтоб компенсировать, сам знаешь... Так ты понял? От тебя требуется...

Смысл слов начальника медленно, но доходил до меня: травма, больничный, премия за то, что скрою производственную травму... А самое главное, что больше на работу не надо!

В моей душе распускались маргаритки и музицировали нескромно одетые барышни. Свобода!

За три дня до окончания больничного я заскочил на завод и написал заявление об увольнении.

Письмо к другу

рассказ

Мой милый Августин! Знаю, почта работает из рук вон плохо, но важен сам процесс письма: мне не хватает общения с тобой. За десять лет, которые мы не виделись, я написал тебе столько писем, что их черновики составляют теперь большую часть моих скудных пожитков.

Чем я занимаюсь? Да ничем. Так, убиваю время. Время такая штука, его можно или красть, или убивать, копить впрок не получается — это я испытал на собственной шкуре, как никто другой. Все мы тут приговорены к убийству времени. Жертва сама вкладывает своему палачу в руки кнут и ложится на пыточный стол со словами: «Убивай меня. Убивай, но знай: как только казнь закончится, я сотру тебя в порошок, а поэтому экономь силы, растягивай пытку, смакуй удовольствие — ничего другого тебе не остается».

И вот, я, один из приговоренных к убийству времени, сижу в продавленном кресле со сломанным подлокотником, в просторных цветастых трусах, как у волка из «Ну, погоди!», пишу тебе письмо и одним глазом смотрю телевизор, где наш новый (пятый за этот год) премьер-министр пытается увязать падежи в предложении, которое зачем-то рискнул сказать без бумажки. Я автоматически исправляю его корявые фразы, но не вникаю в них, мне больше интересны глаза премьера — грустные, как у Соломона в Библии для малышей, и то ли мне чудится, то ли на самом деле за окном играет шарманка:

*Ах, мой милый Августин,
Все пройдет, все.*

Итак, мой милый Августин, прошло десять лет с тех пор, как предложенный мной метод получения философского камня мною же был признан антинаучным, и я, с позором изгнанный из Академии, перебрался в эту Богом забытую дыру, где жизнь бьет ключом, так как ей ничего другого не остается: мужчины пристраивают к гаражам сауны, к саунам — голубятни, к голубятням — ветряки; женщины направляют энергию ветряков в нужное русло, рожая детей; дети вертятся под ногами у отцов, придумывающих, что бы еще к чему пристроить; старики собираются по два – по три и парят кости в саунах, обсуждая последние новости зубного протезирования, доставленные голубиной почтой, — все чинно и благородно.

Я сразу же смекнул, что не впишусь в это коловращение, снял брюки, развалился в кресле со сломанным подлокотником и уставился в телевизор. Не умереть с голоду мне помогли частные уроки, на которых я объяснял юным оболтусам свойства физического маятника на примере ботинка, подвешенного за шнурок к люстре, и заставлял их пялиться в микроскоп на распятого булавками скарабея. Научные журналы, приходившие какое-то время из столицы, пылились, неразрезанные, под кроватью. Денег на лабораторию взять было неоткуда, а значит, сиди и не злобствуй. Чтоб как-то бороться с хандрой, я стал пописывать стишки. Помнишь, Августин, как мы с тобой наперегонки строчили опусы заданного объема на заданную тему и проспоривший бежал за вином? В девяти случаях из десяти бегал ты, мой дорогой Августин. Стихи — штука успокаивающая, а спокойствие — самый лучший из наркотиков, который мне довелось попробовать.

Тогда я еще не научился пускать время вспять, но побочные эффекты этого открытия были уже налицо: мою обитель стали посещать духи великих поэтов прошлого. Они беспардонно слонялись по квартире, заглядывали в кастрюли, воровали шарико-

вые ручки с письменного стола и, перелистывая современные издания своих сочинений, сетовали на скверный шрифт и бестолковость составителей. Один из классиков растолкал меня среди ночи и, ласково глядя в мои очумелые глаза, произнес: «Милый мой, да как же вы не понимаете, что все это — чушь собачья? Рифмоплету тягаться со временем — все равно, что зяблику обкакать Эверест». — «Значит, — спросил я, — все эти намеки, все эти туманные фразы, все эти... всё это — блеф?» Поэт задумчиво высморкался в кружевной платочек: «Ну, блеф не блеф, но некоторым удается». — «Удается что?» — «Обкакать Эверест. Но к поэзии это имеет косвенное отношение. У вас же есть телефон? Надо сделать пару звонков».

Узнав, что телефон в прихожей, он удалился, шаркая моими тапочками. Больше я его не видел.

Килограммы исписанной стихами бумаги отправились под кровать, к научным журналам. Короткий разговор с почившим сочинителем, еще при жизни уличенным в небольшом «ку-ку», а по уходе в мир иной (кстати, по собственному почину) уж точно растерявшим всякое чувство реальности, поставил точку в моем двухлетнем сочинительстве. Признаться честно, не в Поэте дело. Эпизод с ночным гостем стал последним звеном в длинной и запутанной, как китайская лапша, цепи силлогизмов, приведшей меня к заключению о наивности желания достичь первыми попавшимися подручными средствами цели, достижение которой не терпит кустарщины. Да, Августин, я еще бредил философским камнем, а для его поиска поэзия малопригодна, тут нужна лаборатория.

Следующие два года прошли пестро и неприкаянно: я работал в одной конторе. Когда контора развалилась, стал торговать водосточными трубами, торговал весьма успешно, разорился на самую малость; пытался издать свои стихи, не из творческих амбиций, а скорее, из привычки доводить до конца начатое; потом просто ничего не делал: слонялся по улицам, сидел в забегаловках, ходил по знакомым и наконец вернулся к частным урокам и продавленному креслу со сломанным подлокотником напротив черно-белого телевизора. Лень и скука овладели мной, первое мешало избавиться от второго, второе усиливало первое.

Однажды среди ночи я проснулся и подумал: «Смерть. Никто не вечен. Вот он я, вот она моя глупая возня, вот она моя смерть, и...» Затылок пронзило стальной иглой. В холодном поту я вскочил с постели, побежал на кухню, выпил там стакан воды, выкурил две сигареты и, немного успокоившись, вернулся в постель и уснул. Спал я недолго. В затылок опять стали всовывать иголку.

«...», — сказал я и больше уже не спал. Ни в эту ночь, ни в последующие.

Любой дурак тебе скажет, Августин, что мысли о смерти — штука противная: явятся как снег на голову и давай мурьжить; тут главное потерпеть, сами пройдут, я и стал терпеть, но они не проходили, лютовали все сильнее. Днем я торчал в четырех стенах или слонялся по городу с опухшими от бессонницы веками, а ночью ложился в постель и начинал считать иголки у себя в затылке. Очень скоро их количество возросло с двух-трех за ночь до десяти, потом до пятидесяти (курить между ними я уже не успевал), а затем их стало так много, что они почти слились в одну непрерывную непрекращающуюся боль, сродни зубной. От нечего делать я стал классифицировать уколы по силе, глубине, эмоциональной окраске и так далее. Раз уж пошла такая петрушка, думал я, надо выжать из нее максимум полезного. Я стал записывать свои наблюдения, это как-то отвлекало. Постепенно боль стихла, точнее, вошла в привычку, я обнаружил цикличность в последовательности приступов, научился их прогнозировать, а самое главное — корректировать. Еще полгода ушло на то, чтоб в совершенстве овладеть искусством манипулировать своим страхом смерти. К этому времени уколы иголочек превратились в приятное пощипывание в затылке. Я бы мог и от него полностью избавиться, но это было бы все равно, что для биолога поставить капкан на любимую лабораторную крысу, напичканную гормонами и фистулами. Я всего лишь расчистил от иголок шесть часов в сутки — с одиннадцати вечера до пяти утра, для сна, остальное время в голове колотила морзянка.

Все иголки разбивались на две основные группы (не считая подгрупп, их было гораздо больше), условно обозначаемые 1 и 0, а заданный цикл припадков периодически повторялся, что давало мне возможность запоминать объемную информацию и производить в голове сложные расчеты. Объект исследования и все лабораторное оборудование теперь помещались у меня в черепной коробке. Такой самодостаточностью обладали разве что математики-фундаменталисты периода зарождения устного счета до ста. Я снова вернулся к стихосложению, но уже не пытался бодаться с вечностью, так просто стряпал наспех незатейливый стишок про какую-нибудь «вновь-кровь-любовь», чтоб тут же забавы ради набрать в двоичном коде своих иголочек.

Чрезмерное курение и жесткий график работы сделали свое дело: я стал выбиваться из колеи, быстро утомлялся и, чтоб не доводить дело до греха, решил устроить себе маленький отпуск. Надел драповое пальтишко и вышел на главную площадь послушать выступление духового оркестра пожарной команды, устроенное по случаю праздника города.

Улицы были заполнены нарядными мужчинами и женщинами, детишки на каруселях давились мороженым, тут и там сколачивались небольшие группки для распития горячительных напитков, оркестр играл «Прощание славянки». Я вспомнил, что уже несколько лет не улыбался. Надо попробовать, подумал я, а вдруг получится, — и стал растягивать губы. Сразу же вокруг образовалась кучка знакомых и не очень людей; они улыбались в ответ, хлопали по плечу и совали под нос пластиковые стаканчики с водкой.

Боже, как хорошо! Алкоголь утекал в отвыкшую от него утробу, обжигая пищевод, как лава выходит из вулкана, если смотреть кино задом наперед; уколы иголочек попытались импровизировать под оркестр, но споткнулись о пожарницкий геликон и так противно стали царапать его, что разбудили в моей голове мохнатого бесенка с толстыми губами, который спросонья немного поартачился, а потом, смекнув, в чем дело, выхватил из своего сундучка бескозырку и стал лихо отплясывать матросский танец на носу у хорошенькой девушки, старой знакомой, некогда бравшей у меня уроки не помню даже чего — то ли кабалистики, то ли истории КПСС, а сейчас теребившей рукав моего пальто, требуя объяснить, где я так долго пропадал.

Меня потащили в какие-то гости, где «все нас уже давно ждут», поили сливянкой, сажали мне на колени чьих-то детей, тянущих в направлении стола ручонку с приказом «дай», а ты разбирайся, что им там приглянулось; от души смеялись над моим неверием в умение ведьм превращать краденое молоко в топоры; волокли на улицу смотреть праздничный фейерверк и кричать ура императору; пытались запереть в ванной с хватившей лишку одинокой, бездетной, своим жильем обеспеченной, наказывая привести ее в норму; укладывали спать на раскладушку и укрывали пледом, когда последняя рюмка сливянки вставала поперек горла, а утром со словами: «Буди звездочета!» — звали на кухню пить пиво и вели в другие гости, где нас тоже «уже все ждут».

Праздник продолжался три дня. Очнулся я только к вечеру четвертого дня, на диване, в незнакомом доме, в обществе моей давешней соседки по ванной комнате, сидевшей у окна с сигаретой и листавшей книжку в мягком переплете, впоследствии оказавшуюся руководством по составлению гороскопов в условиях повышенной облачности.

Обнаружилось, что костюм мой, хоть и изрядно пожеван, но все еще хранит ошметки интеллигентности, а вот носки отсутствуют напрочь. Дама охотно объяснила, что они (носки) постираны и сушатся на балконе, так как я наступил в собачкины дела во время медленного танца. Мы дерябнули по одной, и я стал откланиваться. «Надеюсь, вы зайдете еще», — сказала дама. «Да, — сказал я, — мне нужно будет забрать носки». — «Приходите за ними завтра, они, наверное, высохнут», — сказала она. «Большое спасибо», — сказал я и ушел,

На следующее утро я проснулся, и это пробуждение я, видимо, не забуду никогда. Голова была набита ватой — такое похмелье. Я надел драповое пальтишко и вышел из дому. На главной площади оркестр играл «Прощание славянки». Это снова начался праздник. После понедельника наступила предыдущая пятница. Вот так, Августин, я научился пускать время вспять. Ничего сложного тут нет: закинул иголки — оно и вертится на месте, набрал их в обратном порядке — оно идет назад.

Помнишь, Августин, того негра из пищевого института, который на вопрос: «Как дела?», переспросив раз десять, отвечал: «Не понимаю». После восьмой он заговорил. Заговорил сочно, с чувством и почти без мата. Не хватало толчка, чтоб перейти от безликих падежей и спряжений к свободному плаванью по бескрайним просторам великого и могучего. Этот толчок дали ему мы, Августин, хотя если бы не мы, то другие.

Со мной произошло примерно то же: качественный скачок случился во время возлияния. Ходил вокруг да около, а тут бац — и случилось, да еще в состоянии беспамятства. А они про какие-то яблоки...

Так вот, сам процесс перемотки — дело нехитрое, главное — выучить двоичный код. Самый простой опыт: подгорело молоко, а тебя этот запах нервирует. Берешь, просматриваешь свой код за последние две минуты (или сколько там прошло), выворачиваешь его наизнанку, ноли меняешь на единицы, единицы обнуляешь, в нужный момент снимаешь кастрюльку с огня. Если ставить опыт на людях, они ничего не замечают, телепаются туда-сюда во времени, пока ты их не отпустишь, и уходят дальше по вектору. Это как перематывать пленку на магнитофоне: ей все равно.

Ты скажешь, Августин, с такими возможностями таких дров наломать можно. Можно, мой милый Августин. Можно таскать бумажники из чужих карманов, можно играть на бирже. Можно предсказывать погоду, можно податься в пророки. Все можно, дорогой Августин, да только мне это не было интересно. Лишь однажды я попытался проверить одну аферу, чисто из научного интереса, но был взят с поличным. Меня препроводили в участок, а оттуда в клинику для душевнобольных, где пытались лечить от kleptomании. Именно оттуда я совершил свое самое большое путешествие во времени, длиной во всю мою жизнь плюс два года тому назад, и меня не стало. Мои бедные атомы болтались по Вселенной, занятые своими делами, не подозревая, что им предстоит стать мной. Через год наметилось какое-то движение. Меченые частицы начали смещаться в сторону городка, где моим родителям было суждено сойтись в одной постели. Рассыпанный, как горох, по всей честной Ойкумене, номинально не существующий, я с волнением наблюдал это длинное мексиканское кино: получится — не получится, а вдруг сорвется?

Роды оказались очень тяжелыми, время пошло своим чередом, и я вернулся домой.

...Я шел домой усталый, грязный и небритый. Стояла ранняя весна, под ногами хлюпал мокрый снег, сапоги пропускали влагу. В магазине я взял две селедки, бутылку кефира, буханку черного хлеба и пачку чая. Поднялся на свой этаж и отпер дверь. На мебели пыль толщиной в палец, из кухни — запах гнили и тараканы, снующие среди кусков чего-то заплесневевшего; щелк включателем — электричества нету: наверно, отключили за неуплату. Моя жена ушла от меня за полгода до открытия перемотки, не выдержав безденежья, с того дня в квартире не убирали. Какое сегодня число? По моим расчетам, я должен вернуться в исходную точку...

За окном оркестр заиграл «Прощание славянки»...

Я набрал горячую ванну, лег и стал раздумывать, стоит ли перематывать время назад, чтоб уговорить жену не уходить, закидав ее краденными бумажниками и акциями газовых компаний, или нанять домработницу. Голый я вышел из ванной, на ходу обтираясь полотенцем, и увидел себя. Это было не отражение в зеркале: таких больших зеркал в моей квартире нет, да и у голого не может быть отражения в пальто. Я «номер два» прошел на кухню, выложил на стол селедку, хлеб, бутылку кефи-

ра, вернулся и, расстегивая драповое пальто, сказал: «Ты не замечал, когда долго и напряженно думаешь, появляется такая противная испарина, гораздо пахучей, чем обычная, трудовая? Я приму ванну». Чистые и выбритые мы (первый раз говорю «мы», все «я» да «я») сидели за столом, ели каждый свою селедку и обсуждали сложившиеся положение. На двоих у нас была одна бритва, одно кресло, один телевизор, одна квартира, один клистир и, самое главное, одни и те же мысли. Мы бросили монетку, и собирать манатки выпало мне. После всей волокиты с новыми документами и поиском нового жилья, поочередным спаньем на взятой напрокат раскладушке я перебрался в точно такую же дыру, в точно такую же квартиру, где перед телевизором стояло кресло со сломанным подлокотником, и точно такая же соседка по лестничной клетке подглядывала за мной в дверной глазок. Не удивляйся, Августин, когда в конце письма ты увидишь не мою подпись.

Иногда я думаю, как он там? Отмотал время назад и живет с моей женой или, как я, разгоняет шваброй клетчатый кисель вместо зарядки? И вообще, почему случился этот побочный эффект? Натворил я что-нибудь в состоянии отключки, когда первый раз пустил время встать, или виной тому носки, оставленные в гостях? Одно несомненно: я № 2 закрыл мне дорогу в прошлое. Перематывать время, на момент, предшествующий появлению двойника, я уже не могу.

*Ах, мой милый Августин,
Августин, Августин...*

С тех пор как начался обвал пространства, проклятый мотивчик слышится отовсюду: включаю ли я этот чертов телевизор, слушаю ли радио, сосед ли мальчишка за стенкой врубает свою дурацкую музыку — везде:

Ах, мой милый Августин!

... Сначала исчезла Аляска, потом Канада. Соединенные Штаты сопротивлялись на удивление вяло. Ржа поела их всего за какую-нибудь неделю. Подумать только, мировой лидер! Августин, если будешь когда-нибудь в Америке, щелкнись в обнимку с ихним картонным президентом (кто у них там сейчас?) на фоне Капитолия и пришли мне карточку, я пророню скупую мужскую слезу.

Ежедневно на большой карте мира, купленной по такому случаю в магазине школьных принадлежностей, я красными флажками отмечал границы обвала пространства. Вслед за Северной Америкой исчезла Америка Южная, и ржа пошла дальше по всем направлениям. Когда исчезла Антарктида, мне стало чуть теплее, а может, просто началась горячка. Пресса предательски молчала, по телевизору и радио пели про милого Августина. Австралия передала эстафету Южной Африке, кольцо вокруг меня сжималось. Естественно, обвал пространства происходил только в моем сознании. Америка по-прежнему процветала, тамошние врачи недавно пересадили куда-то откуда-то какой-то орган, боинги ежедневно совершали межконтинентальный обмен пассажирами, Майкл Джексон записал новый музыкальный альбом. Я купил в киоске на углу кассету, дома засунул в магнитофон, нажал play и услышал визгливый голос:

Oh, my dear Augustan!

Тут-то я впервые всерьез задумался, что станет со мной, когда ржа пожалует в гости. Исчезнуть навсегда — полбеды, страх смерти мне подвластен, однако исчезнуть только в своем сознании — с этим сложнее. Стать просто созерцанием, а такой опыт у меня уже был, не входило в мои планы. Я слишком привык к себе и не собирался отвыкать, Буддами в приказном порядке не становятся. Дом превратился в продоволь-

ственный склад. Лавочник был со мной любезен, но держал за ненормального. По утрам я выходил подышать воздухом и, как пенсионер, сидел на скамеечке у подъезда. Люди, спешащие на работу, пересекали границу и исчезали в каком-то тумане — не тумане, в клубящемся киселе в мелкую желто-коричневую клеточку. Вечером они возвращались измазанные этой липкой гадостью. Несколько раз возникала шальная мысль броситься в кисель небытия, но всякий раз непонятно откуда берущаяся сила, похожая на ту, что не позволяет подойти к краю плоской крыши высотного здания, вжимала меня в асфальт. Ладно, чего тянуть кота за хвост, пространство сжалось до размеров моей квартиры. Входная дверь больше не открывалась, в окнах было темно, в уборной, на дне унитаза, там, где исчезают нечистоты, клокотал клетчатый кисель. Я был в ловушке. В музыкальной табакерке.

*Ах, мой милый Августин,
Августин, Августин!
Соль-ля-соль-фа-ми-до-до,
Ре-си-си, соль-ми-ми!*

По десять раз на день я пробовал перематывать время, но вновь и вновь оно возвращало меня к моему арестантскому положению. Каждую ночь я засыпал в ожидании страшного, но страшное не случалось. Пространство остановилось. Похоже, оно решило обезопасить себя от моих экспериментов.

Продуктов было вдоволь, думать не хотелось. Пару раз звонили какие-то люди, передавали от тебя привет. От нечего делать я открывал окно и шваброй разгонял булькающую пеструю массу. За пару часов, если не лодырничать, удавалось очистить пространство на длину швабры, но следующие полчаса сводили работу на нет. Я зачерпывал ведром кисель и затаскивал в комнату, но он таял, как лед, превращаясь в дурно пахнущую жидкость. Установить ее состав в домашних условиях мне не удалось.

Кончилось все тем, что съестное кончилось, я поголодал пару дней и бросился с головой в кисель небытия. Меня долго носило по клетчатому океану. Оказалось, в нем много островов, чуть больше или чуть меньше того первого. Раз меня прибило к одной женщине. Она принимала мой отказ выйти из дому за сумасшествие, но не прогоняла. Островок оказался непрочным, через полгода волна киселя накрыла меня и унесла прочь от моей хозяйки, к тому времени уже беременной.

Августин! Жизнь моя — кошмар. Больше время я нахожусь в бессознательном состоянии, а когда прихожу в себя, оказываюсь в кресле со сломанным правым подлокотником, перед телевизором, в длинных трусах в цветочек. Августин, мне надоела жизнь бродяги, постоянный страх быть смытым надвигающимся цунами и колобродить в беспмятстве туда-сюда при всем честном народе. Августин! Помоги мне. Стань моим поводырем. Я верю, есть в этом проклятом киселе приличные острова, устойчивые и подходящего размера. Надо найти один такой, где я смог бы спокойно провести остаток своей жизни. Пусть он будет хотя бы километр в поперечнике — я смогу гулять, ходить за покупками в ближайшую лавку, смотреть новости по вечерам, болтать с соседями. И буду счастлив. Августин! Сделай это ради нашей дружбы, заberi меня отсюда. Я не знаю, как долго продержится мое нынешнее убежище, поэтому ты должен торопиться. Я не останусь в долгу. Перемотка времени — страшная сила. Я закину тебя в прошлое, и мы сделаем миллионы на недавней денежной реформе. Теперь я знаю, как это делать правильно, чтоб без побочных эффектов. Если ты сочтешь меня сумасшедшим, помоги хотя бы из сострадания. Я жду тебя, мой милый Августин, заberi меня отсюда.

Из служебной записки: Приобщить к делу о махинациях на рынке ценных бумаг.

Борис Стариков

член Союза писателей России
г. Тихорецк Краснодарского края

С другим не убегай

***

Плыву, прочувствовав покой,
А рядом вижу синий космос:
Сегодня в море он со мной
Ласкает белой пены космы.

Конечно, есть земная твердь –
Где я живу, ни с кем не споря,
Где не узнать, что значит смерть,
Зовущая в бездонность моря.

Когда стремительный овал
Водой надавит мне на плечи...
Я точно вспомню, кто сказал:
«Окончен бал, погасли свечи»!

26.04.2011г

***

Любимая, была ты – скрипка:
То пела, то вдруг умолкала...
Блаженства чистая улыбка,
Слетая с губ, меня ласкала.
А на заре, в бесценном мире,
От нас всего-то и осталось...
Мои слова в желанной лире,
Да счастья звонкая усталость.

03.05.2011 г.

***

Прохладою дышит
                        небес бесконечный простор,
А гладь на реке не дрожит от боязни ненастья...
По ней невезенье крадётся туманом во двор
И хочет украсть одряхлевшее к осени счастье.
Ах, старое счастье, броженье мечты, непокой!
Свячёной росой освящённое русское поле,

Но искрится день осенний
Счастьем свадеб на Руси.

31.10.2011г.

***

Опостылевшая слякоть...
Озверев от зимних драк,
Ветер бешеной собакой
Рвёт мне душу сквозь пиджак.

Что ему ещё осталось? –
Ночью в заводи реки,
Как сома, заката алость
В сеть поймали рыбаки.

Пили дружно, пели ладом,
А под утро грянул гром...
Ты меня манила взглядом,
Подливая в кружку ром.

Я пошёл тебе навстречу,
Не шутя и не любя,
В страсти ласковые плечи
Поцелуем пригубя.

И, нырнув в постель тумана,
Затерялись мы в ночи,
У луны, такой же пьяной,
От любви забрав ключи.

10.06.2008 г.

***

Куда уходят сны, и что ночами снится?..
В голубизну

попынь

окрасила бугор,

И вяжут кружева лучей стальные спицы
Из пуха облаков, затмивших мне простор.

Цветением своим весна уходит в лета,
И в рощах не поют бессонно соловьи...
По небу стаей птиц, но в оперенье света,
Летят на зов судьбы все помыслы мои.
В окно стучится сон учителем прилежным,
А старый пруд цветёт на радость детворе...

Я времени шепчу: «В одежде белоснежной
С другим не убегай сквозь звёзды, на зоре».

О прошлом загрустив,
Я не умею плакать,
Отмеривая жизнь хрустальнейшей водой:
Я помню все грехи, но ненавижу слякоть...
И в сердце – не старик, а только лишь – седой.

На кладбище

Кресты, надгробья и ограды...
Страх тишины хранит покой.
Здесь птицы подаянью рады,
И вечность плещется рекой.

Здесь слёзы на кустах повисли,
Как будто вечность их хранит,
И вместо слов людские мысли
Вдавились намертво в гранит.

28.01.2011 г.

***

Который день живу у моря.
И, как всегда, – весёлый смех,
И, о любви с тобою споря,
Танцует захмелевший грех.

От ветра нет на небе шума,
От моря – рябь в твоих глазах...
И нам давно не надо думать,
Кто в чьих окажется руках.

И на задворки южной ночи
Мы улетаем в два крыла,
И страсть безумия клокочет,
Согрев нам грешные тела.

И годы – что камней груды:
Их тяжесть в радости легка.
И гор вершины – словно груди,
И рядом с ними – облака.

10.02.2011 г.

Сорок святых

Церковный праздник.
Воскресение.
В сокодвигении сады:
Ив золотистое свечение
Стекает в олово воды...

Подругу лебедь не заметил,
Проплыл вдоль берега реки.
А от любви звенящий ветер
Качает уток поплавки.

Ондатра в полусне младенца
Сосёт пустышку камыша,
И птиц весёлые коленца,
Шалея, слушает душа...

Я не ищу изгибов горя,
А радость простотой ясна.
Мхом зеленея на заборе,
Мне улыбается весна.

23.03.2009 г.

***

Стучат ноябрьские дожди...
Огнём мерцают три фигуры.
Они – как новые вожди:
Банк, Церковь и Прокуратура.

Банк – никого ещё не спас.
А у закона – нет причастья,
И заморили страсти в нас
Нас охраняющие власти.

Мы, как промокшие стволы,
Черны и зябнем одиноко.
И мы друг другу не милы,
Без силы жизненного сока...

Течёт мой ручеёк из слов,
Но мне журчание не мило –
Могучий звон колоколов
Я жду с неистовою силой...

29.11.2008г.

Публицистика... Публицистика... Публицистика...

Галина Астапенко станция Старочеркасская Ростовской области

Атаманская усадьба

*Быт и культура атаманской усадьбы на Дону
в XVIII веке*

Культуру Дона XVII – XVIII веков невозможно представить без влияния на неё старшинской и атаманской усадеб.

Усадьбы являлись тем местом, где собирались и сохранялись предметы, имеющие не только утилитарное предназначение, но и художественную ценность.

Коллекции картин, книг характеризовали духовный мир их владельцев. Посуда, мебель, одежда, предметы декоративно-прикладного искусства давали представление о своеобразии сложившейся здесь бытовой атмосферы, рассказывали о верованиях, вкусах, философии их хозяев.

В станции Старочеркасской (бывшей столице донских казаков г. Черкаске, 1644 – 1805) сохранился уникальный архитектурный комплекс атаманской усадьбы XVIII – XIX веков, подобной которой вы нигде более не встретите не только на Дону, но и в России. Принадлежала она знаменитому роду атаманов Ефремовых. Отец и сын Данила и Степан Ефремовы управляли Доном 34 года (с 1738 по 1772 год.).

Основателем рода Ефремовых был московский купец Ефрем Петров. По каким причинам он бежал на Дон, неизвестно. В 1702 году он ходил в Лифляндию в звании походного атамана. В ноябре 1707 года легкая станица во главе с ним доставила в Москву взятых в плен десятерых казаков, участников Булавинского восстания. В награду Петров получил серебряный ковш и «за нынешнюю ево в походе на воров и бунтовщиков службу» ему была дана с царской конюшни лошадь с санями и хомутом»¹.

Но в 1708 году власть в Черкаске взяли булавинцы, и Ефрем Петров был казнен по приговору Круга. Возможно, что свидетелем его смерти был и сын Данила, которому тогда было 18 лет.

Данила Ефремов рано становится на стезю битв и походов. Он участник Северной войны со шведами. В январе 1707 года Данила Ефремов в составе отряда донцов принял участие в нападении на штаб-квартиру шведского короля Карла XII. Решив пленить «свейского владыку», казаки перебили королевский караул и могли захватить короля, но последнего спасли резвый конь да снежная мгла, казакам досталась шляпа и шпага короля. Затем Данила служит в крепости Святого Креста, а с 1727 года в низовом корпусе на Кубани.

Данила Ефремов оказался не только превосходным воином, но и прекрасным дипломатом.

Россия готовилась к решающим схваткам с Турцией и Крымом, поэтому важно было узнать, чью сторону примет в предстоящей войне калмыцкий правитель Дондук-Омбо, несколько десятков конницы которого были грозной силой.

Именно на Данилу Ефремова пал выбор правительства возглавить дипломатическую миссию к Дондук-Омбо. Проявив незаурядные дипломатические способности,

он сумел склонить калмыцкого правителя к союзу с Россией.

Русское правительство достойно оценило заслуги Ефремова, и 17 марта 1738 года указом императрицы Анны Иоанновны он был назначен донским войсковым атаманом.

Данила Ефремов в ранге хозяина Дона очень много сделал для укрепления и вооружения казачьих городков. Только в 1738 году атаман сумел добыть 67 пушек, укрепив ими казачьи городки. Данила Ефремов стремится сохранить мирную жизнь на Дону не только при помощи оружия, но и политическим путем, устанавливая дружественные отношения с соседями.

В архивах сохранились письма Д. Ефремова кубанским мурзам, из которых мы узнаем, что атаман ведет переговоры «о размене пленными», предлагает наладить «торговые отношения»².

Татарские мурзы приезжают в гости к Ефремову, он угощает их вином из серебряных чаш. Из последних позднее будет сделано паникадило для домово́й церкви атамана.

Мурзы и Данила Ефремов обмениваются подарками. В письме султану Алей-Гирей, датированном декабрем 1737 года, атаман благодарит его «за присылку коня с седлом и уздой»³ и «в гостинец посылает одну красную кожу»³. В другом письме кубанскому мурзе Д. Ефремов благодарит последнего за подарок (нож) и посылает ему «в гостинец сукна на кафтан»⁴.

В обычае тогда было дарение птиц. Данила Ефремов посылает кубанским Сатия-мурзе и Касай-мурзе соответственно «в гостинец сокола и одну трубку полотна»⁵ и «ястреба и трубку полотна»⁶.

Будучи атаманом, Д. Ефремов стремится повысить культурный уровень казаков, улучшить их жизнь. Он понимает всю важность образования. Дон нуждался в образованных людях. Они были необходимы для повседневного управления Войском, поддержания связи, осуществления активных внешних сношений, торговли, развития мореходства.

Поэтому неслучайно именно в его правление в 1746 году открывается первое учебное заведение на Дону — Войсковая латинская семинария. В программу первого класса входили изучение славянского чтения и письма и первоначальное знакомство с латинским чтением и письмом, второго — изучение латинской грамматики, третьего — изучение окончания этимологии и начало изучение синтаксиса, четвёртого — подробное изучение синтаксиса и пятого — изучение «украшений речи и стихов».

Распространено в это время было и домашнее образование. Из документов известно, что «у донского атамана Д. Ефремова до 1753 года были учителями киевские студенты Аверко Андриевский и Тим Сильванский»⁷. Начало обычаю приглашать русских и зарубежных учителей для домашнего обучения и воспитания детей донских старшин положил войсковой атаман В.Ф.Фролов в первой четверти XVIII века. Он «выписал на Дон для обучения своих детей учителя иноземного языка шляхтича И. Ольшанского»⁸.

Донских старшинских детей довольно рано стали посылать для обучения за пределы донской земли. К 1676 – 1677 годам относятся сведения об обучении в Москве сыновей атаманов М. Самаренина и П. Степанова. По преданию, сам Д. Ефремов в молодости учился в Киевской академии — «рассаднике образованных людей в гетманском казачестве»⁹.

Данила Ефремов активно занимается строительством храмов, восстановлением собора после пожара 1744 года. Именно при нем были построены три каменные церкви, которые сохранились и по сей день.

С царствующими особами у Данилы Ефремова были ровные отношения, хотя в отдельные периоды, когда они омрачались. В начале 1740-х годов, став атаманом,

он решил укрепить столицу донских казаков, сделать ее более безопасной. В связи с этим он начинает строительство каменной стены вместо обветшалой и двух мощных каменных бастионов со стороны Дона. Но правительство усмотрело в этом злой умысел, желание отделиться от государыни.

Елизавета Петровна шлет указ с требованием прибыть в Петербург для объяснений. Д. Ефремов игнорирует первый указ императрицы, после второго направляется в Петербург. В военной коллегии ему устроили форменный допрос; разумные и убедительные объяснения не удовлетворили государственных чиновников, и Д. Ефремов вынужден был в камере Петропавловской крепости обдумывать всю пагубность своего строптивого поведения. Осенью 1744 года он был освобожден из каземата. Приехав в Черкасск, он не узнал город: в августе этого же года, случившейся пожар уничтожил его дотла.

В 1753 году Даниле Ефремову первому на Дону был присвоен чин генерал-майора российских войск, что соответствовало IV классу в Табели о рангах, и, следовательно, он получал звание потомственного дворянина со всеми правами и привилегиями, которые передавались по наследству. Соответственно генеральскому чину ему полагались писарь, адъютант, а для охраны — конвой из ста казаков.

В 1758 году Д. Ефремов участвовал в Померанской кампании, командуя донскими полками. Ему было уже 68 лет. Он отличился в нескольких сражениях, и 8 мая 1759 года «за добропорядочный поход через Польшу и за оказание во время Померанской кампании дела мужества и за весьма исправную в войске дисциплину»¹⁰ ему, первому из дончан, также был пожалован чин тайного советника.

Приблизительно в это время Д. Ефремов начинает строительство своей новой усадьбы. Донские атаманы и старшины, часто бывая в Петербурге и Москве видели, как живет царь и его окружение. Строя атаманскую усадьбу, Д. Ефремов, подражает петербургскому и московскому дворянству.

Первой постройкой на территории атаманского подворья являются атаманские палаты или хоромы, строительство которых относится к 50-е годы XVIII века. На плане Черкаска, датированном 1759 годом под номером 6 обозначен «дом вновь строящийся господина тайного советника Данилы Ефремовича Ефремова, в городе»¹¹.

В архитектуре атаманского дворца соединились, как и во всех постройках этого периода, новые традиции европейской архитектуры и принципы возведения русских домов XVIII века.

Само слово «дворец» в значении большого богатого дома появилось в России сравнительно поздно. Первоначально дворцами называли все дома, принадлежавшие только царской фамилии, и лишь к середине XIX в. слово «дворец» приобретает более широкое значение, хотя здания подобного рода были известны, но назывались они палатами или хорамами.

Первый этаж атаманских палат был построен в середине XVIII века. Толстые, метровые стены, выложенные из большемерного кирпича, низкие сводчатые потолки, небольшие дверные проемы и узкие окна, забранные решетками, — все это элементы дома-крепости.

Второй этаж первоначально был выстроен в дереве, но в 1850 году сгорел и год спустя восстановлен в том же виде и размере, обложен кирпичом и оштукатурен. Построенный в XIX веке, второй этаж связан с классическим архитектурным стилем. Центральная часть дворца выделена ризалитом с колоннадой второго этажа, завершенной треугольным фронтоном. Большие окна, обрамленные легкими рамками, сообщают зданию вид дворцового сооружения. Вся площадь атаманского дворца составляет тысячу квадратных метров, внутри него 21 комната.

Первый этаж использовался для хранения богатств Ефремовых, здесь же проживала часть прислуги. На втором этаже находились жилые комнаты, где жил атаман со своей семьей.

Параллельно со строительством атаманских палат Д. Ефремов начинает в 1756 году строительство домово́й церкви в честь Донской иконы Божьей Матери. 16 сентября 1761 года «церковь была торжественно освящена епископом Воронежским и Елецким»¹².

И храм, и колокольня были построены в стиле «барокко», для которого характерна композиция «восьмерик на четверике». Восьмерик венчает красивая гавка с крестом на вытянутом барабане. Углы ярусом украшены колоннами дорического стиля. На колокольне висело восемь колоколов, главный из которых весил более двух с половиной тонн.

Церковь была окрашена в голубой цвет, ее архитектурные детали — в белый. Внутри церкви был небольшой иконостас на четырех колоннах с позолоченными пилястрами. В иконостасе находилось 40 икон, многие из которых были в серебряных с позолотой окладах, украшенных драгоценными камнями.

Перед иконостасом висело паникадило, выполненное из серебряных чаш, из которых в свое время Данила Ефремов угощал калмыцких ханов. Весило оно 120 кг. Убранство было очень богатым и состояло из 400 кг серебра, 2,5 кг золота, 409 алмазов, 333 бриллианта, 1,5 тысячи изумрудов и яхонтов.

На плане 1776 года впервые на территории атаманского подворья появляется изображение «построенной в три комнаты кухни»¹³. Здание представляло собой «древний двойной дом со сводами». «Двойной дом» означает, что в доме два входа и внутри помещение разделено на две изолированные части. Здесь готовили пищу для семьи атамана, а также проживала его прислуга.

За атаманской кухней находился каретный сарай со стенами из тесаного камня-ракушечника и крышей под железной черепицей. Сооружение каретного сарая на территории атаманского подворья было не случайным. Именно у Ефремовых появляется первая на Дону карета. Была она без рессор, на ремнях, усеянных медными гвоздями. В старину казаки всегда ездили верхом, и сесть в рыдван (карету) было для них делом неприличным. Казаки считали, что достоинство лошади оскорбляется упряжью. Но поскольку карета все-таки появилась, то выход был найден: экипаж запрягался турецкими лошадьми или лошадьми, имеющими какие-то дефекты: больными, хромыми и так далее. Калмык занимал место кучера, дородная женщина на запятках — место слуги. В такой карете ездила жена атамана Меланья Карповна. Когда, громыхая, карета проезжала по улицам Черкаска, горожане почтительно кланялись и говорили: «Сама едет, атаманша Меланья Карповна».

Для поездок зимой у Ефремовых был возок, расписанный яркими красками, обшитый войлоком, шелковой тканью и бархатом. Внутрь ставилась жаровня с углями. Таким образом, возок обогревался и в нем можно было совершать длительные путешествия.

В подражание Ефремовым завели экипажи в домах старшин Мартынова, Луковкина, Поздеева. Старшина П. Ф. Кирсанов уже во второй половине XVIII века первым выехал в санях на бегуне с пристяжными. Это изумило весь город.

Но пожить на своем новом подворье Даниле Ефремову не удалось. Он умер 21 мая 1760 года в возрасте 70 лет. Погребен он в Черкасске на Ратном кладбище, около «родного отца войскового старшины и походного атамана Е. Петрова»¹⁴.

На могилу Данилы Ефремова была положена мраморная плита (которая сохранилась и по сей день), в верхней части ее изображены луна и солнце, в нижней — цветы и плоды. На плите высечена надпись: «Зде почивает благородный и почетный господин Донской войсково́й атаман Данила Ефремов, который украшен был всеми добродетелями христианского закона и в звании своего чина, благо, непорочно, мужественно и достохвально достоинство свое исполнил. И судьбами Создателя отойде в вечное блаженство в 1760 лето своей жизни»¹⁵. Последние две цифры

«60» не высечены резцом, а выцарапаны от руки совершенно в другом стиле, чем вся надпись. Это связано с тем, что казачья аристократия еще при жизни заказывала себе надгробные плиты и надписи на них.

Огромные богатства, оставшиеся после отца, Степан Ефремов еще более приумножает. Из описи имущества С. Ефремова известно, что у них было: 500 000 серебром, 70 000 червонцев (среди них персидские, голландские и русские), пять фунтов жемчуга, слитки золота, золотые табакерки, золотые и серебряные седла со всем прибором. Владели Ефремовы также конскими табунами, землями, крепостными и так далее. Все эти богатства давали им возможность жить роскошно, на широкую ногу.

После смерти отца Степан Ефремов занимается обустройством атаманских хором и всего подворья. Как выглядели атаманские палаты внутри?

Стены и пол атаманского дворца покрывали турецкие и персидские ковры. Их было около 600. Комнаты были обставлены европейской мебелью: креслами с мягкими сиденьями, стульями, диванами и столами. На стенах висели большие зеркала. Традиционным украшением казачьих домов было оружие. Стены кабинета атамана были увешаны саблями, ружьями, кинжалами, колчанами со стрелами, луками, конской сбруей, рогами животных. Все это было отделано золотом, серебром и драгоценными камнями.

Гордостью хозяев были и серебряные жалованные ковши. Со второй четверти XVIII века появляется еще один вид пожалования, имевший особое значение, получение которого добивалась верхушка донского казачества. Этой особой наградой были серебряные ковши с вырезанными на них надписями, содержащими, кроме царского титула, имя награжденного и указания заслуг. Все известные ковши, пожалованные казакам, были сделаны московскими мастерами-серебряниками. Пожалование ковшом расценивалось казаками даже выше пожалования саблей. Это было связано с желанием подчеркнуть привилегированное положение получавшего ковш, — так как сабли могли получить все казаки, приезжавшие в станицах (посольствах) в Москву, ковши же давались только атаманам и старшинам.

В 1738 году Степан Ефремов за взятие в плен «татарских языков был награжден: денег — 200 рублей, на ковш — 15 руб., и саблю — 40 руб»¹⁶.

На стенах парадной комнаты атаманских хором висели портреты хозяев дома, их ближайших родственников и царствующей династии.

Кроме подворья в Черкасске Данила Ефремов, а затем и его сын Степан строят по примеру столичной знати загородные дачи, получившие названия Красный и Зеленый дворы.

Красный двор — загородная дача Д. Ефремова, находилась в пяти верстах выше Черкаска, на речке Васильевой. Место это не затапливалось в половодье. Красный двор занимал площадь приблизительно в 36 га. Здесь стоял дом «о десяти покоях»¹⁷. Крыша была выкрашена в красный цвет, возможно, поэтому двор и получил название «Красный».

При доме были конюшни, три погреба, три сада — один из них яблоневый, где стояло триста ульев. Украшением сада была роскошная беседка. На дворе стояло десять шатров и палаток, пять кибиток. Здесь жили дворовые люди Ефремовых — «Иван Татаркин, Алексей и Федор-армянин с женами и детьми, Василий-калмык и Анна-калмычка»¹⁸.

Здесь же находилась полотняная походная церковь Данилы Ефремова с богатым иконостасом. В 1751 году «Д. Ефремов обращается к епископу Воронежскому и Елецкому Феофилакту с просьбой на благословение постройки в Красном дворе полотняной церкви во имя Божьей Матери». Следовательно, в 1751 году Красный двор уже существовал и полотняная церковь была поставлена.

Именно здесь, на Красном дворе, в середине XVIII века появляется первая кар-

тинная галерея Дона. Стремление казацкой знати утвердить свои привилегии выразилось в возникновении права избранных на парадное изображение. Кроме того, в понимании современников быть просвещенным человеком — это, значит, понимать искусство и самому быть способным к творчеству. Видимо, эти причины и подвигли Данилу Ефремова заказать художнику свой портрет, на котором он был изображен «в полный рост, без бороды, в усах, в парчовом кафтане, с булавой в руке, на столе распятие»¹⁹, Этот и другие фамильные портреты Ефремовых украшали стены «аудиенц-зала»²⁰ дома на Красном дворе, где Ефремов принимал ногайских султанов и калмыцких нойонов. После строительства атаманских хором в Черкасске часть этих портретов была перевезена а атаманские палаты.

Интересно изображение Д. Ефремова. В наружности и одежде атамана большое сходство с малороссийскими гетманами. И это не случайно. Донская знать стремилась подражать днепровской, поскольку последняя находилась в соприкосновении с западноевропейской цивилизацией, тогда как донское казачество было отброшено в глушь.

Донские старшины, чтобы походить на гетманов Украины, даже брили бороды, хотя у казаков было священное отношение к бороде. Известна челобитная казаков к царю Петру I, в которой они благодарят монарха за то, что не одел их в немецкое платье и разрешил носить бороды. Но желание выглядеть по-европейски цивилизованно заставила атаманскую знать отказаться от своего древнего обычая ношения бороды.

В период правления Степана Ефремова, принявшего пернач из рук отца, картинная галерея обогатилась полотнами столичных мастеров. Подлинные портреты Елизаветы Петровны, Петра II, Петра III, Анны Карловны Воронцовой кисти замечательного портретиста Антропова появились на Дону в ту пору, когда Степан Ефремов с зимовой станицей жил в Петербурге. Сохранился и портрет самого Степана Даниловича Ефремова, на котором он изображен в полный рост в богатой одежде и с золотым перначом на фоне большого окна.

Все эти портреты относятся к донской парсуне. Слово «парсуна» образовано от слова «персона» и впервые употребляется в XVIII веке, когда появляются портреты с «живства», то есть с натуры. Парсуна является как бы переходным этапом от иконы к живописному портрету. В ней художник стремится как можно точнее отобразить реальные черты человека, хотя парсуна и сохраняет торжественность и схематизм иконы, ее плоскостность и «узорочье».

Фамильные изображения Ефремовых принадлежат к жанру парадного портрета. Об этом говорят их большие размеры, обилие золота и украшений.

Дети и внуки атаманов обогатили ансамбль галереи, заказывая у лучших иконописцев свои изображения. Традиция заказного парадного портрета, начатая Данилой Ефремовым, была продолжена известными донскими родами: Иловайскими, Краснощековыми, Грековыми, Мартыновыми, Платовыми. В результате была сформирована картинная галерея Дона, насчитывающая около ста портретов.

Созданная Д. Ефремовым картинная галерея имела огромное историческое и художественное значение. Сохранившиеся портреты доносят до нас облик прославленных воинов, которые верой и правдой служили русскому престолу, передают эстетику своего времени.

Казаки были глубоко верующими людьми. Это связано с тем, что они часто воевали, много их погибало во время сражений. И если казаку удавалось вернуться живым после очередной битвы, свое спасение он расценивал как милость Божию. Поэтому на Дону строили огромное количество церквей. Храмы были богаты, украшены золотом, серебром, драгоценными камнями, жемчугом. Казачки приносили по жемчужине и клали на образ Пресвятой Девы Марии в вечное поминовение своих

погибших мужей. Некоторые оклады на иконах были сделаны из тех серебряных медалей и крестов, которые казаки не получили «за их смертию». В каждом доме находилось до сорока и более икон. Красный угол был в каждой комнате, но самый богатый — в парадной комнате. Иногда иконами завешивались целые стены.

Вера занимает важное место в духовной жизни и рядовых казаков, и старшин. Выборы атамана, отправление на службу и возвращение домой сопровождалось молебнами в храмах. Донская знать делает большие вклады в строительство и украшение храмов и монастырей. Ездят на моления в святые места (Киево-Печерскую лавру, Соловки), некоторые перед смертью принимают монашеский постриг.

Освещались атаманские хоромы свечами, которые ставились в подсвечники, шандалы и паникадила.

Во дворце было двенадцать изразцовых печей, которые топились камышом и дровами.

В спальнях стояли кровати «с перинами и подушками из пера, крытыми штыком или парусиновой выбойкою, одеялами красной турецкой парчи с зелеными атласными каймами»²¹.

Пили и ели атаманы на серебряной, фарфоровой и хрустальной посуде. Из описи имущества Ефремовых известно, что у них было «три сундука с разною серебряною посудю... да еще в малом каменном погребе сундуков ореховых восемь, в них положена серебряная всякая посуда, сундуков дубовых — три с сервизом же серебряным»²². У них также был «столовый фарфоровый сервиз английской работы с китайским рисунком, состоящий из 59 предметов»²³.

Фарфоровую, хрустальную и фаянсовую посуду можно было купить в торговых лавках Черкаска. Из документа, датированного 1786 годом, мы видим, что у купца Якова было украдено «34 чашки фарфоровые, стаканы хрустальные немецкие, молочник хрустальный, молочники фаянсовые белые и цветные, масленки фаянсовые, чайники фаянсовые»²⁴.

Помимо дорогой серебряной, фарфоровой и хрустальной посуды, бытовала в старшинских усадьбах и медная: сковороды, горшки, ступы, казаны водоносные, енды, кумганы. Овощи, рыбу заготавливали впрок в дубовых и липовых кадушках.

При сервировке стола пользовались «скатертью и салфетками»²⁵. Перед каждым обедающим ставили отдельный прибор с ножами и вилками.

Что же ела и пила старшинская знать? В дни семейных и иных торжеств званый обед начинался с круглика (пирога) с рубленным мясом и перепелками. Затем подавали восемь-десять холодных блюд: студень, сек (разварная филейная или полуфилейная часть говядины), лизни (языки) с гарниром из соленых огурцов, полотки (лытки, ножки) поросенка, гуся, индейки, вареное мясо дикого кабана, мясо лебедя, соленое мясо журавля и др.

После холодных блюд подавали горячее: щи, суп из курицы, приготовленный с сарацинским пшеном, (т.е. — рисом) и изюмом, суп из баранины, приправленный морковью, шурубарки (ушки), т.е. мясные варенички, пельмени и похлебка, борщ со свиной, дулму, которую готовили в разных вариантах — с капустой, огурцами или баклажанами, суп из дикой утки и т.д.

В состав вторых блюд тогда входили жаркое из гуся или индейки, фаршированный поросенок или целый ягненок с чесноком, мясо дикой козы, кушанья из дробы, диких уток, куликов и другой дичи. Затем подавали блинцы, лапшевник (запеченная лапша), молочную кашу, кашу из пшена, приправленную кислым молоком (сюзьмой).

Конечно, донская знать вкушала блюда из лучших сортов донской рыбы: белуги, осетра, стерляди. Существовало огромное количество рецептов приготовления рыбы: ее готовили под томатом и маринадом, солили, коптили, делали балыки. Ловили белуг весом 600 – 700 кг, из такой белуги вынимали до двадцати ведер черной икры.

Казачки сами ее готовили: освобождали от пленки, пропуская сквозь специальное сито, а затем хорошо посоленным крутым кипятком заливали на пять минут, воду сливали — и икра была готова к употреблению.

Обед заканчивался десертом из свежих и сухих фруктов: персиков, абрикосов, винограда, вишен и груш. Каждое кушанье запивалось медом. Чтобы не обидеть хозяина, гости должны были пить до дна и отведать все блюда.

Во время семейных трапез и женщины и мужчины сидели за одним столом вместе. А вот на официальных приемах присутствовали только мужчины. Один из таких приемов описывает генерал С. А. Тучков, посетивший Черкасск в конце XVIII века: «На обед были приглашены все чиновники Черкаска. Стол был накрыт на 50 персон. Угощение состояло из многих блюд, на европейский вкус приготовленных. Из напитков подавали лучшие донские и греческие вина. На обеде присутствовали только одни мужчины и ни одной женщины.

И только после окончания обеда в залу вошла женщина, одетая в традиционную одежду казачек XVIII века. На ней был парчовый кубелек (вид распашной одежды, платье), шелковая рубаша и шаровары, на голове была парчовая шапка, украшенная драгоценными камнями и жемчугом. В руках она держала серебряный поднос с рюмками, наполненными вином. Далее шел обряд, напоминающий древнерусский обычай приветствия гостей. Она кланялась в ноги атаману, целовала его в губы и благодарила войскового атамана за доброе отношение к ним во время правления ее мужа. Это была жена бывшего станичного атамана. С этим подносом она обходила всех гостей, подавала всем вина и целовала каждого в губы. А гости пили за здоровье мужа.

Когда она заканчивала обход всех гостей, тогда появлялась жена вновь избранного атамана и повторяла тот же самый обряд. Гости поздравляли ее с новым достоинством ее мужа и пили за его здоровье.

После обеда все гости, по приглашению атамана, прошли в соседнюю комнату. Перед их взором открылась живописная картина: женщины, одетые в кубелечные костюмы и шелковые шаровары, сидели на широких диванах, поджав ноги по-азиатски, перед ними стоял огромный стол с конфетами, фруктами и вином. Когда мужчины вошли, все женщины встали и поклонились. Хозяйка попросила всех мужчин сесть и сама стала их угощать вином и сладостями»²⁶.

Одним из распространенных видов общения XVII – XVIII веках были казачьи беседы. В доме атамана собирались его друзья-старшины, где за чаркой меда они вспоминали о делах предков, рассказывали о своих походах. Казачьи беседы иногда продолжались до утра, и никто из участников не мог уйти один раньше другого, только все вместе. Иногда вместе с приятелями старшины заходили на «кружало», т. е. в питейное заведение, где приказывали подавать «с холодников меда»; пили так же вина, привозимые из Турции и Греции. За медами крепкими пели казаки песни волоковые (протяжные), которые прославляли храбрые дела предков.

Увеселения и забавы донских старшин мало чем отличались в то время от увеселений народа. Тогда праздники большей частью проходили на улицах и площадях. У казаков они носили ярко выраженный военизированный характер: это скачки, джигитовка, стрельба по мишени, охота, кулачные бои; в последних принимали участие даже генералы.

В святочные дни ходили разными компаниями «Христа славить». Обычно начинали с дома войскового атамана, после чего сам атаман присоединялся к казакам и вместе с ними ходил ко всем жителям города, в каждом доме, распевая «Христос рождается». Собранные деньги отдавали в храм или покупали мед для своих бесед. Жены старшин собирались в своем кругу, пили мед, который им подносили пленные турчанки, пели духовные псалмы и песни о подвигах своих мужей.

На праздники казаки надевали свои лучшие одежды. Одежда донской знати отличалась от одежды рядовых казаков не кроем, а тканью, количеством платьев и украшений; как писал В. Д. Сухоруков, — «пышностью и богатством».

Женский костюм состоял из кубелька и по крою и названию напоминал татарское платье камзол. Шился из парчи, шелка, полы были разрезаны и заходили одна за другую. На груди кубелек застегивался серебряными или позолоченными пуговицами. На лифе, выше талии, носили пояс, составленный из серебряных или вызолоченных звеньев или сшитый из цветного бархата, унизанного жемчугом. У атаманши Меланьи Карповны, жены Степана Ефремова, был «жемчужный пояс с крючками алмазными»²⁷. Под низ надевали рубаху из тонкого шелка или полотна, подол и рукава которой выглядывали из-под кубелька. На восточный манер казачки носили шароварцы из тонкого шелка или полотна.

Как только девушка выходила замуж, она обязана была носить женский головной убор. Покрытие женской головы идет еще от древних славян. Считалось, что волосы женщины обладают магической и колдовской силой. Когда она выходила замуж и становилась членом чужого рода, рода своего мужа, чтобы не принести вреда ему и его родне, она должна была тщательно скрывать все до единого волоски. Насильственное обнажение женской головы было большим позором для женщины. С таким восточным нарядом казачки носили русские головные уборы: кокошники, кички, повойники.

Обувью служили мягкие сафьяновые сапожки, выстроченные на подъеме золотыми или серебряными нитями. Поверх сапожек надевали туфли из сафьяна на высоком каблуке.

Зимой носили шубы из парчи или шелка, которые подбивались куньим, собольим, лисьим мехом.

И женщины и девушки носили украшения: чикилики, перла, базилики, кольца и серьги. Чикилики представляли собой вязаную сетку из крупного жемчуга. Выходя из-под головного убора, чикилики свисали над ушами, соединялись между собой атласной повязкой, которая также была украшена жемчугом и обвивала чело. Перла были низаны из крупного жемчуга, прикреплялись на плечах бантом из золотого позумента, украшенного драгоценными камнями, и спускались по груди до пояса. Кроме того, носили жемчужные базилики (браслеты), серьги из жемчуга и драгоценных камней, золотые перстни и кольца.

Мужской костюм представлял собой причудливую смесь русских, малороссийских, польских, татарских, калмыцких, турецких и черкесских элементов. Военная форма у казаков появляется только в 1801 году, при атамане М. Платове.

В XVIII веке мужской костюм состоял из шелковой рубахи, шаровар, вбивавшихся в сапоги, зипуна (вид распашной одежды без воротника, с узкими рукавами, надевавшийся поверх рубахи), кафтана, шапки и пояса. Причем, как и многие народы, живущие в степи, казаки предпочитали шелковые рубахи хлопчатобумажным. На шелке не живет вошь, она скатывается, и в смысле гигиены шелковые рубахи были предпочтительнее.

У богатых старшин одежда исчислялась десятками и более. Так, у Ефремовых был «сундук кипарисный и сундук дубовый с парчовым платьем»²⁸, а также несколько парчовых и бархатных кафтанов, Высочайше пожалованных им. Из этих кафтанов позднее были сшиты «несколько риз и стихарей, которые хранились в ризнице Донской церкви»²⁹.

Дополнением к костюму служил пояс, украшенный золотом, или турецкий кушак, на котором носили булатный нож или шашку. Поверх кафтана надевали и черкеску из сукна с разрезанными рукавами, отделанную золотым позументом. С таким костюмом казаки носили сафьяновые сапоги красного, желтого, зеленого цветов.

Завершала старинный костюм шапка с околышем из меха соболя или куницы, верх которой изготавливался из голубого или красного бархата, вышивался золотом или обкладывался позументом. Шапка — это символ чести казака. В шапке перевозили наиболее ценные документы, бумаги, письма. Сбитая с головы шапка означала вызов казака на поединок.

В зимнее время казаки носили шубы, шитые на лисьем, собольем, куньем меху. У атаманов Ефремовых было огромное количество шуб. Как следует из документов, это «сундук кипарисный с куньими шубами, сундук липовый с лисьими шубами, сундук кипарисный с собольими шубами, сундук липовый с куперчатými шубами»³⁰.

После смерти Д. Ефремова полновластным хозяином становится его сын С. Д. Ефремов. Хотя назначен он был на эту должность еще в 1753 году, будучи только полковником, он должен был подчиняться своему отцу, который имел звание генерал-майора.

Родился С. Ефремов 27 июля 1715 года. По преданию, первой женой Д. Ефремова была персиянка, которая родила ему сына Степана. Начав службу простым казаком, в 1734 году он был пожалован «в старшинские звания за известные отца его службы»³¹.

В 1762 году С. Ефремов был походным атаманом в прибалтийских губерниях. Двадцать восьмого июня 1762 года он участвовал вместе с отрядом донцов в походе на Петергоф, возведшем на российский престол Екатерину II. За деятельное участие в этом походе Степан был награжден императорской золотой медалью. С этого времени для него начинаются золотые дни.

После смерти отца Степан Ефремов достраивает атаманские палаты, домовую церковь и в 1761 году вместе со своей женой Меланьей и детьми переходит жить на атаманское подворье.

Степан Ефремов был женат трижды, и последней его женой стала Меланья Карповна. Она была простой казачкой и торговала бубликами на Черкасском рынке, где ее и увидел атаман. Говорят, что атаман был покорен ее красотой и молодостью (Меланья была моложе атамана на двадцать лет) и влюбился в нее с первого взгляда. Весной 1754 года состоялась свадьба, которая была очень пышно отпразднована и о которой жители Черкасска долго говорили и вспоминали. Километр столов был поставлен на улицах городка в несколько рядов. Столы буквально ломились от яств, было приготовлено огромное количество еды, вина, водки. Все население города, а тогда оно составляло 20000 человек, атаман пригласил на свою свадьбу. И все пришли, и гуляли эту свадьбу несколько недель. Вот тогда-то, говорят, и родилась пословица: «Наготовили как на Меланьину свадьбу». Курьезный случай вышел на свадьбе, когда три казака пришли поздравить атамана и его жену. Первый казак нес на серебряном блюде огромного осетра и, подойдя к атаману, должен был сказать: «Дорогой Степан Данилыч, поздравляем тебя», второй — добавить: «Вместе с твоей Меланьей Карповной» и третий — закончить: «И вместе со всем Войском Донским с законным браком!» Но казаки приняли уже не одну чарку, поэтому не совсем твердо стояли на ногах. И первый казак, споткнувшись о ногу второго, упал вместе с осетром и блюдом к ногам атамана и атаманши и тихонечко выругался: «Черт бы тебя побрал!» Второй казак не расслышав и подумав, что началось поздравление, бодрым голосом продолжил: «Вместе с твоей Меланьей Карповной!» А третий — закончил: «И вместе со всем Войском Донским!» Однако Степан Данилыч простил незадачливых казаков. Атаман был абсолютно счастлив. Он был хозяином Дона, ему принадлежали огромные богатства и молодая красавица-жена.

Приблизительно в это же время атаман начинает строить свое загородное имение — Зеленый двор. Дача была построена в версте от Черкасска. Дом был поставлен деревянный, при нем разбит прекрасный сад. Во дворе помещался погреб для хранения

вина, здесь же стояла кибитка, где находились охранявшие атамана казаки. На плане окрестностей Черкаска XVIII века и Красный, и Зеленый дворы уже изображены. Кроме хозяйственных построек, на плане Зеленого двора мы можем видеть большой пруд. По приказу С. Ефремова в пруд были выпущены огромные белуги и осетры, и в качестве светского развлечения Меланья устраивала катание на осетрах. Она, сидя в кресле, созерцала это зрелище, а для мужчин делались небольшие лодки-кайки, в которые и впрягали осетров. И тот казак, которому удавалось удержаться в этой лодке и не вывалиться из нее, получал от атамани денежное вознаграждение.

«Блаженную жизнь проводил Степан в своем загородном Зеленом дворе, окруженный любовью жены своей доброй и добром поминаемой Меланьи Карповны в богатстве, довольстве, изобилии и сибаритской роскоши, надеясь на искреннюю и сыновнюю привязанность к себе всех донцов без изъятия»³².

Но «изъятия» были. В государственную военную коллегия поступают доносы от старшин Кирсанова и Юдина, в которых они пишут о том, что Степан Ефремов берет взятки, строит дома из государева леса и хочет быть менее зависимым от русских императоров и императриц.

Военная коллегия шлет три указа Ефремову с требованием прибыть в Петербург. Но атаман игнорирует эти указы. Тогда в ночь на 9 ноября 1772 года отряд регулярных войск под командованием поручика Ржевского арестовывает Степана Даниловича на его загородной Зеленой даче. Арест Ефремова вызвал волнение в Черкасске. Колокола ударили «на сполох», казаки пришли в неистовство, требовали выдать им атамана, угрожая в противном случае всех старшин «перебить в смерть». Поднялись казаки верховых станиц и спешили к Черкасску, чтобы освободить атамана.

В ответ на все обвинения С. Ефремова, собравшиеся в Войсковую канцелярию девятнадцать старшин, два есаула и множество казаков написали «опровержительные пункты» и оправдали атамана:

«1. Чтоб войсковой атаман Ефремов из корыстолюбия брал с казаков взятки и распустил их в дома, никто не знает и ни от кого в том жалоб Войску не было.

2. Какие б в нем оказывались знаки недоброжелательства к империи и обществу своему, тоже никто не знает.

3. Чтоб он войсковой атаман, в случае ему какой неудачи, имел намерение уклониться под покровительство союзных татар, никто не знает и не слышал поныне.

4. Чтоб он войсковой атаман делал новые внушения народу, будто высшее правительство силится сделать всех регулярными, никогда от него не слышали»³³.

Свои услуги для освобождения Ефремова предложил и татарский князь Джан-Мабет-Бей. Узнав об аресте атамана, он прислал письмо, в котором писал: «...ныне мне известно, что Степан взят москалями и посажен под арест. Но если какая его вина и вам приятно иль нет... мы находимся с вами в соседстве и считать должно как за родственников, и потому соседству, если вам будет угодно, я могу стараться...»³⁴

На следствии в Петербурге выяснилось, что атаман брал взятки за производство в старшинский чин, открылись крупные хищения войсковых сумм, Ефремов был обвинен в сепаратизме. За эти преступления Военная коллегия приговорила его к смертной казни через повешение. Однако Екатерина II, памятуя о том, что когда-то, в 1762 году, Степан помог ей взойти на российский престол, отменила смертный приговор, заменив его ссылкой в эстонский город Пернов. Но уже в 1774 году Ефремову разрешили поселиться в Петербурге.

В Черкасске все имение Ефремова было описано и взято под секвестр. Здесь же осталась его жена Меланья Карповна и шестеро детей. Многочисленное семейство атамана получало содержание «из имения мужа: шестьсот рублей в год, да сверх того муки ржаной по девяносто, пшеничной — по тридцать, пшеница — по пятнадцать, круп гречневых — по семь с половиной, овса — по сорок пять четвертей. Яловиц

— по пятнадцать, баранов — по шестьдесят голов, масла коровьего и конопляного — по пятнадцать, соли — по тридцать пять пудов, вина виноградного горячего — по шестьдесят ведер на каждый год, начиная с 1774 года».³⁵ Но, говорят, практичная атаманша успела припрятать значительную часть богатства раньше описи.

Находясь в Петербурге, С. Ефремов пишет письма на Дон своим друзьям старшинам. В этих письмах он рисует себя нам человеком независимым, полным сознания собственного достоинства, непреклонной воли, с твердым характером и обширными честолюбивыми планами.

Огромное богатство давало ему возможность жить как истинному вельможе, с невиданной на Дону роскошью. Ему вполне соответствовала знаменитая атаманша Меланья Карповна. Чета Ефремовых отличалась благотворительностью церквям. На речке Белой Калитве была основана слобода Степановка, и первая церковь в ней построена на средства основателя слободы Степана Ефремова, во имя первомученика архидьякона Стефана. Освящена эта церковь была в октябре 1775 года. В это время Степан находился в Петербурге, уже разжалованный из атаманов. Поэтому устроительницей храма была Меланья Карповна, которая пожертвовала от себя все украшения. В 1783 году в слободе Большинской, принадлежавшей Ефремовым, на средства Меланьи была построена еще одна церковь, в честь Рождества Пресвятой Богородицы. В 1804 году, в год своей смерти, Меланья Карповна пожертвовала в домовую церковь золотой восьмиконечный крест, украшенный 38 алмазами и 150 яхонтами, весом два фунта. В 1764 году Степан Данилович и Меланья Карповна жертвуют в эту же церковь Св. Евангелие, обложенное серебропозолоченными досками. Весило оно два пуда.

В 1784 году Степан Данилович Ефремов скончался в Петербурге «от злой язвы» и был похоронен на территории Александро-Невской лавры. На могильной плите была высечена надпись в стихотворной форме, заканчивающаяся словами: «Сей преставившийся Степан Данилович Ефремов был сын тайного советника и донских войск атамана Данилы Ефремовича Ефремова, родился в 1715 году, июля 27... войсковым атаманом был 19 лет с 1753 по 1772 гг., скончался 1784 года, марта 15, жития ему было 69 лет»³⁶.

Со смертью Степана Ефремова закончилось тридцатичетырехлетнее правление династии Ефремовых на Дону.

Подводя итоги, мы можем сказать о том, что большие изменения происходят в общежитии донских казаков в атаманство Ефремовых, правление которых приходится на царствование Елизаветы Петровны и Екатерины II, с характерной для этого периода эстетикой барокко, когда понятие красоты было адекватно понятию роскоши и великолепия.

Огромные богатства Ефремовых дают им возможность построить родовое поместье с хоромами, церковью, кухней, погребями, каретным сараем, ледниками.

Практически все старшины, жившие в Черкасске в XVIII веке, имели загородные дома, куда донская знать выезжала на лето. По богатству и роскоши наиболее известны были загородные дачи Зеленый и Красный двory, принадлежавшие Ефремовым, с обширными домами, прекрасными садами, которые были украшены беседками и прудами. На Красном дворе стояла походная полотняная церковь с прекрасным серебряным иконостасом. Здесь же находились десять шатров и пять кибиток, где проживали дворовые люди Ефремовых. Наличие шатров и кибиток — это своеобразие дворянской усадьбы на Дону.

Именно у Данилы Ефремова появляется первая на Дону портретная, галерея, которая станет тем ядром, вокруг которой впоследствии станет формироваться картинная галерея Дона, насчитывающая около ста портретов.

Появление портретной галереи было связано не только со стремлением казачьей знати утвердить свои привилегии, которые выражались в праве избранных на пара-

дное изображение, но и желание быть светскими и просвещенными людьми. Наличие портретной галереи в доме — это по понятием современников, признак светскости и просвещенности. Неслучайно уже в 90-е годы XVIII века появляется первый профессиональный донской художник — Андрей Жданов, закончивший Петербургскую академию художеств в 1794 году с большой золотой медалью.

Культура атаманской усадьбы, как, впрочем, и вся культура казаков развивалась под влиянием культур народов России, Украины, Кавказа и Востока. Территория донских казаков находилась на стыке разных этносов, само казачество формировалось из разных этнических групп. Все это, безусловно, повлияло на культуру казаков, особенно на ту ее часть, которая была связана с материальным миром.

Вторым мощным фактором, который повлиял на формирование и материальной, и духовной культуры донских казаков — была военная служба.

Несмотря на то, что быт старшин и дворян достаточно сильно отличается от быта рядовых казаков, между ними еще нет «стены», которая бы отделяла их друг от друга. Их связывают еще сословные интересы, права и привилегии, которые имели казаки в отличие от иногородних. Простота нравов продолжает преобладать в отношении старшин и казаков. Излюбленным видом общения были казачьи беседы, где собирались и рядовые казаки, и старшины, невзирая на имущественные различия.

Но старшинская знать уже стремится получить сама и дать образование своим детям. Образование становится делом престижным, поскольку образованному человеку легче сделать военную карьеру.

- 1 Постникова-Лосева М.М. Русские серебряные и золотые ковши. М., 1953. С. 41.
- 2 РГАДА. Ф. 117. Ед. хр. 116. Л.158 об. 1738.
- 3 Там же. Л. 157 об.
- 4 Там же.
- 5 Там же. Л. 161 об.
- 6 Там же. Л. 160 об.
- 7 Там же. Л. 159 об.
- 8 АК и ДП XXXIV. Об Ефремовых. // Исторический вестник. Т. 89. С. 870.
- 9 Королев В. Н. //Донские казаки в XVII – XVIII вв. Походы, кругозор и просвещение. // В кн. «Проблемы источниковедения и отечественной истории». (Памяти А.П. Пронштейна).Ростов н/Д, 1999. С. 103.
- 10 Есаул (Попко И.Д.). Старый Черкасск // Военный сборник. 1861. № 12. С. 466.
- 11 Астапенко М.П. Донские казачьи атаманы. Ростов н/Д, 1996. С.148.
- 12 РГВИА. Ф. 1399. Ех. 431. Л. 1.
- 13 Донские епархиальные ведомости. 1870. № 5.
- 14 РГВИА. Ф. ВУА. № 22805.
- 15 Донские епархиальные ведомости. 1870. № 5.
- 16 Астапенко М. П. Указ. соч. С. 149.
- 17 Постникова-Лосева М. М. Указ. соч. С. 41.
- 18 ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 – 10.
- 19 Там же.
- 20 Есаул (Панко И. Д.) Указ. соч. Т. 12.
- 21 Там же.
- 22 ГАРО. Ф. 398. Оп. 1. Ех. 203.
- 23 Там же. Ф. 360. Оп. 1. Д. 7. Л. 7 – 10.
- 24 Там же. Ф. 2577. Оп. 2. Д. 15. Л. 38 – 40.
- 25 Там же. Ф. 338. Оп.1.Д.978.Лл.18-19.
- 26 Там же.
- 27 См.: Тучков С.А. Черкасск. 1800.
- 28 Филонов А. Очерки Дона. С. 105.
- 29 ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 – 10.
- 30 Донские епархиальные ведомости (ДЕВ). 1870. № 5. С. 145.
- 31 ГАРО. Ф. 360. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 – 10.
- 32 Астапенко М. П. Указ. соч. С. 149.
- 33 Филонов А. Очерки Дона. С. 135 –136.
- 34 Там же.
- 35 Филонов А. Указ. соч. С. 135 –136.
- 36 Там же.
- 37 Карасев А. Атаман Степан Данилович Ефремов. СПб., 1902. С. 14.

Валерий Калмацуй
член Союза писателей России
г. Новочеркасск
Ростовской области

Всё в порядке!

Не уходи

Жизнь, не спеши! Не уходи,
Ты – будто ветер в поле.
Ещё достаточно в груди
Любви к тебе и боли...

Ещё дубрава у бугра
Своей листвою колышет
И дальний голос топора
Доверчиво не слышит.

И под ногой ещё шуршат
Её сухие прутья,
И липы тонкие дрожат –
Дрожат у перепутья.

Лебеди летят...

Заболел... Жена в тоске томится
И крошит в заварку зверобой.
Я лежу, а огненные птицы,
Кружатся подолгу надо мной...
Слышу голос я: «Давай укрою.
Мало спал. Больные дольше спят...»
Улыбаюсь ей:
– А надо мною,
Посмотри-ка, лебеди летят!

«Что ты, муженёк, – откуда взяться?
Вот какой ты странный человек!
В это время бегают лишь зайцы,
Ты в окно взгляни, как валит снег». –
Пожимает хрупкими плечами.
У неё, смотрю, тревожный взгляд...
– Снег так снег, – согласно отвечаю, –
Только, всё же – лебеди летят...

В гости жду...

В гости жду тебя, дружище,
На дары донской земли.
Здесь, в озёрах, окунищи –
Как в Амуре горбыли!

А в степи, за дикой вишней,
В раннем зареве утра
Для твоей постели пышной
Рано зреют клевера.

В тесной кадке бродит жито –
По ночам фырчит, бурчит...
Кто-то скажет:
– Пережиток! –
Даже грозно «обличит»...

Только, Дон, ни в коем разе,
В передрягах многих лет
Не нарушит и не сглазит
Древних пращуров завет!..

Глоток озона

Для счастья мне – глоток озона
И шелест листьев на ветру,
Бескрайние просторы Дона,
Дымок станичный поутру...

И абрикоса запах пряный,
И суету домашних дел...
И чтобы я,
От счастья пьяный,
С тобой на лавочке сидел.

Бойкот

От тебя я уезжаю!
От себя я ухожу...
На крючок червя сажаю,
Окуней в реке ужу.

Но прожорливые рыбки
Объявили мне бойкот:
Нет удачи, нет улыбки...
Беспросветный дождь идёт –
Нагнетая с неба скуку,
Дождь неспешно моросит...

Как и окунь, так и щука, –
Всё бойкотом мне грозит.

Может быть, уехать дальше –
Место рыбное найти?..
Надо было думать раньше:
По дороге, на пути!

Тебе

Была моей ты нитью путеводной,
Ночным костром, не прячущим тепла...
Не ждут так родников в степи безводной,
Как ты меня, беспутного ждала.

Их нет ещё...

Луга зеленеют, не чая
Увидеть на празднике трав
Вихрастый костёр иван-чая,
И факелы жёлтых купав.

Не нужно особой смекалки,
Ты только внимательно глянь –
И скажешь, где вспыхнут фиалки,
А где – луговая герань.

Их нет ещё, ярких и нежных,
Но будут вот-вот – погоди...
Ты рано уходишь, подснежник, –
Всё лето ещё впереди!

Благодать

Здесь ветрам степным приволье...
Здесь ржаная зыбь полей...
И какая может доля
В жизни встретиться милей?

Здесь ковыль и медуницы,
И дождя косой ушат...
А весною даже птицы
Вам аукнуться спешат!

Когда есть вера...

Без веры жить – как быть в бреду, –
Разит безверье наповал!..

Я не споткнусь,
Не упаду
И не скажу, что я устал.

Расцвечен верою во мне
И каждый вздох, и день любой.
Она всё время по весне
Бывает с новою листвою.

Когда есть вера –
Даль близка.
Ведь по велению веры в зной,
В жару – от каждого листка
Повеет свежестью сквозной...

Счастливый миг

Видно, что судьбой самой
Дан счастливый миг свободы!
Мне подарен рай земной
Мановением природы.

И прижился рай в душе,
Растворяя капли боли,
То травинкой на меже,
То тропинкой в чистом поле.

Тишина

Чадят и зыбятся болота.
Шумит, качаясь, пьяный лес...
И тишина всё ждёт чего-то,
Всё бродит в поисках чудес.

Живёт в глуши и вряд ли знает
В наивной дикости своей,
Как человечество мечтает
О радости слиянья с ней!

Замкнутый круг

Вот миг – и где-то вдалеке
Вдруг канула ещё минута –
И вновь на этом сквозняке
Моя душа насквозь продута.

Морщины властно лоб секут,
И что ни день, ни ночь – в утрате...

И этот скользкий бег секунд
Дрожит на зыбком циферблате.

И снова я одним томим:
Что эта вычурная стрелка
Над кратким временем моим
Не спит, прилежная сиделка...

Так неужели без следа
Я проживу, коль в тишь и вьюгу
Спешу... бегу, как стрелка та, –
Бегу по замкнутому кругу.

«Виновница»

Галки радостно галдят –
Что весна, и будут правы...
Всюду прут и лезут травы,
Ручейки всюю бренчат...

Даже ветер стал шалеть.
Даже старый дуб угрюмый
Вдруг расправил плечи с шумом
И надумал зеленеть.

Ну и пусть, хоть допоздна,
Голосят, звенят, судачат...
Пишется легко – а значит,
Что «виновница» – весна!

Жизни колесо

Что за сладость – уставать! –
На морозе, без рубашки,
Не застав ещё кровать,
Топором тесать чурбашки.

Уставать, весь день идя,
Чуя силу в каждом шаге...
Уставать, пером водя,
Вслед за мыслью по бумаге...

Умориться, чтобы в сон
Провалиться без оглядки.
Значит, жизни колесо
Катится... И всё в порядке!

Новые имена... Новые имена...

Людмила Хлыстова
член Союза писателей России
г. Таганрог Ростовской области

Юла
рассказ

Это была необыкновенно красивая юла.

Если нажимать на витой серебристый стержень с хрустальным искрящимся шариком-ручкой сверху, юла сначала медленно, потом быстрее и быстрее начинала вращаться и всё ярче светиться изнутри. Маленькие, белые в яблоках лошадки под прозрачным куполом разгонялись по кругу, огибая изумрудную ёлочку в центре, и крохотные колокольчики принимались дилинькать свою сказочную, очень нежную мелодию.

Шурочка ложилась на пол и рассматривала завораживающий игрушечный цирк, величиной не больше арбуза, любовалась лакированными весёлыми лошадками, огоньками на пушистой ёлочке, красочным ковриком на «арене».

Когда у Шурочки родился братик Славик, её душа целый день кружилась и звенела колокольчиками, будто её любимая юла. А ночью она долго не могла уснуть, всё представляла, какой братик маленький, хорошенький, и как она будет его нянчить.

На следующий день они с папой Серёжей пошли проведать маму и Славика в больнице. Мама, осторожно поднимая братика, показывала его из окошка на первом этаже, и лучилась от счастья. Может, это солнышко играло в её глазах, может, белая косынка была ей к лицу, но Шурочка навсегда запомнила такой радостную улыбающуюся маму. И папа Серёжа кричал ей какие-то смешные слова и вёл себя, как мальчишка.

Славик был малюсенький, сморщенный, красный, совсем не такой, каким приснился ночью.

Дома с папой Серёжей они устроили уголок для Славика: достали и привели в порядок кровать, в которой раньше спала Шурочка, положили новый в ярких мячиках матрасик, перемыли погремушки и резиновые уточки, погладили пелёнки, распашонки. Рядом с кроватью поставили столик с присыпками, бутылочками и градусником.

Особенно старалась шестилетняя Шурочка.

— Надо, чтобы Славiku у нас понравилось, — рассуждала она, подражая маминной манере говорить.

В день, когда маму с братиком выписывали из больницы, все были очень возбуждены, суетились, громко разговаривали: и папа Серёжа, и бабушка Тома, и сама Шурочка. Для мамы приготовили красивый букет роз, а для Славика — огромный пакет с «приданным» — так сказала бабушка Тома. Шурочке стало интересно, почему так называется содержимое пакета, и она заглянула в него, когда взрослые вышли из комнаты. В пакете были просто пелёнки, чепчики и распашонки, которые гладили они с папой Серёжей, и ещё голубое атласное одеяльце с белыми кружевами.

Тут вернулась бабушка Тома и напустилась на Шурочку:

— Ты чего туда полезла?! Всё перевернула! Это для маленького.

Девочка насупилась:

— И ничего я не ворошила, только заглянула разок...

— Шура! Ты ещё не в куртке! Такси приехало! — влетел в комнату папа Серёжа.

— Одевайся.

Он одним махом застегнул ей молнию на курточке, подхватил пакет с вещами новорождённого:

— Живо в машину!

Бабушка Тома взяла цветы, и все вместе вышли из дома.

Раньше у Шурочки был просто папа. Только она его почти не помнит. Он ушёл от них, когда ей было три года.

Пока не было папы Серёжи, они с мамой жили плохо. Когда Шурочка просила «киндер-сюрприз» или игрушку, мама всегда говорила:

— Нет денег...

А она не понимала, почему мама говорит «нет денег», если в кошельке у неё лежит несколько цветных бумажек, которые люди называют деньгами.

Когда не было папы Серёжи, они ели всё невкусное: кашу без мяса или макароны. Мама часто сердилась и плакала. Несколько раз приезжал папа. Шурочка забиралась к нему на колени, и он давал ей кулёк конфет. Она помнит его немного колючие щёки и большие ладони с красивым кольцом на одном пальце.

С мамой они о чём-то спорили. Однажды мама сказала:

— Ты так редко приходишь, что дочка стала забывать тебя.

— И правильно. Пусть отвыкает, — спокойно ответил отец. — Выйдешь замуж — её другой воспитывать будет. А мы с Мариной скоро совсем уедем.

Тогда Шурочка ничего не поняла. Почему папа уезжает и не хочет взять их с мамой?

Под Новый год папа пришёл к ним последний раз и подарил юлу, а маме дал денег.

А потом появился дядя Серёжа, и ей сказали, чтобы она звала его папой.

Шурочке было уже пять лет, и она сама хотела, чтоб у мамы завёлся муж. Мамин друг был весёлый, покупал бублики и шоколадки, и она согласилась называть его «папа Серёжа», чтобы не путать с первым папой.

Славик рос медленно. Сначала Шурочке очень хотелось с ним поиграть. Но братик то спал, то кричал, то «кормился от мамы».

Зато на прогулку всегда выходили вместе, и ей, как старшей сестре, разрешалось катать коляску сколько угодно. Братик засыпал на воздухе почти сразу. Мама садилась в тени на лавочку с соседкой тётей Соней и вязала для Славика ползунки или шапочку, а Шурочке надо было возить коляску взад-вперёд по дорожке.

Самое интересное было, когда его купали в ванночке. Мама заворачивала Славика в тонкую пелёнку и опускала в тёплую водичку. Малыш так смешно замирал, будто к чему-то прислушивался, ротик округлялся в колечко, а глазки становились большими и удивлёнными, вроде он хотел спросить: «Ой! Что это такое?» Мама и папа Серёжа переглядывались и по-доброму посмеивались.

— Серёжа, держи, держи ему головку, чтоб вода в ушки не попала! — беспокоилась мама. Шурочке тоже хотелось помогать маме купать Славика. Она зачерпнула в ладошку воды и плеснула на маленького. Брызги нечаянно полетели ему в личико. Славик поморщился, но не заплакал, а Шурочка испугалась, что её сейчас отругают.

— Шура, — папа Серёжа строго обернулся. — Выйди из ванной. Тут и без тебя тесно.

Она пошла в детскую и завела свою подружку — юлу. Размерно бежали лошадки по кругу, тонко и жалобно пели колокольчики, и загадочный свет внутри купола манил её куда-то так, что щемило в груди.

«Хорошо бы стать маленькой, как Дюймовочка, — думала Шурочка, — и покататься вот на этой лошадке с голубой гривой или на коньке с золотым седлом...»

Днём малыш спал очень чутко, и старшая сестра первое время не могла привыкнуть, что нельзя прыгать и громко говорить, нельзя включать «мультки», а выходить из комнаты надо так осторожно, чтобы не заскрипела дверь.

Вот и теперь... Славик спал. Шурочка рисовала синичку на ветке, а хвостик у птички никак не получался. «Художница» потянулась за резинкой, задела ножницы, и они со звоном упали на пол.

Малыш вздрогнул и зашёлся криком, сестра испугалась не меньше его, и, чтобы он замолчал, стала трясти над ним погремушкой. Прибежала мама, схватила братика на руки, и в сердцах повернулась к дочке:

— Ну что ты за растяпа? Тебя просишь, просишь не шуметь!.. Или ты назло делаешь?

Шурочке хотелось лечь и заснуть, чтоб никогда не проснуться. Она прилегла на диван лицом вниз и стала смотреть на палас. На нём был интересный загадочный орнамент. Тёмно-зелёные завитки закручивались в красивый узор, а светло-жёлтые спирали вились рядом, подчёркивая и оттеняя зелёный рисунок. Шурочка стала следить глазами за светлыми полосками, будто пробиралась по лабиринту, но везде наткнулась на зелёный тупик. Постепенно она задремала.

Проснулась от громкого разговора и суеты. Это мама собирала Славика на прогулку.

— Поднимайся, Шурочка. Идём на улицу. Переодень платье, возьми вот это голубое.

Возле магазина они неожиданно встретили давнюю мамину подругу тётю Ларису и её дочку Дашу.

— Привет! — обрадовалась Даша. — Поздравляю тебя с братиком!

Даше уже двенадцать лет. Раньше, ещё до папы Серёжи, тётя Лариса с дочкой часто приходили к ним в гости, и эта девочка очень нравилась Шурочке, потому что была ласковая и умная.

— Какое у тебя красивое платье. К твоим голубым глазам...

Шурочка сама очень любила это платье. Оно было такое воздушное и нарядное, а если покружиться, юбка надувалась фонариком. Его сшила мама, когда Славика ещё не было.

Шурочка хотела сказать, что у неё новый папа, но постеснялась. Она вдруг услышала приглушённый разговор мамы с подругой.

— Ну как? — спросила тётя Лариса, как-то по-особенному поводя бровями.

— В общем... ничего. Пока держится. Сына обожает.

— А с Шурочком?

— С ней — хорошо. Всё нормально.

— Скоро в школу пойдёшь? — ободряюще обратилась тётя Лариса к Шурочке, заметив, что та внимательно смотрит на мать.

Шурочка кивнула и опустила голову. Она могла бы рассказать, что папа Серёжа купил ей ранец и красивенький пенал, и всё-всё, что нужно для школы, но почему-то не хотелось.

Славик подрастал, и с ним интереснее стало играть. Он уже садился в кроватке, тряс погремушкой, лопотал без умолку: тя-тя-тя, де-дя-дя!

Однажды Шурочка проснулась ночью от того, что все не спали. Горела лампа, свет которой из-под наклонённого абажура слепил глаза. Славик на руках у папы Серёжи капризничал: то хныкал, то начинал громко плакать. Мама готовила лекарство.

— Свет!.. — захныкала Шурочка.

— Отвернись к стенке и спи, — резко сказала мама. — Славик заболел.

— А что с ним? — девочка приподнялась на локте.

— Ничего... Зубки лезут. Температура подскочила. — Она растирала спинку малыша каким-то раствором, а он визжал.

— Что ты ему делаешь? — Шурочка никогда не слышала, чтоб Славик так кричал.

— Тебе сказано: спи, — вмешался папа Серёжа, помогая маме завернуть ребёнка в одеяльце. Та прижала малыша к себе и стала ходить с ним по комнате, что-то приговаривая ему на ухо. Голос у неё был тревожный и жалобный, будто плохо было ей, а не Славику.

— Славунька, маленький... Солнышко моё...

Шурочке было жалко маму и братика, нестерпимо щипало глаза, и она часто моргала, уткнувшись лбом в подушку. Дышать мешал жар в горле. «Лучше бы я сейчас была маленькой и заболела. Мама бы носила меня на руках и жалела, — думала она. — Славика все любят...»

— Мам... А я... не солнышко? — тихо подала она голос.

— Конечно, и ты — солнышко, — мама подошла и положила ладонь Шурочке на голову. — Но ему плохо сейчас, понимаешь? Он маленький, беззащитный. Ему больно.

Было невыносимо приятно от слов мамы, от её мимоходной ласки и горько оттого, что она всё равно думает не о ней, а о своём «Славуньке».

«Подумаешь... растут зубы, — размышляла Шурочка. — Когда у меня шатался зуб, мне тоже было больно... Но тогда мама отругала меня, «чтобы не ныла». А Славик уже большой. Скоро девять месяцев».

...В день рождения Шурочке подарили настоящий двухколёсный велосипед. Такого красивого, фиолетового, с никелированными рулём и колёсами, с разными блестящими «штучками» велосипеда не было ни у кого из соседских детей!

Несколько дней подряд по вечерам папа Серёжа водил Шурочку на спортивную площадку, учил её кататься и держать равновесие. Сначала он бегал за велосипедом, поддерживая Шурочку за седло и кричал:

— Смелей! Держи руль! Быстрее педали...

А она и не боялась, потому что поверила: папа Серёжа сильный и не даст ей упасть.

На третий день она ездила уже уверенно, легко делала поворот, садилась на велосипед и прыгивала с него сама, без помощи папы Серёжи.

Как-то раз папа Серёжа сказал:

— Ты покатайся, а я в ларёк за сигаретами. Тут рядом.

— Ага! — на ходу откликнулась Шурочка, заходя на новый круг.

Издали за ней наблюдали мальчишки лет по одиннадцати. У двоих из них были скейтборды, а двое стояли просто так, смотрели, как катается девчонка. Им, наверное, тоже хотелось иметь такой велосипед.

А Шурочка, перед ними ещё хвастливой крутя педали, выехала на наклонную дорожку. Велосипед разогнался так, что от встречного ветра перехватывало дыхание. Вдруг по той же дорожке пустился за ней мальчишка на скейте. Другие стали кричать:

— Давай, давай! Подсекай её!

Шурочка уже и рада была затормозить, да почему-то не получилось.

— О-ой! — она поняла, что сейчас они столкнутся, сильно зажмурилась и грохнулась на асфальт.

Слёзы боли, обиды брызнули из глаз, а страх за то, что велосипед, такой сверкающий, великолепный велосипед, испорчен, заставил зареветь её во весь голос.

— А ну, стой! — услышала она вдруг крик папы Серёжи, увидела, что мальчишки бросились кто куда, но он догнал её обидчика, схватил за шиворот. — Смотри, ещё раз полезешь к ней — ноги повывёртываю!..

Домой шли молча, папа Серёжа вёл «за рога» пострадавший велосипед. Шурочка семенила рядом, боль притихла, а сердечко сжималось от боязливого уважения к папе Серёже, от чувства виноватости и в то же время тайного злорадства, что «плохой мальчишка» получил по заслугам.

С этого дня Шурочка всё чаще говорила вместо «папа Серёжа» просто «папа», особенно, если слышали другие дети: пусть думают, что это её родной отец.

Когда мама уходила куда-нибудь надолго, она просила «посидеть» со Славиком бабушку Тому.

Баба Тома — мать папы Серёжи. У неё короткая шея, а серьги почти до плеч. Когда она говорила, то противно выворачивала нижнюю губу. Со Славиком она была добренькая и сюсюкала с ним.

— У-ти — буси... Коза, коза рогатая, — пырляла она малыша в животик и, когда он кхекал, смеялась и тискала его.

Шурочка недолго любила бабу Тому, потому что она всё время ябедничала.

«Шура непослушная... своенравная», — говорила она маме. Или ещё: «Она хитрая. Ты её вырастила эгоисткой».

Если Славик хныкал, «Короткая шея» заводила ему юлу. Тот прислушивался к серебряным колокольчикам, улыбался и тянул к игрушке ручки. Шурочке было немного обидно, что баба Тома берёт её юлу без спросу, но для братика не жалко.

В этот раз мама ушла в парикмахерскую. Шурочка старалась не попадаться на глаза бабе Томе. Зачем её трогать? Пусть себе укачивает Славика. А он и не думает спать. Мама совсем не так поёт ему колыбельную...

Шурочка взяла альбом с фотографиями, на которых она была маленькой.

Она любила рассматривать эти снимки, потому что в них и папа, и мама, и Шурочка были семьёй.

Захотелось есть... Шурочка положила альбом на место, чтобы мама не сердилась, что она снова брала его, и прошла на кухню. В холодильнике не было ни йогурта, ни шоколадного сырка. Только яйца в лотке.

Она захлопнула дверцу и отошла к окну. Во дворе кот Барсик охотился за воробьями.

Очень есть хочется.

Шурочка подумала, что нет ничего проще, чем поджарить яичницу. Она сто раз видела, как это делает мама. У неё даже слюнки потекли, когда представила, какой она приготовит омлет!

Сковороду — на конфорку... Так. Электроплитка включается легко. Просто, повернуть ручку. Теперь надо налить масла. Тоже ничего трудного. Шурочка часто помогала маме на кухне и знала, где что хранится. Яйца она осторожно, хотя и не совсем ловко, разбила в мисочку, плеснула в них молока из пакета и начала взбивать весёлкой.

Так... Что ещё? Соль или сахар? У мамы всегда такой вкусный омлет. Наверное... сахар.

Шурочка потянула с полки пакет с сахаром, тот лопнул и мелкие белые кристал-

лики рассыпались по полу.

«Теперь точно попадёт!.. — пронеслось у неё в голове. В панике Шурочка схватила веник и стала сметать сахар в совок. — Если быстро убрать, может, не заметят», — в надежде подумала она.

Но тут с криком вбежала баба Тома.

— Откуда чад? Ты что здесь творишь?

Только теперь Шурочка увидела, что масло на сковородке дымит, как костёр с сырыми листьями, а в кухне сизо от чада.

Баба Тома быстро выключила плиту и раскрыла окно настежь. Потом стала задавать вопросы: где у Шурочки мозги, и чем она думает? «Короткая шея» так кричала, что проснулся Славик. Она ещё не всё сказала, как пришла подстриженная мама. На её лице замер испуг, потому что слова бабы Тома были слышны даже на улице.

— Что случилось?! — когда мама волновалась, её глаза увеличивались на два или три размера.

— Пусть сама расскажет, что натворила, — взвизгнула «Короткая шея», и губа у неё оттопырилась, как у обезьяны.

— Я хотела сделать омлет, — еле слышно сказала Шурочка.

— Она испортила весь сахар. Её надо как следует наказать!

— Ладно, разберёмся, — хмуро проговорила мама и побежала к Славiku, потому что он уже закатывался в крике.

Позже, когда Шурочка сидела в детской комнате и горестно смотрела на неподвижную юлу, мама на кухне громко спорила с бабой Томой.

«Странно, — думала девочка, — я же, правда, нашкодила, а мама защищает меня... Почему она защищает?»

Шурочка невесело взялась за хрустальный шарик юлы и плавно нажала. Белые лошадки с готовностью тронулись с места. Они будто говорили: «Не переживай! Мы рады тебе! Видишь, как стараемся для тебя!» Уже не было дивного свечения внутри, но колокольчики грустно выводили свою мелодию.

Потом пришёл с работы папа Серёжа. Он был чем-то расстроен и не стал выслушивать жалобы матери и объяснения жены.

Он отвёл Шурочку в сторону и строго сказал:

— Ты понимаешь, что мог бы случиться пожар? И вы бы все сгорели! Что молчишь? Ты виновата?

Она кивнула.

— Не слышу.

— Да.

— Набедокурила — умей ответить. Стань в угол, лицом к стене. Там сегодня твоё место.

Шурочка с ужасом посмотрела на папу Серёжу. Ещё никто ни разу не ставил её в угол.

— Быстро!

У него было такое лицо, что ослушаться нельзя. Шурочка, дрожа, уткнулась лицом в угол. Такой обиды, такого стыда она не испытывала никогда в жизни. Она ждала, что мама защитит её, ведь говорила же она бабе Томе, что за это наказывать нельзя. Но спиной чувствовала, что мама отступилась от неё.

Все забыли о ней. Она стояла онемевшая, омертвевшая. Даже слёзы застыли в глазах и не вытекали. Шурочка слышала, как мама рассказывала Славiku сказку про Курочку Рябу. Никто не вспомнил, что она так и не поужинала. Никто не любил её.

Только поздно вечером, когда папа Серёжа уснул, мама выпустила её из угла и посадила на кухне пить молоко.

— Почему же ты молчала, Шура? Надо было попросить прощения.

Шурочка перестала запихивать в рот коржик и посмотрела на мать исподлобья.
— За что? Я же нечаянно.

Первое сентября был пасмурный день. Ничем особенным он Шурочке не запомнился. Мама взяла с собой Славика, потому что его не с кем было оставить. Он не хотел сидеть в коляске, просился на землю. Мама пробежала за ним всю торжественную часть и не увидела, как поздравляли первоклассников. Потом детей строем повели в классы. Школа была старая, и пахло в ней старым. Шурочку посадили с незнакомым мальчиком. В первый же день он отнял у неё точилку для карандашей.

С учёбой не заладилось. И хотя Шурочка уже умела читать и немного считать, успехи её были посредственные. В тетрадках на каждой странице было написано красной ручкой: «Пиши аккуратно!», «Не спеши!», «Старайся!» А разве она не старалась? Вообще, учительница Алла Антоновна любила писать в дневнике разные письма для родителей. «Жевала на уроке», — было написано в понедельник. «Смотрела в окно на математике», — во вторник. «Опоздала с перемены», — красовалось в четверг. А в пятницу Алла Антоновна написала с тремя восклицательными знаками: «Принесла на урок ящерицу!!!»

А куда же ей её нести? Она встретила это изумрудное чудо по дороге в школу. Просто, Шурочка думала, что ящерка не сможет выбраться из ранца, но шустрячка перебежала прямо с парты на учительский стол. Наверное, Алла Антоновна испугалась до смерти, потому что вскочила и закричала так, будто на неё сейчас приземлится самолёт.

За каждую надпись дома устраивали ученице «проработку».

Мама быстро научилась кричать на Шурочку каждый день. А Славика она совсем не ругала. Даже когда он в школьной тетради всю страницу каракулями исписал, ему — ничего, а ученице — подзатыльник: не бросай! Да ещё мама заставила всё переписывать.

Шурочка писала и думала: «А может, Славик один у мамы родной? А меня в «Доме ребёнка» взяли? Разве можно кричать такие слова, если любишь? Всё «Славик, Славунька»! А он вредней и вредней становится. Чуть что — на пол падает, орёт, ногами стучит. И всегда своего добивается».

Нет, не то, чтобы Шурочка перестала братика любить, а, просто, неправильно и обидно, когда один за другого вечно виноватый.

Папа Серёжа тоже любил одного Славика и всё ему разрешал. А с Шурочкой разговаривал только, когда надо было поругать.

...В начале мая вдруг приехал папа. Настоящий, о котором Шурочка почти не вспоминала. Он взял её у мамы, и они целый день гуляли в парке, катались на всех каруселях. А потом пошли в детское кафе, и ели такие сладости, каких Шурочка никогда не пробовала. Папа теперь жил в Звенигороде со своей новой женой Мариной, и у него всё было хорошо. Только детей не было, и он сказал маме, наверное, не будет. Поэтому он подумал про Шурочку и приехал. И ещё будет приезжать.

Она потом долго вспоминала этот день с папой.

Скоро будут летние каникулы. Это самые большие каникулы для детей, чтобы они отдыхали от школы.

Мама пошла мыть чей-то подъезд. Она часто мыла чужие подъезды, чтобы у них в семье было больше денег. Шурочка разучивала стихотворение, что им задала Алла Антоновна. Ещё надо было присматривать за братиком, потому что папа Серёжа задерживался на работе. Славик играл в соседней комнате. Стихотворение никак не заучивалось.

*«Травка зеленеет,
Солнышко блестит.*

*Ласточка с весной
В сени к нам летит...»*

Шурочка вспомнила, что в школе с ней за партой сидел мальчик Сеня. Он её все время толкал под локоть, и у неё в тетрадке получались закорючки.

*«... ласточка с весной
В сени к нам летит».*

Славик чем-то стучал по полу.

*«С нею солнце краше
И весна милей...»*

Про-ще-бечь... Процебечь с дороги...»

Шурочка посмотрела в окно. Там с криком носились стрижи.

Она задумалась. «Интересно, а чем отличаются ласточки от стрижей?»

Славик перестал стучать и притих. Если он затаился, значит, делает шкodu.

Шурочка потихоньку заглянула в детскую.

Славка сидел на полу, перед ним лежала расколотая на две части юла, и он, сопя, выдирает из «арены» белых лошадок.

У Шурочки потемнело в глазах.

— Ты что делаешь! — закричала она, не помня себя. Она упала на колени, вырвала у Славки из рук остатки игрушки и, рыдая, стала прилаживать прозрачный купол. Но согнутый серебряный стержень не входил в гнездо, а стеклянный колпак висел скособоленно.

Горе Шурочки было таким большим, что не вмещалось в неё. Славка сначала заорал, лишившись забавы, но испугался слёз сестры и застыл с открытым ртом.

— Ты... ты, — она, задыхаясь, сжала кулачки. Что бы, только, она не сделала с ним сейчас, с этим тупым капризным бараном! — Ты будешь стоять вот здесь, в углу! — она потащила тяжеленного, упирающегося и визжащего Славку к простенку за кроватью. — Попробуй только выйти! Я тебе такого всыплю!

Но карапуз с истошным воплем вырывался.

— Не-ет! — сцепив зубы, шипела Шурочка. — Ты будешь стоять! — она схватила свой поясok от школьной формы и стала привязывать братишку к спинке кровати.

В запальчивости и от Славкиного ора она не услышала, как хлопнула входная дверь, и за спиной у неё появился папа Серёжа. Он рывком развернул Шурочку и, схватив её за плечи, тряхнул так, что у неё клацнули зубы. В ярости он не мог выговорить не слова.

От неожиданности, от ужаса, что у неё сейчас кончится воздух, Шурочка сдавленно закричала.

— Как... ты... посмела... поднять на него руку?! — с трудом справляясь с собой, зарокотал над ней отчим. От него пахло вином. Он оттолкнул Шурочку от себя и взял на руки дрожащего Славку.

Еле добралась Шурочка до чулана и затихла там. Мир рухнул в её сознании. Она слышала, как вернулась мама, как отчим пошёл в ванную и включил душ. Начинался любимый мамин сериал, и сейчас на целый час она приклеится к телевизору.

Шурочка неслышно пробралась в детскую, нашла свои деньги, которые она «наколядовала» в Рождество по соседям и тихо вышла из дома.

На улице было тепло и пусто. Люди разошлись по домам, ужинали, смотрели телевизор.

Вокзал был недалеко. Шурочка направилась к нему пешком. Она берегла деньги для билета на поезд до красивого города Звенигород. Наверное, там радостная счастливая жизнь, светят яркие огни и звенят серебряные колокольчики, как в её необыкновенной юле. Там живёт её родной папа. Жилин Геннадий Иванович.

Новые имена... Новые имена...

Дмитрий Ханин

член Союза писателей России
г. Ростов-на-Дону

Найду себя чуть-чуть другим

***

У картины А. Саврасова «Грачи прилетели»

Видно, боги смеяться устали
И не смеют Любви отказать,
В голубую беспечность проталин
Загляну, будто Небу в глаза.

Я боюсь изменений погоды:
Словно память, тают снега –
И сиротское чувство свободы
Снизойдёт на пустые луга.
Точно крестик на раненом теле,
Выручает Надежда опять –
Понимаешь, грачи прилетели,
Не боясь никуда опоздать.
Не боясь оказаться чужими
На своей неуютной земле,
Возвратились домой пилигримы
На поклон престарелой зиме.
И дрожит горизонт на пределе,
Как дрожат на пределе слова:
Если к дому грачи прилетели,
Значит, Родина наша жива...

2010

***

Терпенью полагается лимит –
Я ухожу от ругани и лести,
И, может быть, мой голос не уместен
В той жизни, что литаврами гремит.
Ни петь, ни выть не хочется теперь,
Ни штукатурить водкою недуги
И ни искать под сенью дикой вьюги
В страну чудес ржавеющую дверь.
Я отправляю на переучёт
И неизбежно – на переоценку

***

«Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдёт обиженный!» (Аркадий и Борис Стругацкие «Пикник на обочине»).

Не зовите меня поэтом:
Я пишу нарочито плохо –
Словом, выпавшим из газеты,
Не прикроешь свою эпоху.
Мы же, занятые пиаром,
В рай не станем мостить дорогу –
С транспарантами «счастье даром!»
Митингуем у входа к Богу.
А когда по весне порою
Бойко лезут мечты наружу,
Так охота банкет устроить,
Раскрошив по тарелкам душу...

Но не хочется лезть на рею,
Где верёвка играет с ветром.
Поглядите, как чайки реют!..
Не зовите меня поэтом.

2009

***

Я утром листал газету,
За чаем листал газету.
А после прочёл, как в детстве,
Виктора Гюго «Козетту».
И понял, что люди братья, –
Конечно же, люди братья,
Что, впрочем, не означает
Ни верности, ни обьятья.
Ты видишь: повсюду лица,
Такие же точно лица.
Ты веришь: мне очень скучно –
Я знаю, что мне приснится.
Истратил весь день, мечтая,
Так просто – весь день мечтая...
Чем можно ещё заняться,
Врагами не обрастая?
А если меня отринешь,
То время меня отринет.
Я правды не вижу в людях,
Но жить не могу в пустыне.
Взлети поскорей на крышу –

На белую с тёмным крышу,
Как будто бродячий аист –
В надежде сбежать повыше.
Не хлопай на память дверью,
Так больно не хлопай дверью...
Ты знаешь, ты что-то знаешь.
Ты веришь? А я – не верю.
Но если меня отринешь...

2010

***

Ах, боже мой, продай на рынке сердце,
Коль жизнь тебя к базару привела –
Здесь, по закону Джоуля и Ленца,
Почти не выделяется тепла.
А без тепла, как ангелу без крыльев,
Душе придётся вытерпеть молву...
Ах, чёрт возьми, Иванушка, не ты ли
Надежду заправляешь в тегиву?
Лягушка не всегда слывёт царевной,
Но – сказку эту как ни назови –
Так холодно бывает во Вселенной,
Что и лягушке хочется любви.

Повсюду ночь. В эпоху лихолетья
До горизонта ветер и тоска.
И звёзды, как свидетели бессмертья,
Оглядывают смертных свысока.
А я бреду к далёкому рассвету,
Порою спотыкаюсь, но иду,
Жалея путеводную комету,
Как падшую от горести звезду...

2010

***

Закат – как будто приговор.
Дружище, это же нелепо...
Не поднимай ты к небу взор –
Сквозь потолок не видно небо.
Официанта расспроси
О преимуществах ликёра,
А лучше – вызови такси,
Скажи угрюмому шофёру:
«Ямщик! Мне некуда спешить...
Я отдал всё на распродаже:
Обноски Родины и даже

Лохмотья собственной души...»
Сиди и молча пей абсент,
Предполагая, что когда-то
Твой уцелевший «секонд-хенд»
Предстанет антиквариатом!..
2010

***

Сорвалась жизнь нечаянно с пера
Строкой – на удивлённую бумагу.
Входили мысли с тёмного двора,
Не приняв тихой совести присягу.
И шёл обыкновенный белый снег,
Такой же, как и в прошлое столетье.
Была среда. А может быть, четверг...
Я ждал десерт из грёз моих – на третье.
Сидел у одинокого стола,
Поставленного в скучный дальний угол.
И думал, что «печаль моя светла»,
Но за окном куда белее – вьюга.
Кто друг для всех – тот никому не брат,
Кто всем слуга – тот над собой не властен.
Но если нет ни зла и ни добра,
То нет и между ними разногласий.
И нет вины сознательной ничьей –
Есть только равнодушные причины.
Я собираю жизнь из мелочей,
Выкладывая бисером картину,

Где пирогами держится изба,
Где на заре лучи нетерпеливы...
Да кто сказал, что нам нужна борьба? –
Я быть хочу не первым, а счастливым...
2009

Елена Пиетилляйнен
член Союза писателей России
г. Петрозаводск, Карелия

Спусти во Вселенную сердце

***

Обгоревшего неба излом
Впился в зубчатый выступ леса...
Ветви ивы связал узлом
Расшалившийся ветер-повеса.
К истомленной воде приник,
Распластался невинной зыбью...
Я глотаю блаженный миг –
Настоявшийся вечер выпью.

А у воли в невольном плену
Бродят кони за томной рекою...
Я в ладонь зачерпну тишину
И уставшую душу омою...

***

Осколки судеб и обрывки фраз...
Вся жизнь – разруха, словно после битвы.
Не первый раз война. Не первый раз
Людскою болью шар земной пропитан.

История не учит ничему.
Её спираль – аттракционы риска,
Сама она – великая артистка –
Правдоподобно
        вновь идёт в тюрьму.
А мы, схватив порожнюю суму,
Скитаемся по тёплым пепелищам,
Не зная сами, что на свете ищем...
Внимая сердцу снова, не уму.

***

Между тусклых дождей
        два светящихся дня
Средь оранжевых сосен
        разлиты.

***

Я о жизни судить не берусь –
Зелье горькое кажется в сладость.
Наизнанку бы вывернуть грусть –
Облачиться в линияющую радость!

Что кочевников гонит в путь –
Ненасытность бездомной волей
Или бегство от нежных пут
Очага и воскресных застолий?

Убивает и слово, и взгляд –
Рана не истекает кровью.
И смертельный змеиный яд
Возвращает больным здоровье.

Я о жизни судить не берусь –
Без добра не бывает худа.
И уйдя навсегда, вернусь
Из непознанного *ниоткуда*.

***

В облаках – как в плафонах матовых –
Солнце желтою лампой горит...
Говори со мной, Анна Ахматова,
Из вчерашнего говори.
В комаровских аллеях липовых
Или в хвойных лесах сухих
О стихах говорить могли бы мы...
Или, может быть, не о них.

Запоздало к тебе приехала,
Но хожу по земле твоей,
На которой залив – прорехою –
Неожиданней и светлей.
А на нём, как тогда, – представишь ли? –
Каменистой гряды разрез...
Над последним твоим пристанищем –
И стена, и чугунный крест.
Но за серой стеной бетонной
Шелестит каждый год трава.
Так из жизни твоей бездомной
Прорастают в стихи слова...

Наши гости — писатели Карелии...

Надежда Васильева
член Союза российских писателей
г. Петрозаводск, Карелия

Жили-были...
рассказ

*Светлой памяти деда моего, Спиридонова
Ивана Спиридоновича, посвящается:*

— Деда! Открой! Это мы! — стучит в дверь маленьким кулачком Верунька. За спиной стоят мама с папой, улыбаются, созерцая знакомую картину.

Уже перевалило за полночь. В деревне темно, и только запыленно лают собаки. Но это не тревожит их хозяев, они знают: каждую субботу в это время к Спиридонову Ивану приезжают дети. В прохладном коридоре пахнет берёзовыми вениками. С улицы доносится последнее сентябрьское стрекотание кузнечиков. Стоят тёплые дни запоздалого бабьего лета.

Вот скрипнула дедова кровать. Что-то тихонько ворча, дед подходит к двери.

— Кого там принесло... на ночь глядя? — нарочито недовольным голосом спрашивает он.

— Дедка! Да ты что, не узнал?! — звонко кричит Верунька.

— Не знаю, не знаю, у нас все дома, — за дверью продолжает вести переговоры дед.

— Дедуля! Открывай! — возмущённо кричит Верунька. — А то сейчас уедем обратно! — За спиной уже в голос хохочут родители, и нетерпеливо поскуливает старый пёс Тузик.

Наконец, дед откидывает крючок. Верунька с визгом бросается ему на шею.

— Ну, притворщик!

— Дю, рódная! (В слове «родная» дед почему-то всегда делает ударение на первом слоге) То — ты?! Не узнал... Больно редко приезжаете, — и, пряча улыбку, щечочет Верунькин нос бородой.

Деревня Горка, где живёт Верунькин дедушка, в двадцати километрах от их посёлка. Два раза в неделю туда ходит почтовая машина и один раз — автолавка. Вот и весь транспорт. А потому каждую субботу отец берёт в своей организации с непонятным Веруньке названием «РТС» лошадь, и к вечеру после работы они едут к дедушке. По пути мама с папой собирают грибы. Верунька держит в руках вожжи, правит, хоть лошадь, отлично зная дорогу, идёт сама. Когда начинает темнеть и грибов уже не видно, мама с папой забираются к Веруньке в старенькую и потому скрипучую телегу. Отец щёлкает вожжами, и Красавка припускает рысцей. Песчаная, гладкая дорожка слегка петляет по сосновому бору, предусмотрительно обходя холмы и ложбинки. Время от времени телегу подбрасывает на толстых корневищах, выложенных деревянными колёсами. Верунька протяжно тянет: «А-а-а!» И голос в груди смешно вибрирует от мелких ритмичных толчков. Вот мама начинает петь. Голос у неё, как у Зыкиной, громкий, переливистый. И над лесом плывёт: «Живёт моя отрада в высоком терему, а в терем тот высокий нет хода никому». Верунька пискливо вторит маме, потому как петь тоже любит. Иногда к ним присоединяется

папа, но у него нет слуха, и мама хохочет, как только он начинает тянуть не в ту сторону... Сумерки подкрадываются по-воровски, незаметно. Верунька косится по сторонам: жутковато и от этого совсем хорошо, потому что рядом мама с папой, и, значит, она в полной безопасности.

Зимой они ездят в деревню на санях. Папа гонит лошадь так быстро, что у неё пар валит из раздутых ноздрей. Снег поскрипывает под полозьями, искрится в лунном свете, и Веруньке кажется, что она едет в гости к самой Снежной королеве. Время от времени мама трёт ей щеки варежкой. Верунька зарывается поглубже в сено, укрываясь старым дедушкиным тулупом. Как она любит такие поездки! И вот, наконец, самый долгожданный момент: она стоит перед дверью и стучит, пританцовывая от нетерпенья и восторга.

В дом заходят шумно. Дедушка зажигает вторую лампу и следом за отцом идёт распрягать Красавку. Мама помогает бабушке накрывать на стол. Вот на нём появляются блюдо с горячими блинами, сковородка жареной свинины с луком, чугунок дымящейся картошки, латка с солёным творогом, помидоры, огурцы, глиняная кринка простокваши. Дедушка несёт из клетки соты с мёдом, мочёные яблоки, орехи. Верунька радостно прищёлкивает языком.

— Ку-да не-сёшь столь-ко?! — ворчит бабушка. — На-га-ше бе-рег-ла...

Наташа — дочь папиной сестры, которая живёт в большом городе. Она старше Веруньки лет на пять. Так уж повелось: Наташа — бабушкина любимица, Верунька — дедушкина.

— И Наташе твоей хватит, — обрывает дед. — К тому же она не маленькая.

Больную руку дедушка прячет за спину, стесняется. Она у него совсем высохла, и только кисть — красная и вспухшая, будто пчёлами искусанная. Где и когда дед перевязывает руку, никто не видит. Наверное, в своём закутке, за фанерным шкафом, где стоят деревянная самодельная кровать и тумбочка с лекарствами. Всё это скрыто от посторонних глаз цветастой ситцевой занавеской. Носит дедушка тёмную косоворотку, выпущенную поверх тёмно-серых хлопчатобумажных брюк, и кирзовые сапоги. Ходит он в сапогах и зимой, и летом, и дома, и на улице. Правда, в сенях всегда тщательно вытирает их мягкой тряпицей, чтобы ненароком на полу не оставить следов. Борода у дедушки с проседью и всегда аккуратно подстрижена. Верунька любит пошелудить её рукой. Дед непременно пугает: «Ам!». И хоть Верунька прекрасно знает все эти дедовы шутки, всё равно всякий раз с визгом отдёргивает руку, и дед, довольный, ухмыляется.

За столом Верунька, пристально разглядывая отца, бабушку и деда, спрашивает:

— Дедуля, как ты считаешь, папа на кого больше похож, на тебя или на бабушку?

Отец у Веруньки красивый, как артист. Веруньке нравится, когда ей говорят, что она — вылитый отец.

— На меня, конечно, — уверенно отвечает дед, обводя всех лукавым взглядом.

— Да ну?! — удивлённо сравнивает Верунька холёное папино лицо с тёмным морщинистым лицом деда. У бабули морщин меньше, наверное, потому, что она никогда не улыбается. Дед, задетый за живое, начинает с достоинством поглаживать плешь.

— Дю, рódная! Да я в его годы, пожалуй, покрасивше был. За мной девки гужом бегали. Рука-то у меня уж опосля женитьбы болеть стала. А ить ещё плясал как! У-у-у!

Дед украдкой наблюдает за бабушкой. Но та будто не слышит. Трясущейся рукой несёт ложку ко рту и жуёт размеренно и равнодушно. Большие, чуть навывкате, глаза её почему-то напоминают Веруньке пруды, вырытые для поливки. С краёв пруды заволакивает зелёная тина. И чтобы набрать чистой воды, нужно доньшком ведра сначала разогнать тину по сторонам. В дремотной воде прудов отражается и солнце,

и подсолнухи, и острая осока, на которой качаются стрекозы, напившиеся пахнувшей лягушками воды. И только дна в прудах совсем не видно. Какими бы длинными ни казались Веруньке дудки, измерить ими глубину ни в одном из прудов не удавалось. И только во время сильного дождя тёмная поверхность воды в них сильно пузырилась на радость лягушатам, которые с гулкими шлепками сыпались в воду с зелёных скользких мостков. Однако бабушкины глаза вряд ли бы оживила какая стихия. По крайней мере, Веруньке видеть такого не доводилось. Мама как-то рассказывала ей, что у бабушки какая-то хроническая болезнь, потому и делает она всё медленно, ходит мелкими шажками, покрёхивая на ходу, и даже когда говорит — губы у неё еле шевелятся. Вот и сейчас, когда отец начинает разливать водку по рюмкам во второй раз, бабушка принимается нудно канючить:

— Ва-а-нь! Не пей бо-ле, не сможешь утром скоти-ну обря-жать!

— От грызла! — взрывается дед. — Ну что с ей будешь делать?! Вечно под руку что-нибудь скажет! Будто пьяным меня видела когда! Еёное ли дело! Посуду б лучше шла мыть. А то с одной поварёшки уж пуд грязи съел!

При этих словах отец неодобрительно качает головой. А мама смело вмешивается в перепалку:

— Ну, про грязь-то ты, пап, зря!...Сам любишь маму, жалеешь, а так обижаешь!

— Тьфу, родная! Да что ты говоришь-то?! Кака там любовь?!

— А зачем женился тогда? — не отступает мама, стараясь перевести всё на шутку. И это у неё получается. Глаза у деда снова начинают озорно поплёскивать.

— Дык батя велел, — оправдывается он. — Я с армии пришёл, он мне и говорит: «Ты, Ваньк, значить, жениться должен. Мать совсем больная, трудно ей с вами оглоедями». Нас ведь в семье пятеро парней-то было. Я — самый старший. Иди, грит, к дяде Савотьке, у него три девки на выданье, выбирай любую, мы, грит, с ним уже договорились и магарыч выпили. Пошёл я, значить, к ним, гляжу — на полу, на сенных матрасах три девки лежат, тулупом прикрывшись. Увидели меня — за-верещали, тулуп на головы тянут, одни босые пятки торчат. Я — хватя одну за ногу! Дунька и попалась...

По довольному лицу деда видно, что вспоминать молодость ему приятно. Он снова косится на бабушку, надеясь вызвать её улыбку, но та, сложив на коленях руки, сидит не шевелясь, уныло уставившись на лампу, словно всё, о чём рассказывает дед, её ни в коей мере не касается. Всем становится неловко. И даже Верунька начинает ёрзать на скамейке. Потом, от нечего делать, обмакивает кусочек хлеба в сало, что застыло на сковородке, и бросает Тузику. Пёс всегда сидит на стрёме в двух шагах от стола и нетерпеливо сучит передними лапами. На лету подхватив лакомство, щёлкает зубами и, склонив голову набок, напряжённо следит за каждым Верунькиным движением. Тузик очень умный пёс и каждую субботу встречает их на самом краю деревни.

Бабуля медленно переводит взгляд с лампы на Тузика и, неизвестно к кому обращаясь, произносит:

— Пса-то кончи-ить на-до! Нет с не-го тол-ку. Ста-рый уж. Лас-тит-ся ко все-ем. Кор-мим зря-а...

Верунька поперхнулась и закашлялась так, что дедуле пришлось хлопать её ладонью по спине.

— Дю! Рóдная! Что ты? Бабуля шутит! — бросает он на бабушку строгий взгляд.

— От ведь кака!... Нашла о чём при ребёнке!..

Только какие там шутки! Верунька в жизни не видела, чтобы бабушка улыбалась. И почему-то сразу вспомнилось, как прошлой зимой, когда мама с папой оставили её в деревне на каникулы, у неё разболелся зуб. Не бабушка, а дед посадил её к себе на колени и гладил по голове, приговаривая: «У кошки боли, у собачки боли, у овечки

боли и у мышки боли, а у внученьки моей, Верушки, заживи!» Но от этих дедовых заговоров зуб болеть не переставал, и Верунька плакала всё сильнее. Дед ходил сам не свой: то прикладывал к её щеке нагретый у печки шерстяной платок, то поил каким-то травяным отваром, то вставлял в душло большого зуба смоченную водкой вату... Бабушка же растягивала по слогам опостылые упрёки: «Го-во-ри-ла ей, чтоб не вы-бе-га-ла раз-де-та-я на крыль-цо, так не слу-ха-ет ведь, упря-ма-я!»

И от этих её причитаний Веруньке совсем уже хотелось выть в голос.

Весной, когда размывало дороги и проехать в деревню было невозможно, Верунька очень скучала по бабушке, а вот бабу Дуню почему-то почти совсем не вспоминала.

Однажды из разговора родителей она узнала, что те собираются перевезти бабушку с бабушкой в посёлок. Отец устроился дежурным на подстанцию, ему пообещали служебную квартиру. На семейном совете было решено: как только они переедут на новую квартиру, бабушке с бабушкой отдадут свой дом. Веруньке трудно было представить, что приезжать в Горку больше будет не к кому. Дом продадут, скотину тоже. Не будет у них сада, где каждый обломанный сучок на старых яблонях подвязан бабушкиной рукой, каждый опадыш заботливо уложен в ящик под деревом. Не будет этих просторных, чисто выметенных горниц с широкими гладкими лавками вдоль окон, где есть даже специальные углубления для колки орехов. Положишь туда орех — и тук по нему молотком. Никуда не ускачет, сразу расколется. А как нравится Веруньке лежанка, покрытая жёлтой рогожкой, что так пахнет смоляными лучинками... Дедушка сушит их для растопки. Да и разве сравнишь русскую печку с плитой?!

Но больше всего, конечно, Веруньке жаль бабушкину клеть, что стоит в ближнем углу сада. Заглянешь туда — от ароматов начинает кружиться голова: мятая брусника в кадушках, сушёный укроп в пучках, вяленая рыба, солёный шпик, натертый чесноком... Всего понемногу, но такое богатство! Когда, только, дедуля успеваеет всё это заготовить?! И что будет теперь?!

Не решился бы дед на этот переезд, да баба Дуня всякий раз, когда они уезжали, плакала и причитала, что, мол, видят они её в последний раз и что до следующей субботы ей не дожить. Дед, конечно, сердился, ворчал на неё:

— Опять заныла, грызла! Детям в дорогу, а она их расстраивает! Только про себя и думает! А что, ежели доживёшь? Что тогда прикажешь с тобой делать?

Но бабушка, будто не слышала его, тянула одно: «Не до-жить мн-е-е-е!». Смотреть на неё было и горько, и жалко. Пока отец с дедом запрягали лошадь, мама всё пыталась уговорить бабушку:

— Зиму-то эту отживите. Заберём следующей осенью.

Но забрать их в посёлок пришлось раньше. Вставать с постели бабушка перестала, и даже на парашу теперь приходилось поднимать её деду. Одной рукой делать это было ему трудно, но он никому не жаловался, а только потихоньку ворчал:

— Дык, держись ты за меня крепче! От ведь кака!..

С переездом бабушка сильно изменился. Шутил всё реже и реже. Открывая Веруньке дверь, уже не говорил: «Мы таких не знаем!» Правда, при виде Веруньки глаза его по-прежнему мякли: «Проходи, родная, проходи, скучаем без тебя». И начинал суетиться, включая электрический чайник. Уйти из дому даже на час деду было нельзя. Бабушка принималась плакать. Дед мрачно бродил из кухни в комнату, в надежде поглядывая в окна, и оживлялся только тогда, когда кто-нибудь заходил их навестить. А бабуля с каждым днём становилась всё капризней. В ночь будила деда много раз: то просила поправить одеяло, то перевернуть на другой бок, то просто посадить на постели и опустить ноги на пол. Дед ворчал, но вставал, выполняя каждую её прихоть. Навещать их теперь Веруньке было совсем не радостно. Бабуля всё время плакала и жаловалась на немощ, а заодно и на деда, который, как ни старался угождать ей, угодить не мог.

Как-то раз по зиме Верунька застала деда в постели. Закрывшись с головой ветхим лоскутным одеялом, он бредил, а бабушка жаловалась, что хочет есть, а дед притворился больным. Верунька помчалась за мамой, а потом за «Скорой». Дедулю увезли в больницу. Бабушку забрала к себе папина старшая сестра, тётя Шура.

На другой день, вечером, Верунька с родителями зашла к деду в палату. Увидев их, он поднялся на локтях и горестно посетовал:

— От ведь, родные мои, штука кака!.. Я-то — чёрт с ним! Отжил своё. А Дунька-то моя как? Умру — кто за ей ходить будет? Кто её вытерпит такую?!

— Папа, да не беспокойся ты, её Шура взяла, — стала успокаивать мама. — А тебя, как поправишься, мы к себе заберём. С Верунькой будете жить в одной комнате...

Верунька тоже подмигнула деду, мол, то ли дело, дедуля, а вслух бодро добавила:

— Деда! Поправляйся давай! Каждый день будем в карты, в «пьяницу», играть! Измождённое лицо деда сморщилось ещё больше.

— Не могу я с ей врозь, — будто оправдываясь, тихо прошептал он и, бессильно опустив голову на подушку, снова впал в бред.

Мама попросила Веруньку выйти из палаты.

Всю ночь во дворе выл Тузик. И как ни цыкал на него отец, беды от дома этим не отвёл. В эту ночь дедушка умер. Прежде чем пойти к тёте Шуре и сказать им эту страшную весть, отец долго ходил взад-вперед по комнате, приговаривая: «Ну, как матери-то сказать?! Не вынесет ведь такого!». Он не хотел брать с собой Веруньку, но она всё равно увязалась за ним.

Взглянув на отца, тётя Шура, видимо, догадавшись обо всём, вскрикнула и обхватила голову руками. Бабушка неподвижно сидела на кровати. Отец долго давил в себе слёзы, не в силах подойти к ней. Но вот, наконец, крепко обхватив себя руками, сделал несколько шагов к её постели и тихо, но отчётливо произнёс:

— Мама! Сегодня ночью папа умер.

Тихо взвыл в коридоре Тузик. У Веруньки из глаз брызнули слёзы. Она закрыла лицо руками, набрала в грудь воздуха, готовая, вторя бабушке, зареветь в голос, истошно и безысходно, как этот февральский ветер, что неистовал за окном. Вот затрещал у колодца старый тополь. Истерично скрипнула калитка. Ещё немного и начнётся такое!.. Но бабушка молчала. Ни одна мышца не дрогнула на её безучастном лице. И только сухие малоподвижные губы вдруг произнесли что-то такое, что никак не укладывалось в Верунькиной голове:

— Дык что ж тапереча?.. Всё равно уж не мог он больше за мной ходить. Мне самой до себя...

— Господи! Что она несёт?! — застонал отец и выскочил на улицу, пнув дверь бедного Тузика. Пёс взвизгнул. Тетя Шура охнула и опустилась на кушетку. Зажимая рот рукой, Верунька медленно пятилась к двери. Ей казалось, что кто-то напугал: умер не дед, а эта вечно угрюмая старушка, которая, не мигая, смотрела на Веруньку пустым безразличным взглядом.

Леонид Авксентьев
г. Петрозаводск, Карелия

Что-то есть у нас в буфете...

Чужая беда

По продрогшей улице осенней,
Позабыв о правилах движенья,
Ворот платья стиснув кулачком,
Девушка бежала босиком.

На лице — две карие печали
Молча о беде её кричали...
Сквозь поток сигналящих машин,
Мимо чьих-то равнодушных спин —

Тоненькая, лёгкая, босая...
Кто её обидел?
Я не знаю.
Горько видеть крах чужой мечты,
Зная, что помочь не в силах ты.

Ночное ненастье

Ночь в окно стучала мокрой веткой...
На чаёк зашла ко мне соседка —
Чтобы переждать ненастье вместе,
Но без вытекающих последствий.

Дождь хлестал, выл ветер озлоблённый...
Пили чай мы, чёрный и зелёный —
Испекла она пирог с капустой.
Было нам тепло, светло и вкусно.

А потом под рокотанье грома
Выпили мы с ней по рюмке рома,
Пели песни под гитару дружно...
Чем-то ведь заняться было нужно.

А к утру закончилось ненастье,
И ушла соседка восвояси.
На душе вдруг стало как-то пусто...
Видимо, от пирога с капустой.

Ах, да ладно, не один я дома!
Ведь со мною полбутылки рома,
А ещё – у вазочки с вареньем
Новое лежит стихотворенье.

***

Южный город зимой – царство лени.
Стынет море жидким стеклом...
И о сдаче полно объявлений:
Койка, комната, даже дом.

Зябко съёжились горы под вечер,
Звёздный ковш разлил темноту,
И, мечтая о плаванье вечном,
Теплоходы дремлют в порту.

В голых скверах зажглось освещенье...
Может быть, без нас, не спеша,
Там гуляют ещё наши тени,
Прошлогодней листвой шурша.

А на ближней горе у вершины,
Рядом с пригоршней зрелых звёзд,
Всё горит огонёк нежно-синий –
Знак несбывшихся чьих-то грёз...

Ракушка

Розовая хрупкая ракушка –
Завиток волны окаменевший,
Свет зари ничуть не потускневший,
Морю надоевшая игрушка.

На ладони съёжилась уютно
Памятью о чьей-то поздней встрече –
Спрятала печаль в броню колечек
И укрыла мутью перламутра.

Но, как знать, быть может, эту тайну,
Свитую по схеме мирозданий,
Полную надежд и ожиданий,
Вынесло на берег
не случайно...

Зонтик в прихожей

Раскрытый зонтик на полу в прихожей
Лежит в углу, с подбитой птицей схожий, –
Под влажной тканью на распятых спицах
В изгибе плавном ручки
грусть таится.

С ним мокрый плащ, сырые туфли были...
Они ушли назад, его – забыли.
Пощёчина была – печать потери,
Щелчок замка захлопнувшейся двери,

Стук каблучков по лестничной площадке...
Всё было быстро,
нервно,
без оглядки.
Нелепый сон, такого быть не может,
Но вот откуда мокрый зонт в прихожей.

***

Ноябрь, кряхтя, как старый дед, спит на поветях.
Обрывком плёнки шебуршит в теплице ветер,
Дверной замок шершавым инеем прихвачен...
Мы уезжаем.
Вот и всё, закрыли дачу.

Ледок на луже под ногой негромко хрустнул...
И, вроде бы, всё хорошо, но... что-то грустно.
Здесь было наших полных десять соток лета,
Но ждёт зима нас
В городских квадратных метрах.

***

В сентябре, под вечер мглистый –
Чуть в домах зажётся свет,
На повозке неказистой
Балаганные артисты
К нам приехали: дуэт.

Ультрамодная ветровка,
Допотопный макинтош...
Встали в парке на ночёвку –
Осень, рыжая плутовка,
И, седой шарманщик, дождь.

А на завтра,
    спозаранку,
Выйдя к старому мосту,
Дождь завёл свою шарманку...
Распечатав охры банку,
Осень, красила листву,

И в заплаканном рассвете
Мокла жухлая трава,
Да кружилась в минуете,
Загрустив о бабьем лете,
Пожелтевшая листва...
Ноябрь.

Бог с ним!

Стакан парного молока
С горбушкой ржаного хлеба...
А за окошком облака
Неспешно протирают небо.

Сосед ленивым матерком
Щенка-проказника ругает,
Транзистор мягким говорком
О местных новостях вещает.

Прогноз погоды: снова дождь.
Да что же это, в самом деле...
Уже июль.
Ждёшь лета, ждёшь,
А сверху льёт уж три недели!

Уныло мокнет огород.
Морковь и лук – в болотных грядках.
Теперь в природе, что ни год,
Как в государстве – нет порядка.

Давай-ка баньку раскалим,
Пусть пар развеет мысли эти.
Сегодня пятница... Бог с ним!
И – что-то есть у нас в буфете...

Вячеслав Зименко Ростов-на-Дону

Рыбацкое счастье рассказ

К рыбалке меня приобщили с шести лет, и я несу эту страсть через всю жизнь. Об этом завораживающем, азартном увлечении можно рассказывать бесконечно долго, потому что всякий раз рыбалка становится приключением. Там, на воде, вас всегда окружает природа в своём чарующем, уникальном состоянии. В зависимости от времени года, от «географии» и климата, из тысячи неуловимых компонентов сплетается неповторимый, новый гипнотизирующий узор, заставляющий рыболова снова и снова совершать свое «священнодействие». Надежда на улов и на встречу с редкими по красоте пейзажами влекут его на водоём.

Больше всего мне нравится рыбачить летом в прудах Ростовской области. А точнее — в моей родной деревне. Хорошо в августе проснуться часа в три-четыре, когда южная ночь только готовится уступить свои права раннему утру. Когда всё вокруг спит крепким предрассветным сном, и только молодые петушки задорно тренируют проклюнувшиеся у них вокальные способности, повсюду «работают» неутомимые сверчки, да какой-нибудь запоздалый гуляка-мотоциклист с оглушительным грохотом «пролетит» по пустынной улице. На ещё тёмном небе пульсируют мириады звёзд, огромным сияющим блюдом висит полная луна, деревья замерли в ожидании утреннего ветерка, а тёплый, неподвижный воздух наполнен ароматами ночных «парфюмеров»: фиалки-матиоллы, душистого табачка, петунии...

Во время сборов важно не забыть все придуманные с вечера для соблазнения рыб и хранящиеся в разных местах насадки и прикормки (из холодильника — тесто и консервированную кукурузу, из летней кухни — запаренные горох и зерно, а из сарая — банку с червями). Передвигаясь в темноте по двору, нужно обязательно держать вытянутую вперёд руку с веником, чтобы в лицо не попала паутина. Крупные, противные пауки ткнут всю ночь липкие сети и развешивают их на крыльце дома, между ветвями винограда, заплетающего беседку над дорожкой, и в проемах калиток. Ещё нужно постараться не наступить на ошалевшего от радости ушастого щенка Цуцона, снующего зигзагами под ногами.

Хотя снасти приготовлены с вечера, мотороллер заправлен и проверен, всё же какое-то время уходит на сборы. Этого достаточно, чтобы небо сделалось бледно-серым, звёзды на нём замигали и по очереди стали исчезать, в воздухе разлилась сырость, и холодок стал забираться под одежду.

Светает!

Деревня просыпается рано. Слева и справа начинают раздаваться живые

звуки: захлопали калитки и двери, загремели вёдра. Послышалась мерная мелодия молочных струй и окрики: «Да стой ты, Майка! Вишенка, Вишенка, куда? Пошла, зараза!», — это хозяйки доят коров, перед тем, как выгнать их на улицу, где пастух уже «гарцует» на гнедом жеребце. Все торопятся напоить и накормить многочисленную живность: гомонят утки, кричат гуси, визжат свиньи, а у зажиточных селян начинают гудеть домашние мини-мельницы — «рушки». Словно стараясь заглушить частный сектор, за огородами мелодично раздаётся гул доильного агрегата колхозной молочной фермы.

Небо на востоке зарумянилось, и на нём стали проступать темно-фиолетовые тучки, вносящие смятение в душу рыболовов. Неужели погода испортится и будет дождь? А этого так не хочется!

В кузове выдавшего вида грузового мотороллера «Муравей» сидит и нетерпеливо ждёт отъезда наша команда: мой брат Вова и его дочь Анна. Стартуем!

Разрезая тугую прохладу, весело несёмся сначала по асфальту, громкой мотороллерной трескотнёй провоцируя на скандал дворовых собак, а затем — по просёлочной дороге, разгоняя с ближайших к элеватору лесополос орды раскормленного воронья. Едем мы на водоём под названием «Новый». Новым он был полвека тому назад, так как действительно хронологически появился на свет последним из девяти деревенских прудов. Каждый пруд похож на соседний, хотя в то же время уникален по своей экологии. Лиховский и Генеральский спрятались в вербах, Севостьяновский, Ильмутяновский и Раковый заросли камышом, Зелёный одолела вредная водоросль роголистник, Банский обступили бузина, ясень и чертополох, а степной и самый глубокий Серафимовский вообще стоит с почти голыми берегами.

По прошествии стольких лет внешний вид «Нового» совсем не согласуется с его названием. Высокие, пологие, глиняные берега буйно заросли колючим, непроходимым терновником. Водное зеркало на две трети покрыто сказочным лесом сухих верб и коряжника. На подступах к терновнику плотными рядами стоят жёлто-белые шары колючек, раскидистые метёлки пижмы, широкие листья лопуха, серебристые кустики полыни и фиолетовые букеты кермека.

Успели добраться к месту до восхода солнца, и это хорошо! Узьмина¹ ещё дымится молочным туманом.

Через все естественные колючие препятствия по пояс в росе пробираемся на «своё» проверенное место, где секатором вырезан незаметный «секретный» проход в кустарнике, в грунте вырублены ступеньки и сидения, а в воде расчищено окно для забросов. Солнце не будет слепить после восхода, так как восток у нас за спиной, вернее за высокими кустами.

Безмолвие рассвета нарушают частые всплески гуляющей рыбы да звенящее пение назойливых комаров. Вербовый лес чем-то напоминает тропический мангровый. Словно в подтверждение этому сходству, в метре от нас из воды выпрыгивает килограмма на полтора сазан. Совершив тридцатисантиметровый кульбит, он ловко, не хуже какого-нибудь амазонского брызгуна, смахивает со ствола вербы зазевавшееся насекомое и почти беззвучно уходит в глубину. Этот на удочку браться не станет! Но всё же хочется поскорее

забросить снасти и начать «процесс». Даже примостившаяся у уреза воды «плантация» ежевики со спелыми черно-фиолетовыми ягодами отступает на второй план.

Чтобы определить гастрономические предпочтения рыбы – первый заброс делаем со всеми припасёнными наживками. И сразу поклёвка! У Анны поплавок завалился на бок, и его, слегка притопив, повело в сторону «куширей». Подсечка — и в садке первый «камикадзе» — гибрид² размером с ладошку. Безудержный клёв длится минут десять — пятнадцать. Берёт на тесто и червя, кукуруза и зерно «молчат». Буквально из-под поплавок продолжают нагло выпрыгивать и охотиться на мух сазаны-кабанчики, но в садке пока только серебристый «стандарт».

Жидкий ветерок пробежал над водой и погнал редующий туман за поворот, куда-то в сторону гребли³. Возшло солнце. Противоположный берег залило золотыми потоками тёплого света. Всё проснулось и зашевелилось. Тишину разорвало дружное пение местного лягушачьего хора. Клёв и всплески рыбы прекратились, как по команде. В воздухе стали носиться крупные стрекозы, а мы подверглись нападению мух. Вова поймал муху и насадил её на крючок. Ждём-с! Клёва нет. Пора прикормить. На поплавки летят горсти гороха и приправленной душистым подсолнечным маслом пшеницы. Вода покрывается разноцветными масляными разводами и сразу вскипает. Это проснулась и кормится рыба молодь. Присмотревшись, можно увидеть, как многочисленные детсадовские косяки снуют между ветвями затопленного вербняка. Поплавки неподвижны. Только изредка мелко подрагивают от столкновения с головами мелюзги. Скучно! Я начинаю пастись в ежевичнике.

— Ничего себе! — кричит Вова, пытаюсь в прыжке догнать стремительно уходящее под воду моё удилище. Удалось! Стоя в воде, он эмоционально требует подсак. Дальше — «картина маслом»: дуга удилища, струна и угрожающее пение лески, мощные рывки, «свечки» из воды и брызги. Сработала кукуруза «Бондюэль»! Сазан размером «по локоть» жадно хватает воздух огромным усатым ртом с толстыми розовыми губами и больно бьёт хвостом по рукам. Трофей красив: кольчуга из чешуи величиной с металлический рубль, на спине темная, на боку — желтая, а на брюхе — белая. Брюшные плавники и хвост окрашены в красно-коричневый цвет, а на широкой спине тёмно-серые, устрашающих размеров пики. Такого бойца опасно подселать к гибридам: затопчет рыбок и порвёт сетку старенького садка. На этот случай припасен другой, более просторный садок, и он принимает своего шумного квартиранта. Все удочки тут же заряжаются кукурузой.

В течение трёх последующих часов нам попались ещё два таких же красавца и десяток карасей, затем клёв прекратился совсем.

Как выяснилось, один недостаток у нашего места всё же был. В случае подсечки крупного сазана требуется осторожное и длительное его вываживание. Но здесь этого делать было нельзя, так как пленник сразу стремился завести леску за деревья и организовать её зацеп и обрыв. Поэтому нам приходилось рисковать и, форсируя события, тащить рыбу к берегу сразу, а это чревато сходом добычи. Так и получилось: дважды сломав крючки и один раз порвав леску, у нас ушли три (конечно, самых крупных) сазанища.

Огнистое знойное солнце забралось в зенит небосвода. Ветра по-прежнему нет, и от этого душно даже в редкой тени терновника. Все скучают и смотрят не на поплавки, а на «выкрутасы» хищного жука-плавунца, атакующего наш садок с рыбой. Анна провокационно намекает известной фразой: «А в тюрьме сейчас макароны дают!». Посидели ещё полчаса и решили, что на сегодня хватит, нужно сворачиваться.

Превозмогая полуденное пекло, быстренько выкатываем из укрытия своего «коня», грузимся и тем же маршрутом несёмся домой. Мыться, обедать и спать! Улов почистит и разделает бабушка. Завтра пойдем опять и попробуем на молодой варёный картофель. Желание рыбы завтракать пораньше опять поднимет нас до зари!

30 мая 2009 г.

¹ Таким фольклорным именем в деревне называют заводи, узкие участки водоема и его часть, примыкающую к родникам.

² серебристый карась

³ дамба

Экопереход

(почти научная фантастика)

Нобелевский лауреат Ж. Моно утверждал: «Что верно для кишечной палочки, то верно и для слонов». Наша история тому подтверждение.

Между прочим, у микробов в жизни всё так же, как и у людей. Ну, почти так же! Повинуясь слепой судьбе, они рождаются и умирают. В детстве болеют свинкой и коклюшем, а, повзрослев, «цепляют» более экзотические недуги или травятся человеческими лекарствами. В зрелом возрасте занимаются общественно-политической деятельностью, женятся, рожают и воспитывают. Убегают (если смогут) от хищных бактериофагов, готовых в любую секунду закусить своим собратом. Уворачиваются от человеческих интерферонов и клеток-киллеров. Используя свои финансовые возможности, селятся на ПМЖ в человеческом организме с различной комфортностью: везунчики — поближе к «закромам» (во рту, в желудке и других благородных органах), недотёпы — в том месте, «где спина теряет свои благородные очертания», ну на которое человек напяливает нижнее бельё. В зависимости от своих жизненных принципов и осмысленной шкалы ценностей микробы делятся на добреньких «ботаников»-сапрофитов и злобных «братков»-паразитов. Жизнь у микробной братии не сахар ещё и потому, что, как и всё живое на нашей брэнной планете, она страдает головными болями при геомагнитных возмущениях и космических бурях. В общем, не жизнь, а сплошной стресс!

— Но ведь для чего-то Господь нас создал? — мучаются на досуге философским вопросом бациллы. Затем, оправдывая свое существование, берут и дружно вызывают у своего хозяина понос, насморк, или ещё чего похуже.

Но если за ними (микробами) понаблюдать в микроскоп, то можно заметить такое, от чего волосы встанут дыбом! Как раз этим и занимался более двадцати лет Юра Черноухов (академик «забугорной» академии, кандидат в Нобелевские лауреаты, труженик одной из кафедр не скажем какого медицинского института).

Подсматривая за квартирантами своей пищеварительной трубки, он сформулировал научную гипотезу и законы эпидемического процесса; описал всё это в монографии и умных журналах. Словом открыл тайны бытия. Согласно закону Черноухова, неизвестное космическое излучение, обладающее эволюционной памятью, зашифрованной в длинах и частотах волн, сопровождающее магнитную бурю на планете Земля, пробуждает кусок спавшей («избыточной», «молчащей», «мусорной») ДНК клетки, и она (клетка) начинает превращаться в чёрти-что. Теперь человечеству должны быть понятны причины его болезней: «от чего бывает вдруг этот тягостный недуг?!» Во всём виноват космос и микробы-мутанты! Вот смотрите: радуется, например, жизни внутри вас родная кишечная палочка, снабжает вас витамином «В-12», помогает, как может, усвоить съеденный только что бутерброд, а тут хлоп и из ледяного космоса ей прилетает SMS-сообщение. Дескать, ну ты чо, в натуре?! А ну-ка тормози кусок своей спящей ДНК. Пора дорогая превращаться в возбудителя дизентерии или брюшного тифа! Палочка с перепугу — шась, и уже не друг вам, а монстр и «убивица». А вы так же быстро — хлоп и уже на горшке. Причём, что характерно, то же самое сделали, повинувшись космоинформационному воздействию, и кишечные палки всего населения вашего городка, сменив паспорт и фамилию, они стали злыми и болезнетворными. Так что, полезным делом теперь заняты все «человеки-разумные» — озабоченно восседают на сантехнике, только «шуматок» стоит!

О том, что «генетика — продажная девка империализма», знают многие, но из литературы. А Юра узнал об этом благодаря личным изысканиям. Добиваясь превращения одних микробов в другие, он баловал подопытных дорогим кефирчиком, пел им песни, и читал Омара Хайяма, оскорблял их и нелитературно обзывал (в интересах науки), знакомил с экстрасенсами, укрывал от магнитных бурь специальными защитными экранами, воздействовал позитивной энергией Корана и негативной из «Майн Кампф». Скажем честно: «Было всё: и восторги, и разочарования». Больше всего разочарований приносило непризнание Юриного открытия Российской академией наук.

В начале своих научных экспериментов будущий лауреат радовался каждой мутации и всем совал под нос чашки-петри с выросшими «из нечего» колониями брюшного тифа. Но с годами почему-то становился более замкнутым и угрюмым. Окончательно поведение гения изменилось, когда он приобрёл прибор Ю. В. Готовского, известный в научных кругах как «трансфер», способный (якобы) переносить на другие объекты энергоинформационные поля живых организмов. С этого времени дверь подвального помещения кафедры, которое Юра превратил в свою лабораторию, постоянно запиралась, если не на наружный, то на внутренний замок.

Вот у нас всегда так: серьёзные научные труды пишутся на коленке и обязательно в подвале! А гениев официальная наука признаёт только после их «благополучного» переезда на другой берег реки Стикс. Но вернёмся к нашим микробам!

Негативная ситуация разрешилась нехорошо, как бы сказали ученые «согласно наблюдаемой тенденции» — Юра пропал. Просто взял и исчез! Однажды не пришёл домой. Прибежавшая в институт его жена потребовала

комиссионного досмотра лаборатории. Когда вскрыли запертую изнутри дверь, в носы комиссии ударил сильный приторно-кислый запах питательных бактериальных сред и горелой изоляции. Пол, стены, вся обстановка и потолок помещения покрывались блестящими розовыми бугорками (как в последствии оказалось — колониями неизвестного науке микроорганизма). В открытом термостате чернела куча чего-то обуглившегося. В углу лаборатории стояла ванна с бурого цвета, студнеобразной, пузырящейся жидкостью. Рядом, на полу лежали вся (пардон, вплоть до трусов) одежда Черноухова и лабораторный журнал экспериментатора.

В журнале значилось:

5 февраля 2007 г. Начало эксперимента. Условия — искусственная дестабилизация жизненных процессов у культуры энтеробактерий (за счет голодания), сильная геомагнитная буря, перенос энергоинформационного поля человека на микроорганизмы. **Ожидаемый результат:** увеличение числа спонтанных мутаций в микробной культуре.

6 февраля. Это грандиозно! Отмечается огромное число S-R диссоциаций! Гладкие формы колоний превращаются в шероховатые.

7 февраля. Такого ещё не было. Неравномерность между ростом клетки и скоростью её размножения привела к образованию L-трансформанта (в чашке растёт шаровидное, большое тело!).

8 февраля. Тело продолжает быстро расти. Появились нитевидные структуры.

11 февраля. Этого не может быть! В очертаниях тела наблюдаются контуры человеческого зародыша! Вокруг «Гомункулуса» образовался кружевной ореол из тысячи карликовых колоний.

15 февраля. В это трудно поверить, но Олежка (так почему-то захотелось его назвать) пытается установить со мной телепатический контакт! Что-то говорит, но пока не понятно.

16 февраля. Фанфары сюда! Перед вами Нобелевский лауреат!!! Да что там лауреат, Бог!!! Олежка заговорил! Просит пересадить его из тесной чашки-петри в большую ванну.

1 марта. Растёт «не по дням, а по часам!» Рассказал о Мироздании такое!!! Господа, человеческая наука смешна и наивна! Люди ничтожны и бездарны. Их жизнь скоротечна и бессмысленна!

20 марта. Он полностью контролирует мою волю и поступки! Хочет, чтобы в питательную среду я добавил анаболические гормоны, а себя облучил его энергоинформационным полем.

21 марта. Сил сопротивляться, больше нет. Будь, что будет, включая «трансфер»!

22 марта. Знаю, что скоро стану бессмертным множеством. И это меня уже не пугает!

25-5=5 ма-р-та. Бум...зам... вер... Хы!

1 апреля. Пыр, мыр, дыр! Пара. Космос зовет! Я пошел!!! Как говорят у нас в Африке: «Ана, мана, Тунга!» — всем привет!

Так закончился грандиозный научный эксперимент, согласно терминологии Черноухова: экопереход одной формы жизни в другую.

Вы спросите: «А где же теперь Олежка?»

Отвечаем: «Науке и внутренним органам страны это не известно».

Уголовное дело в связи с пропажей человека почему-то не возбуждали. Да и гражданка Черноухова никаких заявлений в милицию не делала.

Депеша

рассказ

Эта история реальна. Она произошла в преддверии полного развала военно-медицинских институтов страны. Последние судороги ВУЗов всегда вызывают грусть, но можно и посмеяться. Итак...

В углу звякнул и зашуршал факс. Заработал он, прямо скажем, не вовремя. Как раз в тот момент, когда начальник учебного отдела Упырьков (полковник и кандидат наук), занимаясь внутренним созерцанием, увлечённо доставал из носа «козу». Бегло «впитав» сообщение, начальник отдела почувствовал себя съеденным собачьим завтраком — в московской депеше говорилось о предстоящей проверке родной «бурсы».

Новость привела полковника в движение. Он «высыпался» в коридор и, наполняя его «цокотом копыт», в верноподданническом экстазе поскакал к начальству.

— Ну-у? — грозно спросило начальство, неохотно оторвавшись от усовершенствования Мира, для чего сняло нимб и стало протирать его тряпочкой от всепроникающей пыли.

— То-ва-рищ ген-не-нерал... там... там... (в зобу дыханье сперло), там... это... (заклинило), в общем... песец! — ёмко заключил кандидат наук.

Генерала в детстве успешно пугали бабайкой, но вышеуказанный пушной персонаж армейской действительности был куда страшнее и опасней.

— Фто? Фто случилось? — пришёпetyвая и потея, флуктуировал генерал.

— Вот, — Упырьков дрожащей рукой подал бумагу.

— Та-а-ак! — ознакомившись с депешей, заключило высшее существо, что в переводе означало: «Ну, блин — всё! Ну, я вас, долбоящур, порву каждого!».

Упырьков в красках представил две свежеприготовленные начальником половинки своего тела и, собравшись умереть, зажмурился. Секунды летели, но ничего страшного не происходило. Когда он открыл глаза, то обнаружил уже сдвухшегося генерала, увлеченно изучающего солнечных «зайчиков» на полу своего кабинета.

Кандидат наук живо сообразил, что начальствующий адреналин уже сожжён. Что в морду бить не будут и жить ему разрешили, но «рыть» придётся с утра до вечера. Или, как говорят военные: «От забора и до отбоя!». У нас у служивых ведь как? Можно войну объявить, но не нападать: дурачье само себя строевыми смотрами и проверками замордует!

Назавтра начальник учебного отдела, в позе памятника самому себе, объявил «тупому» профессорско-преподавательскому составу, куда бежать и что делать. Применяемые им в ходе инструктажа разговорные конструкции вряд ли бы попали в анналы учебников по русскому языку. Но «тупые» всё поняли, и работа должна была закипеть.

— А что будут проверять?

— Пока не ясно, скорее всего – учебную, методическую работу и науку.

Преодолев вялость членов, все вскочили и побежали. Институт захлебнулся от имитации бурной деятельности, прыжков на месте и «изображения конского топота».

— И со службы никто не уходит, пока не отработаем всю документацию!

— грозно раздавалось с Олимпа. — Несогласным поставить в кабинетах ночные горшки, разрешить там же варить хрючево на обед, но домой не отпускать без предъявления выполненной работы!

— А что у нас с наукой? Где начальник научно-исследовательского отдела? Пусть доложит!

На трибуне, в полковничьих эполетах возникла неудачная копия известного психиатра и целителя Кашпировского. Жутко изгаляясь над «Великим и Могучим», существо, отвечающее за науку в институте, стало объяснять:

— Я здесь, товарищ генерал! В прынцеппе, с наукой у постоянного состава института усё у порядке. У научных изысканиях мы стрымылысь к пассивизации концепции. Система менеджмента, лизинга и аутсорсинга учитывает диверсификацию абстракции. Оно так, оно конечно, что касательно, то относительно. А ежели к примеру оно случается, вот тебе и пожалуйста. Оно бы нечего, если бы оно что! Но оно не токмо что, а всё почем зря! Анализ биополевой структуры не проводили, висцеральная хиропрактика «в загоне». Это я уже о науке студентов, которой, как вы знаете, у нас нету ни хрена! В прынцеппе полковник Квач доклад закончил.

— А-а-а-а!!! — «радуется» генерал и «шарит» вокруг в поисках чего-нибудь тяжёлого, чтобы «поблагодарить» докладчика.

— Восстановить научные работы студентов за три года!

Все бросились и написали по паре работ от имени «переменного состава». Получилось неплохо, многие даже удивились: какими, оказывается, умными бывают наши ученики! Как мы раньше этого не замечали?!

— А в учебно-методических комплексах есть частные методики изучения и преподавания дисциплин?

— Так раньше не требовалось! А теперь эти дисциплины уже преподавать не кому, ведь набора студентов в этом году не было!

— А вдруг проверят? Всем срочно написать «задним числом»!

Написали!

— Товарищ генерал, я звонил в Самару, в тамошнем институте проверяли не учебную работу и науку, а физическую подготовку офицеров и организацию воспитательной работы.

Всю следующую неделю военные Эскулапы подтягивались и отжимались, но норматив сдать так и не смогли.

— Кто завтра не сдаст, тому не жить!

— Товарищ генерал, а в американской армии на пересдачу «физо» дают три месяца! Если я сегодня не подтягиваюсь, то завтра тоже не смогу этого сделать! Это же физиология!

— Кто это там такой умный? Вы хотите в американскую армию?

— Никак нет!

— Фу! Ну, теперь кажется всё!!

— Нет, не всё! Нужно ещё в журналы проведения занятий вписать воспитательные беседы, — соображает замполит.

Вписали, за последние три года! Если верить записям, то вместо хирургии или гигиены, студентам преподавались: право, этика, эстетика, правила коллективизма, любовь к Родине, гордость за свою профессию, уважение к старшим, целомудрие, готовность к самопожертвованию и так далее, и тому подобное. Сразу представляешь идеал человека разумного, и после всего этого становится непонятно, почему же комбат, с выпученными глазами каждый день на утренних построениях курсантов пророчит своим подчиненным «светлое будущее»:

— Ваше место — тюрьма!

— Подождите, — умоляет Упырьков, — давайте проведем проверку остаточных знаний обучаемых!

Несколько дней всех снимали с плановых занятий и тестировали. Получилось — хуже некуда.

— Откорректировать результаты тестирования!

Откорректировали.

Тишина!

— Почему комиссия не едет? — мучались вопросом, устав от ожидания.

Наконец позвонили в Москву. Стесняясь, поинтересовались сроками проверки.

— Вы там, в Сибири совсем от безделья пухните? Что, нечем заняться? Какая проверка? Над вами кто-то пошутил!!!

В скором времени институт всё же расформировали. Без предупреждения и без проверок. Круг замкнулся!

Поэзия... Поэзия... Поэзия...

Елена Петровская
г. Сальск Ростовской области

Ошалело сердце...

На Кавказе

Ошалело сердце,
застучало звонко:
на вершине горной

снежная каёмка,
под ногами травы,
каблуком не смяты,
а в долине розы –
пышут ароматом...

Водопад Медовый
с шумом
вниз
несётся...

Ты со мною рядом,
И душе – неймётся!

***

Поёт о самом сокровенном
Душа моя в твоём плену...
Свою судьбу я не кляню –
Пускай всё будет
неизменным!

Не знаю я какою силой
Любовь мне светлая дана –
Всё та же чувства глубина,
Всё тот же ты,
родной и милый...

Осень

Замер рыжею лисицей
У реки осенний лес...
Частый дождь играет ситцевой
Занавескою небес.

И на сером водном мраморе –
Лёгкий пух взлетевших птиц.

Видно, улетели за море,
В край чарующих зарниц.

Паутинка – будто кружевце
На прозрачности берёз.
По холодным мелким лужицам
Пробирается мороз...

***

Непослушен капроновый парус,
И рука не настолько сильна...
Превращаясь в бессильную ярость,
Виноватая плещет волна.

...Мы играли судьбою без правил:
Ввысь взлетали и падали вниз,
А ветрами попутными правил
Наш весёлый, бездумный каприз.

После дождя

Дождь прошёл, запахло прелью,
Тихо кружит мокрый лист...
Паутинка – ожерельем...
Дух грибной в лесу повис.

Застудился месяц в речке,
Греет в облаке свой рог.
Васька-кот залез на печку
И усердно лижет бок...

***

Отчий край! Весёлые зарницы,
Солнца колесо из-под небес...
Вдоль реки – станицы вереницей,
Чистые поля да редкий лес.

Маныч зазвенит, и отзовется
В тишине полей пчелиный рой...
Над гнездовьем жаворонок вьётся,
Прилетев из дальних стран домой.

Так и я, вкусив полынный ветер,
Тороплюсь к родимой стороне,
Где берёзка – стан и тих, и светел –
Веткою приветно машет мне...

Вячеслав Сулакшин **Ростов-на-Дону**

Сынок *рассказ*

Сельский участковый лейтенант Сергей Ширинкин, страдал от полуденной июльской жары. Ни распахнутое окно в кабинете, ни шуршащий на столе вентилятор не приносили облегчения. Под рукавами его форменной рубашки полумесяцем расплывались мокрые пятна.

Ширинкин сидел за столом, подперев голову руками, бездумно глядя на папки с надписями «Дело», лежащие перед ним. «Лучше бы здесь был ящик холодного пива, а не эти дурацкие папки!» — тоскливо думал он...

Участковый хорошо знал «начинку» каждой из них: пьяный подросток забрался в коммерческий киоск и украл несколько банок кошачьего корма; перевозбуждённый алкоголем муж выяснял, кто в доме хозяин — бегал с топором за женой по двору, загнал её в сарай и пытался поджечь; пьяная групповая драка; цветущая ядовитым цветом наркоторговля, причём в деле упоминается местный цыганский барон Дамир, но прямых улик против него нет.

«С этими уродами всё ясно. А вот что с наркоторговлей делать?» — с досадой думал лейтенант. Есть над чем поразмышлять, потому что начальник участкового, товарищ майор Жабоедов, кореш Дамира, недавно гулял на свадьбе его младшей дочери. «Тут проблемы, дома проблемы!» — вздохнул Сергей, вспомнив, как вчера вечером его молодая жена Люська опять заныла о своём...

Она завела разговор за ужином, подливая ему водочки, подставляя закуску, сладкозвучно напевая в уши:

— Серёженька, ну прояви себя наконец в каком-нибудь сложном деле. Докажи, что ты — можешь, что ты — ас, чтобы тебя отметили, наградили, посодействовали переводу в город! Не хочу я больше жить в этой проклятой дыре! Нам главное — вырваться отсюда, закрепиться в городе, а там посмотрим... Вон зоотехник из нашего колхоза, Нинка Цвиркунова, в люди выбилась — работает официанткой в кафе главного автовокзала, при «живых» деньгах теперь!

Люська замолчала, переводя дыхание и размечталась: «Если не удастся Серёжке устроиться оперативником в областной угрозыск, пусть идёт работать в ГАИ. Тоже хорошо!» Она представила, как Серёжа стоит на большой дороге в центре города, важный такой из себя, серьёзный, останавливает только крутые иномарки, как у само-го Дамира, и берёт с водителей штрафы — много-много денег! За месяц насобирает ей на дублёнку и сапоги, а через пару лет и на однокомнатную квартиру, пока...

Вдруг её осенило: «Уступить Жабоедову что ли, чтобы помог Сергею устроиться в городе? Почему нет?! Он мужчинка очень даже ничего, к тому же разведённый, частенько поглядывает на меня глазами голодного кота, делает разные там двусмысленные намёки, когда мужа рядом нет... А Серёжа заступает завтра на дежурство и — до следующего утра», — думала она, удивляясь своей смелости.

Лейтенант тоже молчал, чувствуя правоту жены. Ему самому хотелось уехать, сделать карьеру в областном центре и выйти на пенсию заслуженным генералом. «Здесь карьеру не сделаешь... Может, рапорт подать майору?..»

В дверь робко стукнули.

«Да-да, заходите!» — громко сказал участковый, отвлекаясь от своих мыслей.

Вошла сгорбленная старушка, тяжело опираясь на палку. Маленькая, худая, почти невесомая. Белый платок в чёрный горошек. Жалобный взгляд бесцветных глаз.

— Здравствуйте, бабушка, садитесь, пожалуйста! — вскочил лейтенант, подставляя ей стул. — Слушаю вас.

— У меня сынок пропал — Толик! Найдите его! — с мольбой тихо сказала старушка.

«Ёщё один «сынок» на мою голову! Тоже алкаш, наверное! Завалился где-нибудь в бурьян и спит, а мать беспокоится, ищет! — обречённо вздохнул про себя участковый..

— Как вас зовут?

— Варвара Тимофеевна.

— Варвара Тимофеевна, вы напишите заявление, и мы будем искать.

— Да неграмотная я, милоч, писать не умею. Лучше я всё расскажу, а ты сам запиши.

— Хорошо, — согласился лейтенант, доставая бумагу и ручку. — Сколько ему лет?

— Да немного, всего два годка.

Даже внезапная автоматная очередь над головой не произвела бы на Ширинкина такого впечатления! Несколько мгновений он ошалело смотрел на бабу, осмысливая услышанное: «Ей на вид лет под восемьдесят, а сыну — два года?!»

— Может, он не сын, а правнук? — уточнил участковый.

— Нет, сынок! — упрямо, даже с обидой сказала старуха. — Я его два года назад на базаре купила.

— На базаре?! — почти вскричал Ширинкин, выронив ручку, чувствуя, как мозги начинают разрываться череп.

«Или я сошёл с ума от жары и у меня слуховые галлюцинации, или у неё крыша поехала! А вдруг она сбежала из психушки? Надо выяснить. Если она говорит правду, то такого криминала в нашем районе ещё не было! Торговля детьми! Мало того, что с момента преступления прошло два года, вдобавок ребёнок исчез, и его нужно искать. Если она всё-таки тронутая, с ней нужно быть осторожным, не волновать!»

— Варвара Тимофеевна, — овладев собой, мягко сказал участковый, — вы откуда ко мне пришли?

— Из своего дома, откуда ж ещё! Местная я!

— Из дома? Прекрасно! — изобразил жизнерадостную улыбку лейтенант. — Вот скажите, какие особые приметы есть у вашего сыночка, или кем он вам там приходится?

— Какие особые приметы?

— Ну, может, шрамики на теле или родиночки.

— Какие родинки могут быть у гуся? — удивилась старушка.

— Так это — гусь?! — гневно воскликнул участковый, грохнув по столу кулаком. — Тогда какого чёрта ты паришь мне мозги каким-то сынком?!

— Он был мне как сынок, — заплакала она частыми мелкими слезинками, — совсем ручной. Сядет на колени, прижмётся, как ребёнок к матери, а я глажу его по спинке. Он такой добрый, доверчивый, всё понимает, глаза — как у человека, только сказать ничего не может. Позову — и он бежит ко мне, расправив крылышки. Он живёт в сарайчике, а на зиму я забираю его в дом. Я ещё сплю, а он просунет голову мне под одеяло, ущипнёт легонько, дескать — вставай, мамка, есть хочу! А теперь нет сыночка...

Лейтенанту стало неловко за свою несдержанность.

— Извините меня, Варвара Тимофеевна! Вы с кем живёте?

— Да одна я, милоч, одна. Муж, ветеран войны, давно помер. Я бездетная. Во дворе живности никакой. Вот и решила купить себе гусёнка. Хоть какая-то живая душа рядом!

Их разговор прервал товарищ майор Жабоедов. Он стремительно вошёл в кабинет. Высокий, плечистый, громогласный, в низко надвинутой фуражке. Участковый коротко рассказал ему о просьбе одинокой вдовы. Начальник серьёзно сказал:

— Ну что ж, Ширинкин, займись. Пусть народ знает, что мы не отказываемся даже от таких дел.

Жабоедов перебрал папки на столе, взял дело о наркоторговле.

— Это я забираю, займусь лично, а ты ищи гуся, о результатах доложишь.

— Товарищ майор, у меня тут... — торопливо сказал Ширинкин, протягивая рапорт.

Начальник бегом прочёл, отдал назад:

— Потом поговорим, лейтенант, ты давай гуся ищи!

Ширинкин писал заявление под доверчивым взглядом старушки и думал: «Дохлое это дело! В селе чуть ли не каждый день у одиноких старух крадут гусей, кур, кроликов, овец и коз, причём пропажу найти невозможно. Гуся, наверняка, давно уже съели или продали!»

— Вот что, Варвара Тимофеевна! — сказал лейтенант, закончив писать и надевая фуражку. — Мне надо ехать в район. Я подвезу вас домой и заодно осмотрю место преступления.

Местом гнусного преступления оказался скособоченный деревянный сарайчик с прогнившими кое-где досками, дырявой крышей, дверью из штакетов с хлипким ржавым засовом, висящим на одном согнутом гвозде.

«М-да, здесь и десятилетний может утащить! А если бабушка сама забыла закрыть и гусь убежал? Всё может быть... Ладно уж... Пусть нет шансов на успех, зато покажу, что мы прониклись сочувствием и хотим помочь», — подумал участковый и обернулся к потерпевшей.

— Мне всё ясно, Варвара Тимофеевна! Вы идите в дом, отдохайте, а я начну расследование и поиски вашего Толика.

Для очистки совести Ширинкин пошёл к соседям старушки, расспросил, знают ли они что-нибудь об этом деле, могут ли что-то рассказать, и везде слышал одинаковые ответы: «Ничего не видели, ничего не знаем, ничего сказать не можем». Некоторые издевательски смеялись после его ухода и вертели пальцем у виска.

«Я сделал всё, что мог!» — подумал Ширинкин и поехал по своим делам, стараясь как можно скорее забыть о гусе...

Долго мотался лейтенант по району, лишь к вечеру сделал все дела и, усталый, возвращался обратно, мечтая о том, как приедет к себе в участок, плотно перекусит, посмотрит по телевизору футбол и завалится спать.

По дороге он обогнал микроавтобус областного телевидения с номерами контактных телефонов на бортах. «Завтра в нашем районе открытие отреставрированной церкви, и они будут снимать! — вспомнил он. — А что, если предложить им сделать репортаж о вручении украденного гуся хозяйке, в торжественной обстановке? Вот и прославлюсь тогда! Нужно срочно найти его!»

Участковый притормозил, пропуская вперёд микроавтобус, записал телефоны.

Несколько минут езды и вдруг — остановка! Лейтенант достал сотовый телефон, набрал номер.

— Товарищ майор, ваше задание выполнено!

— Ты его уже нашёл? — голос начальника был запыхавшийся.

— Так точно! — весело ответил участковый, глядя на стадо гусей в поле неподалёку от дороги, по описанию очень похожих на старушкиного. Гуси спокойно отдыхали, спрятав головы под крыльями.

Ширинкин рассказал о своей идее с репортажем.

— Молодец, Серёга, голова у тебя варит! Диктуй телефоны, я сам свяжусь с ними, обо всём договорюсь.

Ширинкин осторожно подкрадывался к гусям, всё больше пригибаясь к земле, как крадётся к беспечно чирикающим воробьям хитрый кот. Когда до крайнего гуся оставалось совсем немного, Сергей резко прыгнул, схватил его, зажал клюв и побежал. Остальные гуси с испуганным гогогом бросились врассыпную. По дороге лейтенант поскользнулся на коровьей лепёшке, упал, однако успел подставить локти, чтобы не придавить гуся и не искать потом нового, сильно ушиб колено, с трудом встал и, прихрамывая, побежал к машине. Он бросил добычу на заднее сиденье, и машина рванула с места...

Оставлять гуся на ночь в кабинете лейтенант не стал — загадит, как загадил машину — запер его в пустом «обезьяннике», смазал зелёнкой ободранные локти и колено, и лёг спать...

Возле дома Варвары Тимофеевны собралась большая толпа людей, полукольцом окружив микроавтобус областного телевидения: оператора с видеокамерой на плече, журналистку — красивую молодую девушку в розовой кофточке и короткой юбке, представителей власти в лице товарища майора Жабоедова и участкового инспектора лейтенанта Ширинкина и, наконец, саму «виновницу торжества» с гусем на руках.

Варвара Тимофеевна, улыбаясь, благодарно кивала в ответ на поздравления односельчан и, наверное, чувствовала себя самым счастливым человеком на свете!

Каждый сказал своё слово для прессы. Когда журналистка брала интервью у Ширинкина, он с вождением её разглядывал — голубоглазую, с длинными волосами, чёрной шалью обнимающими плечи. Его взгляд то и дело соскальзывал в глубокий вырез её кофточки на призывные округлости. «Вот это сиськи! Интересно, как к ней подкатиться?» — думал лейтенант.

Потом слово предоставили товарищу майору Жабоедову. Он отчеканил: «Участковый Ширинкин провёл блестящее оперативно-розыскное мероприятие, в результате которого по горячим следам был задержан похититель, ранее уже совершавший подобные кражи. Отмечу особо, что гусь найден в соседнем районе и теперь благополучно возвращён хозяйке!»

На вопрос: «Что вы хотите сказать для телезрителей?» Варвара Тимофеевна взволновано произнесла: «Спасибо мальчикам из милиции за моего Толика!» — и замолчала, не зная, что добавить. Решив, что старушке сказать больше нечего, журналистка хотела закончить репортаж. Однако Варвара Тимофеевна со словами: «Погоди, дочка, дай ещё скажу!» — потянулась к микрофону и прокричала: «А ещё я хочу передать привет своей сестре из Ростова! Маша, смотри, мой сыночек нашёлся!» — и сунула раскоряченного гуся в «глазок» камеры.

В толпе засмеялись, захолопали. Старушка смутилась, крепко прижав к себе гуся, отчего птица гаркнула, обрызгав помётом её светлое нарядное платье...

«Неплохое получилось «гусь-шоу»! А рапорт Сергея я ни за что не подпишу, пусть и дальше прославляет родной район. Нечего такие кадры терять!» — глядя на оживлённых людей, думал майор Жабоедов, с удовольствием вспоминая бесстыдные ласки обольстительной Люськи Ширинкиной...

Юрий Иванов

г. Краснодар

Не для дам

***

Писать стихи – пустое дело,
Когда их некому читать.
Страна совсем осоловела
И режет в Бога-душу-мать...

Ей не до жиру – быть бы живу,
Ей не до песен и стихов:
Кому – копать златую жилу,
Кому – бульон из потрохов.

Но впереди – одна дорога.
Бегут в последний марш-бросок,
Один – до золотого гроба,
Другой – до струганных досок.

09.03.2011 г.

Stagnum¹

Луна шербатаю тарелкой
Висит – как будто на стене.
Кометы мечутся, как белки,
В моём распахнутом окне...

Собака лает на помойке,
И мне не спится в эту ночь.
Воруют кирпичи на стройке
(Быть может – выйти и помочь?)...

Ещё одни проходят сутки,
А жизнь – как тухлая вода,
Стоит в задумчивости жуткой,
Не утекая никуда.

29.06.2011 г.

---

¹ лат. – Стоячая вода

Встреча одноклассников

(или 40 лет спустя)

Я не пойду на эту встречу,
Чтоб нервы слабые сберечь. –
Там каждый старостью помечен,
А кое-кто похож на Смерть.

Тщедушны дедушки, а дамы
Рихтуют бедра об косяк...
Мне не нужны такие драмы,
Я не хочу попасть впросак
И быть
        неузнанным другими,
Всем говорить, что *это* – я,
И вспоминать, что между ними
Прошла вся молодость моя...

Ты ничего не перепутал,
И знаешь сам, каким ты стал.
И сам себя, как экзекутор,
Не мучь правдивостью зеркал!

12.06.2011 г.

***

Живу я, в общем, не богато,
И ко всему давно привык
В краю с названием глуповатым –
«Коммунистический тупик».

Когда дожди идут не хило,
На крыши гоним мы коров:
У нас тут лужи – шире Нила –
В бинокль не видно берегов...

Зимой снега понавалит –
Туннели роет каждый день,
А летом так на солнце жарит,
Что ну его, то лето, в пень!

Но есть мечта у наших граждан:
Наступит счастья сладкий миг –
И перекрестят нас однажды
В «Демократический тупик».

21.06.2011 г.

Проходят годы...

«Проходят годы, но нет исхода».

Из песни Аркадия Северного

Мечты, мечты... Всё пролетело –
Ещё б немного протянуть
Да на грядущем юбилее
От длинных тостов не заснуть.

А с каждым годом – всё седеет,
Стал неказистым внешний вид...
Под утро ноги холодеют –
Не дай, Господь, тромбофлебит!

Проснешься утром и не помнишь
Как тещу старенькую звать...
Случайно рубль где обронишь –
Проблема новая: поднять.

Проходят годы – нет исхода,
А юным это не понять:
Стучишься в дверь, где нету входа,
А впору выхода искать...

02.09.2011 г.

Живите в доме

«Живите в доме – и не рухнет дом»

Арсений Тарковский

«Мой дом – моя крепость»

Английская пословица

Живите в доме – дом не рухнет.
Ну, может, станет набекрень,
Поедет крыша, мебель вспухнет...
А то – ещё какая хрень.

Живите в доме омертвелом –
Пускай сочится грязь из труб:
У нас чинушам нету дела
До никому не нужных судьб.

Живите в бабушкиной хате –
Здесь будет вам роддом и гроб,
А если на налог не хватит –
Вас молча выбросят в сугроб.

Живите в доме – кровь из носу,
Пока не выселят к чертям:
Всё в нашей жизни под вопросом,
А вот ответы – не для дам.

18.08.2011 г.

Эх, не накликай бы беду

Эх, не накликай бы беду,
Когда пишу о жизни нашей –
Кропай о лютиках в саду,
Но жизнь, увы, не станет краше.

Никто не выпишет рецепт,
Которым вылечат кручину,
Коль, на земле покоя нет
И кто-то часто дышит в спину...

25.08.2011 г.

Конец

Настанет день: раскроют окна
И, молча, вымоют полы,
Поужинают неохотно,
Соседям разнесут столы...

Присядут, пряча под косынки
Седые локоны волос.
Утрут последние слезинки
И часто хлюпающий нос.

И боль появится за грудью,
И всё останется в былом...
И дальше жизнь пустою будет,
Как дом, назначенный на слом.

14.08.2011 г.

Проходит жизнь

Приходит старость... Боже мой,
Как быстро годы пролетели!
Мы все обратно бы хотели
Вернуться к матери домой.

Где всё уютно и любимо:
Бабулька варит холодец,
Где папа с мамой молодые,
А я – заносчивый юнец.

Где ждут меня и спать не лягут,
Волнуясь: «Где же наш сынок?..»
Где мать бежит встречать бродягу
И под собой не чувствует ног.

Всё миновало...
Только дети –
Моя счастливая пора.
Теперь, я сам за них в ответе,
Волнуюсь так же до утра.

«Круговорот людей в природе» –
Вот тема для научных книг.
Но, как вернуть былые годы,
Никто на свете не постиг.

03.08.2011 г.

Забытая деревня

Здесь мухи падают от скуки
И спят коровы на ходу,
Под магазином – руки-в-брюки –
Селяне с «Примою» во рту.

Сто первый год здесь нету газа,
Всё обещают, что дадут:
«Его в деревню пустят сразу,
Как только выборы пройдут».

Тридцатый год нам баню строят...
Вчера сказали, прямо в лоб,
Что перед смертью всех помогут
И чистыми уложат в гроб.

Нам лучше под казённой крышей,
Коль мы остались не у дел:
Сосед Ванюха – только вышел,
А кум Василий – только сел.

Мы землю здесь давно не пашем –
Чего-то власти ждут-пождут.
Прошёл слухок: деревню нашу
Китайцам скоро продадут.

Они ж устали от забот
О душах наших!..
Нас проще выбросить за борт
Ковчега «Russia».

29.04.2011 г.

Каменщик и стихи

*Михаилу Павловичу Камирному –
знатоку и ценителю поэзии*

Я в жизни каменщика знал –
Он век земной, как вол, горбатил,
Но так поэтов обожал,
Что на стихи все деньги тратил.

Ушёл на пенсию и, вот, –
Ему бы малость подлечиться,
А он до «книжного» бредёт,
Чтоб новым словом насладиться.

Простой, казалось бы, мужик,
С душою тонкою. При этом
Так мир поэзии постиг,
Как не дано иным поэтам.

Хвала и слава мужикам,
Что держат грубыми руками
Не домино и прочий хлам,
А тонкий томик со стихами!

31.08.2011 г.

Мы бережём слова иные

Мы бережём слова иные
До лучших дней, иных времён –
Не понимая, что родные
Их ждут сейчас, а не потом.

Слова как будто в сейф убрали.
Их Время превращает в хлам –
Слова, что так и не сказали
Ни женам мы, ни матерям...

25.08.2011 г.

Тамара Колесникова Ростов-на-Дону

Помидор рассказ

Бабушка, кряхтя, вошла в прихожую с полной сумкой продуктов.

— Настя, помоги! — крикнула она с порога.

Внучка с трудом оторвалась от модного телевизионного сериала. Вечно бабушка пристанет в самый неподходящий момент!

— Ну, чего?

— Отнеси сумку в кухню и дай мне тапочки.

Бабушка, как квашня, расплзлась по скамейке. Пыхтела и сморкалась.

Настя швырнула ей тапочки, со злостью схватила кошёлку, закинула её на кухонный стол и опять ринулась к телевизору.

Она досмотрела очередную серию и теперь сидела на диване не зная, чем заняться. После окончания девятого класса девочка не могла решить, что ей делать дальше. Ну не было у неё желания учиться. Работать, что ли, пойти? Куда и кем?

В голове была каша.

С кухни донёлся запах драников, картофельных оладий, которые жарила бабушка.

— Опять оладьи, надоело! Мяса хочу!

— Ноне мясо кусается! Не по нашим карманам мясо. Спасибо, что на картошку денег хватает. Вон, даже на сметанку сэкономила. А на мясо пойдёшь, заработай сама. Гляди, какая кобылка выросла!

— Ну, куда я пойду? На биржу труда, что ли?

— Настя! Я шла домой и увидела на двери жилконторы объявление, что нужен секретарь. Оклад четыре тысячи рублей. Маловато, конечно, но тебе на мясо хватит.

Когда Настю отвели в комнату, где ей предстояло работать, в сердце девушки заползла щемящая тоска.

— Какое убожество! Стены оклеены замшелыми обоями. Стол шатается, стул рассыпается. И три тётки непонятного возраста будут украшать мне рабочий пейзаж целый день, — уныло прошептала Настя. — Ой, компьютер!

Компьютер на отдельном столике в этой комнате был как пришелец с другой планеты.

— Ты разбираешься в компьютере? — спросила одна из сотрудниц.

— У меня в школе по информатике была твёрдая пятёрка.

— Слава Богу, пойду, скажу Борису Анатольевичу... — И сотрудница потрусилась из комнаты.

Минуты через две на пороге появился мужчина лет сорока. Среднего роста, крепко сбитый, с холёным лицом. Блестели волосы на голове, уложенные волосок к волоску. И сердце Насти замерло...

На нём был костюм из дорогой, немнущейся ткани цвета мокрого асфальта. Рубашка — нереально белая. Рукава прихвачены золотыми запонками. Красивый галстук — синий, в розовую полоску. И аккуратные руки с тщательно отполированными ногтями.

«Как денди лондонский одет» — мелькнула в голове у Насти строчка из «Евгения Онегина».

Скользнув по девушке равнодушным взглядом, Борис Анатольевич произнёс:

— Во второй половине дня подойдёт мастер. Подключит компьютер. Новая сотрудница пусть занимается регистрацией заявок.

И вышел из комнаты. После ухода шефа женщины молчали минут пять, находясь под впечатлением его присутствия и вдыхая запах дорогой туалетной воды. Видно, не часто Борис Анатольевич баловал сотрудниц своими посещениями.

Два месяца Настя ходила на работу, как на праздник. Её уже не смущала неприглядность помещения, где она проводила рабочий день. Ведь в нескольких шагах от неё находился кабинет, где сидело Божество. Она прислушивалась к каждому скрипу стула, невнятному говору, который доносился из кабинета начальника. А когда понимала, что Борис Анатольевич вышел в коридор, опрометью летела туда, стараясь пересечься с ним.

Но все попытки привлечь к себе внимание шефа были безуспешны. Ну, никак он не реагировал на них. Совсем никак.

Из разговоров сотрудниц Настя узнала, что Борис Анатольевич полгода назад разошелся с женой. Оставил ей и сыну квартиру, живёт в съёмной коммунальной комнате.

Что матери не расскажешь, то старой бабушке поведаешь:

— Бабуля, как он мне нравится! — мечтательно говорила Настя. — Но почему я не нравлюсь ему?

— Старый он для тебя, детонька. Зачем мужику связываться с малолеткой? Ни к чему твоему начальнику неприятности.

— Куда Борис Анатольевич ходит обедать? — допытывалась Настя у женщин-бухгалтеров жилконторы.

— В столовую при администрации района. Наверно, очень хочет работать там. Обедая, ведь, можно завести нужные знакомства. Смотришь, и поднимется в должности. Целеустремлённый он очень. Да и заслуживает этого. Порядочный. Не пьёт, не курит. Обходительный, — наперебой рассказывали Насте женщины. — А что с женой разошелся, так с кем не бывает. Не все женщины понимают, в чём их счастье.

Настя проследила, куда именно ходит обедать шеф. И решила идти ва-банк.

Оббежала всех своих подружек, бывших одноклассниц. У одной попросила на денёк кожаную мини-юбку. У другой — навороченный блузон. Туфли

на высокой шпильке. Окрасилась в блондинку. И вышла из конторы чуть раньше перерыва, опережая шефа.

Столовая при администрации района внутри походила на уютное кафе. Тихо звучала музыка. Зал наполнялся народом. Мужчины и женщины в пиджачных парах заходили по двое, по трое. Видно, у каждого здесь было своё любимое место. Люди знали друг друга, здоровались.

Настя забилась за угол, нашла там стоячее местечко возле барной стойки. Взяла стакан холодного апельсинового сока и стала ждать прихода Бориса Анатольевича.

— Слава Богу, пришёл наконец... Куда же он направится?.. — прошептала она, увидев шефа.

Здесь Борис Анатольевич мало отличался от окружающих. Так же хорошо одет, обут — как все. Но рубашка всё же белее, наряднее...

Шеф сел за столик. К нему подошла официантка, приняла заказ. И только Настя собралась ринуться к нему, как её опередил какой-то импозантный мужчина, присел рядом с шефом. Борис Анатольевич приподнялся, мужчины церемонно пожали друг другу руки.

Настя с досадой смотрела на них. Потом всё же решилась. Она понееслась словно по инерции. И остановиться уже не могла. Сходу брякнулась на обтянутый искусственной кожей стул напротив Бориса Анатольевича. Стул издал возмущённый звук:

— П-у-у-к-к.

Борис Анатольевич даже глазом не моргнул.

Знакомый шефа улыбнулся девушке:

— Что за фея прилетела к нам?

В этот момент официантка подала шефу первое — солянку в глубокой тарелке.

— А вы что будете? — спросила она у Насти.

Девушка брякнула:

— Котлету.

— И всё?

— И всё.

Официантка ушла, приняв заказ и у второго мужчины.

Борис Анатольевич спокойно ел. Его знакомый начал заигрывать с Настей. Строил девушке глазки. Даже попытался ущипнуть под столом за упругое бедро.

Женские руки поставили перед Настасьей большую тарелку с котлетой, вокруг которой оранжевой соломкой рассыпалась морковка по-корейски, рядом лежал аппетитный красный помидор.

Настя взяла в правую руку вилку. Посмотрела на Бориса Анатольевича. У того вилка была в левой руке. А правой он отрезал маленькие кусочки хорошо прожаренного мясного стейка и не спеша отправлял их в рот.

Настя переложила вилку в левую руку. Взялась за нож, но тот выскользнул из руки и с грохотом упал под стол. Девушка задвинула его носком туфли как можно дальше.

Мужчины сделали вид, будто ничего не заметили, вели беседу на отвлечённые темы.

Настя, с пылающими щеками, наколола котлету на вилку и постаралась побыстрее проглотить её, почти не разжевывая. Она чувствовала себя плохо: «Идиотка! Чего я припёрлась сюда? Думала поговорить с Борисом Анатольевичем, познакомиться поближе? Из кафе, мол, выйдем под ручку! Размечталась, дура! Вот пена, блин!»

Морковные соломки никак не хотели цепляться на вилку и расплзлась червяками по тарелке. И Настасья решила покончить с «этим грязным делом», для чего съесть помидор и с достоинством удалиться.

Подняв помидорчик вилкой, девушка открыла свой красивый ротик и впи-лась молодыми зубками в блестящий алый бок. Овощ с хрустом лопнул, и из него фонтаном полетела в сторону дорогого и любимого шефа струя красного сока с мелкими жёлтыми семенами. Прямоком — на белоснежную рубашку. Кажется, досталось и холённому лицу соседа по столу.

«Мне конец! — тоскливо подумала Настя. — Сейчас он меня уничтожит!..» Она замерла, напряжённо глядя на шефа.

Но шеф почему-то не спешил уничтожить её. Скорее наоборот. Этот важный, красивый мужчина, Настин идеал, дрожащими руками вытирал салфеткой помидорный сок с рубашки. И глаза его светились — нет, не гневом, глаза его почему-то излучали страх. Она не понимала, чего он боится, но ей неожиданно стало весело, захотелось сказать что-нибудь такое дерзкое, даже похабное...

Подбежали сразу две официантки с накрахмаленными салфетками. Анастасия положила на стол деньги за котлету и выскочила из кафе.

Шеф пришёл только через час. «Бегал домой рубашку менять», — поняла девушка.

Чары рассеялись. Она больше не была влюблена. Помидор сделал за неё выбор. Надуманное совершенство потеряло своё величие. Позолота, которой влюблённая девушка покрыла своего кумира, начала осыпаться. И в помещении снова вылезли наружу трещины на стенах, давящий потолок полуподвального помещения и неприятный запах канализации, проникающий из подвала. Захотелось на свет, на волю, к весёлым и беззаботным друзьям.

Она вышла на улицу, и солнце ослепило её, ветерок захороводил, росшая возле подъезда молодая берёзка провела по лицу своими нежными листиками.

И тут же с двух сторон девушку подхватили чьи-то руки. Саша и Никита, бывшие одноклассники, разом заговорили:

— Вересова, ты куда потерялась?

— Да тут, в одной шарашкиной конторе работаю.

— Нравится?

— Нет! А вы где? Поступили куда-нибудь учиться?

— Да. В авиационный колледж. Ты знаешь, Настя, у нас требуется секретарь в отдел кадров. Иди к нам. Работай будешь и учиться на вечернем отделении.

— Спасибо! Я приду обязательно!

И с лёгким сердцем, девушка побежала назад в жилищную контору. Увольняться...

Михаил Колмыков
г. Ростов-на-Дону

Стремлюсь...

С Дона выдачи нет

Спит в степи,
что ночью простёрлась кошмой,
Спит, туманом укрыт,
Тихий Батюшка-Дон...
А казак удалой
    поспешает
        домой –
Бесерменку¹ себе взял добычею он.

Но горячая пыль по-над шляхом клубит –
Это ханские скачут мамлюки² вослед:
Никогда
    никому
        не уйти
            от судьбы,
Что настигнет, сразив, будто мстивый стилет.

Под луной золотой
    серебрится ковыль...
Чуть затеплился кромкой степною рассвет,
А по шляху горячая стелется пыль –
К Дону мчит конь гнедой:
с Дона выдачи нет!

Вышел к Дону завтра мамлюков отряд –
Там поля и сады, да раздольная степь.
А по Дону казачьи заставы стоят...
И, как волки, мамлюки рассыпались в цепь.

---

¹бесермен, бусурман, басурман – иноверец, иноземец, не православный

²мамлюки, мамелюки – ханская гвардия

Жизнь, как бильярд, – занятная игра!
И люди суетятся, как шары:
Здесь каждый ищет
                                славы и наград...
Здесь каждому
Совсем не до игры.

Не помним, что игре придёт конец,
И мы умрём...
И что вотще оставим?
Играем жизнь, а смерть – её венец...
Как кончим путь? – Бесславно ли, во славе?..

Но жизнь –
Ещё шумит лесной листвой
И ливнем, барабанящим по крыше,
Морским прибоем, майскою грозой...
И смехом, что от милых наших слышим!

И я – как все, в ничтожной суете
Стремлюсь взять приз, как все – желаю славы!
Вокруг друзья, подруги...
да не те...
И нет в игре сей смысла, нет в ней правды.

И за окном всё та же суета.
А рядом – безучастность, как недуг,
И женщина...
да женщина не та...
Да – недругом вдруг стал мне лучший друг...

Нет никого!
Стол бильярдный – чист,
И жизнь прошла, как сон, в плену иллюзий.
Последний с ветки пал осенний лист...
Конец игре...
И шар
                                последний
  в лузе...

Поэзия... Поэзия... Поэзия...

Я многое люблю...

*Стихи участников совещания молодых литераторов
Ростовской области 2011 года*

**Сергей Волошин,
г. Таганрог, 23 года**

Красный

Покрасить бы стены
В красный,
И вбить в этот красный
Гвозди –
Прожить бы от страсти
До старости,
Питать виноградные
Грозди.

И что между дрожью
И ложью?
Как между тобою
И кем-то...
Я пью свою чашу,
Как божью;
Курю, как гашиш,
Сигареты.
И речи страдают
От астмы,
И время – из рук,
Сквозь глину...
Покрасить бы стены
В красный!..
Но клином не вышибешь
клина.

**Елена Жданова,
г. Новочеркасск, 20 лет**

***

Я уступаю место злу
И жду бесценную грозу:
Развевать белую золу,
Не дать отчалить кораблю...

Пусть девять дней бушует дождь –
Пройдёт и смоем боль и ложь!
Родной мой, знай, что ты живёшь
За то, что я тебя люблю.

**Ирина Мудриченко,
г. Шахты, 28 лет**

Ночь до зимы

Ветер веки обжёт. В полынье облаков
Чуть колышется месяца острая льдинка...
Спи, любовь моя, спи – до зимы только ночь.
Синевой взялся краешек старого снимка.

Мокрой хвоей усыпан небесный лоскут,
Запекается чёрным кайма золотая...
Спи, любовь моя, спи... Может, в этом лесу,
Словно в сказке дурацкой, тебя закопают.

Спи, любовь моя, спи! До зимы – только вдох.
Пуля к сердцу прижала свинцовые губы...
Ни к чему умирать, чтобы знать наперёд
Всё, чего никогда между нами не будет.

**Юлия Побужанская,
г. Новочеркасск, 24 года**

***

Сердце стучит, еле слышно,
Тихо уснула душа...
Жить бесконечно не вышло,
В этом пути не греша.

Судьбы нам свыше пророчат –
Их изменить не дано.
Вечные тёмные ночи
Глянут однажды в окно...

**Мария Склярова,
г. Ростов-на-Дону, 18 лет**

Я многое люблю...

Я многое люблю на голубой Земле:
Люблю держать в руке бокал тюльпана,
Ступать по утренней заплаканной траве
И чувствовать дыхание тумана.

Люблю, когда со мной целуются ветра,
Скользят под платье и ласкают тело;
Когда под окнами смеется детвора,
Когда асфальт у школ – в узорах мела.

Люблю, когда закат – безумнейший закат! –
На небе поднимает парус алый;
Люблю, когда со мной о дружбе говорят;
Когда бывает случай небывалый.

Люблю, когда звенит малиново собор;
Когда спокойны мысли и воздушны;
Когда гитарных струн печален перебор;
Когда слова руке моей послушны.

Люблю смотреть на город в предрассветной мгле,
И уходить – внезапно, по-английски.
Я многое люблю на голубой Земле...
С чего ты взял,
что ты есть в этом списке?!

**Елена Шевченко,
г. Ростов-на-Дону, 15 лет**

***

Мне опротивел мой высокий слог:
Он пуст, как червем выеденный череп.
Своё отживший идол (гордый бог!)
Отвергнут и сожжён – увечен, черен...

Слог отдан мне... За святость или грех?..
Зачем? – Чтоб отразила им надежду?
Но не заштопать словом тех прорех,
Что ветхую изрезали одежду.

Светла надеждой, мысль моя – легка!
Хоть ночь без сна забыть была б я рада,
Сама к бумаге тянется рука...
И наказание – это...

и награда.